

№ 3
2024

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ
«МИР РУССКОГО СЛОВА»

Выходит ежеквартально

Журнал издаётся с 2000 года

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия (свидетельство ПИ № ФС77–30539 от 20.12.2007)

ISSN 1811–1629

<https://mirs.spbu.ru/>

THE SCHOLARLY
AND METHODOLOGICAL JOURNAL

“THE WORLD OF RUSSIAN WORD”
(Mir russkogo slova)

Quarterly journal

The journal has been published since 2000

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media (certificate ПИ № ФС77–30539 dated 20.12.2007)

ISSN 1811–1629

<https://mirs.spbu.ru/>

Учредители:

Ассоциация преподавателей русского языка и литературы, Санкт-Петербургский государственный университет

Издатель:

Издательство Санкт-Петербургского государственного университета

Редакционная коллегия

К. А. Рогова (главный редактор) — д-р филол. наук, проф., почетный проф. СПбГУ
В. А. Абрамов — д-р филол. наук, проф., КубГУ

Э. М. Афанасьева — д-р филол. наук, Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина

Л. Г. Бабенко — д-р филол. наук, проф., УрФУ им. Б. Н. Ельцина

Н. Г. Бабенко — д-р филол. наук, проф., БФУ им. И. Канта

Х. Вальтер — д-р филол. наук, проф., Университет г. Грайфсвальда

М. Д. Воейкова — д-р филол. наук, проф., СПбГУ, ИЛИ РАН

О. Е. Дроздова — д-р пед. наук, доц., МПГУ, РГПУ

Л. А. Дунаева — д-р пед. наук, проф., МГУ им. М. В. Ломоносова

А. С. Иванова — канд. пед. наук, доц., РУДН им. Патриса Лумумбы

Н. В. Изотова — д-р филол. наук, проф., ЮФУ

Е. И. Костанди — канд. филол. наук, доц., Университет Тарту

А. Б. Лихачева — д-р гуманитар. наук, проф., Вильнюсский университет

В. А. Марьянчик — д-р филол. наук, проф., САФУ

В. В. Прозоров — д-р филол. наук, проф., СГУ

Ю. Е. Прохоров — д-р пед. наук, д-р филол. наук, проф., заслуженный деятель науки РФ, СПбГУ

М. Ю. Сидорова — д-р филол. наук, проф., МГУ им. М. В. Ломоносова

И. Н. Сухих — д-р филол. наук, проф., СПбГУ

М. Д. Тагаев — д-р филол. наук, проф., Кыргызско-Российский Славянский университет им. Б. Н. Ельцина

Н. Чуйкина — канд. филол. наук, Таллинский университет

Н. И. Шром — PhD, ассоц. проф., Латвийский университет

В. Д. Янченко — д-р пед. наук, доц., МПГУ

The Founders:

Association of Teachers of Russian Language and Literature, St. Petersburg State University

Publisher:

St. Petersburg University Press

Editorial board

K. A. Rogova — editor-in-chief, St. Petersburg State University

V. A. Abramov Kuban State University

E. M. Afanasieva Pushkin State Russian Language Institute

L. G. Babenko Ural Federal University

N. G. Babenko Immanuel Kant Baltic Federal University

H. Walter Universität Greifswald

M. D. Voeikova St. Petersburg State University

O. E. Drozdova Moscow Pedagogical State University

L. A. Dunaeva Lomonosov Moscow State University

A. S. Ivanova RUDN University

N. V. Izotova Southern Federal University

E. I. Kostandi University of Tartu

A. B. Likhacheva Vilnius University

V. A. Maryanchik Northern (Arctic) Federal University

V. V. Prozorov Saratov State University

Yu. E. Prokhorov St. Petersburg State University

M. Yu. Sidorova Lomonosov Moscow State University

I. N. Sukhikh St. Petersburg State University

M. D. Tagaev Kyrgyz-Russian Slavic University

N. Chuykina Tallinn University

N. I. Shrom University of Latvia

V. D. Yanchenko Moscow Pedagogical State University

Адрес издателя:

199004, Санкт-Петербург, В. О., 6-я линия, д. 11

Адрес редакции:

199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9
e-mail: mirs@spbu.ru

Publisher's address:

11, 6th Line V. O., St. Petersburg, 199004, Russia

Editorial board's address:

7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russia
e-mail: mirs@spbu.ru

По вопросам приобретения и подписки обращаться:

Издательство СПбГУ.

Сайт: publishing.spbu.ru

Контакты: +7(812) 328-44-22

+7(812) 328-77-63

e-mail: publishing@spbu.ru, post@spbu.ru

Журнал включен в:

– перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (с 2007 года);

– российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и представлен в Научной электронной библиотеке;

– научную электронную библиотеку «КиберЛенинка»

Abstracting and Indexing

– is represented in Scientific Electronic Library (elibrary.ru)

– Scientific Electronic Library CyberLeninka

Подписной индекс

по каталогу «Пресса России» 72396

Тираж 65 экз.

Цена свободная

Отпечатано в типографии Издательства СПбГУ. 199034, С.-Петербург, Менделеевская линия, д. 5.

Дата выхода в свет: 20.03.2025

№ 3 2024

В НОМЕРЕ

CONTENTS

Главный редактор:

К. А. Рогова —

*д-р филол. наук, проф.,
почетный проф. СПбГУ*

Зам. главного редактора:

С. А. Кузнецов —

д-р филол. наук, проф.

Зам. главного редактора:

Д. А. Щукина —

д-р филол. наук, проф.

Ответственный секретарь:

М. М. Ровинская

Редактор:

Г. А. Диль

Корректор:

Т. И. Селиванова

Верстка:

О. Е. Степурко

4 Вступительное слово

[ЛИНГВИСТИКА]

5 В. М. Мокиенко
Библейское крылатое слово
в Славии

14 М. Ю. Котова
Об именной вариантности
активно употребительных
русских пословиц на фоне
их актуальных словацких
пословичных параллелей

23 О. С. Сергиенко
Вариантность русских
пословиц паремиологического
минимума с компонентом
«собака» и их чешские
пословичные параллели

35 Л. Б. Карпенко
Концептуализация состояния
человека и среды в русском
языке

44 Т. В. Никитенко
Влияние урбанизации
на аксиологическую динамику
слова (на примере фрагмента
тезауруса, обозначающего
неупорядоченную группу
людей)

53 С. А. Кабанова
«Язык тела» в изображении
эмоционального состояния
радости в русском и сербском
языках

Preface

[LINGUISTICS]

Valery M. Mokienko
Biblical winged word in Slavia

Marina Yu. Kotova
Towards nominal variation of actively
used Russian proverbs against the
background of their actual Slovak
proverbial parallels

Olesya S. Sergienko
Variance of Russian proverbs of
paremiological minimum
with a component “dog” and their Czech
proverbial parallels

Liudmila B. Karpenko
Conceptualization of the human condition
and the environment in Russian language

Tatsiana V. Nikitsenka
The impact of urbanization on the
axiological change of a word (a study of the
thesaurus fragment denoting an unordered
group of people)

Svetlana A. Kabanova
“Body language” in depicting the emotional
state of joy in Russian and Serbian
languages

[ЯЗЫК И ЛИТЕРАТУРА]

- 61 М. Г. Соколова
Образное выражение семантических признаков «цвет» и «запах» дендронима *акация* в русских поэтических текстах XIX–XXI веков
- 70 К. Новакова, Е. С. Столярова
Пословицы и поговорки из комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» (на фоне словацкого и английского переводов)
- 79 А. В. Пименова
От слов к образам: метафорический экфрасис в творчестве Виктора Пелевина

[МЕТОДИКА]

- 88 М. Ю. Сидорова
Языковое и когнитивное развитие студентов в рамках дисциплины «Русский язык и культура речи»: 10 шагов к покорению сложных текстов (часть 2)
- 100 Л. В. Котане
Лингвистические приемы обучения РКИ на примере тематической группы «Игрушки»
- 110 А. С. Иванова, И. А. Диневич, Г. Н. Майерс
Новый формат представления контрольно-измерительных материалов по русскому языку как иностранному для Первого сертификационного уровня (на примере медико-биологического профиля обучения)

[ЯЗЫК И КУЛЬТУРА]

- 121 Д. Е. Крапчунов, Т. Л. Каминская, Т. В. Шмелева
Филологические исследования в свете тысячелетних традиций словесности на родине России: Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого

[LANGUAGE AND LITERATURE]

- Marina G. Sokolova
Figurative expression of semantic features the “color” and “smell” of the dendronym *acacia* in Russian poetic texts of the 19th–21st centuries
- Kristina Novakova, Ekaterina S. Stoliarova
Proverbs and idioms from the comedy “Woe from Wit” by Alexander Griboyedov (as compared to Slovak and English translations)
- Alina V. Pimenova
From words to images: Metaphorical ekphrasis in the works of Victor Pelevin

[METHODOLOGY]

- Marina Yu. Sidorova
Linguistic and cognitive development of students within the course of Russian language and speech culture: 10 steps to mastering complex texts (Part 2)
- Lyudmila V. Kotane
Linguistic methods of teaching Russian as a foreign language on the example of the thematic group “Toys”
- Anna S. Ivanova, Irina A. Dinevich, Galina N. Myers
A new format for the presentation of control and measuring materials in Russian as a foreign language for the First certification level (using the example of a biomedical training profile)

[LANGUAGE AND CULTURE]

- Daniil E. Krapchunov, Tatyana L. Kaminskaya, Tatyana V. Shmeleva
Millennial traditions of Russian language studies in the homeland of Russia: Yaroslav the Wise Novgorod State University

Вступительное слово

Большая часть этого выпуска журнала представлена статьями, составленными на основе докладов, подготовленных к Международной научной конференции СПбГУ «XXIII Славистические чтения памяти профессора П. А. Дмитриева и профессора Г. И. Сафронова», ежегодно, начиная с 1999 г., проводимой на филологическом факультете.

За прошедшие четверть века конференция стала авторитетным международным форумом славистов и русистов. Опубликовано 11 сборников докладов, материалы востребованы во многих славистических центрах в России и за рубежом. Нынешняя конференция собрала более 70 докладов. Одной из наиболее важных из представленных тем была тема «Русский язык в Славии». Читатель найдет здесь статьи, подготовленные профессорами В. М. Мокиенко, Л. Б. Карпенко, М. Ю. Котовой, доцентами Т. В. Никитенко, С. А. Кабановой, О. С. Сергиенко, старшим преподавателем К. Новаковой в соавторстве с магистранткой Е. С. Столяровой. Авторами четырех статей являются сотрудники кафедры, где зародилась признанная школа фразеологии и паремиологии. Данные разработки посвящены русской фразеологии и паремиологии в сопоставлении с другими славянскими языками.

В. М. Мокиенко, профессор кафедры славянской филологии
филологического факультета Санкт-Петербургского
государственного университета

БИБЛЕЙСКОЕ КРЫЛАТОЕ СЛОВО В СЛАВИИ*

VALERY M. MOKIENKO
BIBLICAL WINGED WORD IN SLAVIA

**Валерий Михайлович
Мокиенко**

<https://orcid.org/0000-0002-0264-0576>

► mokienko40@mail.ru

доктор филологических наук, профессор

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Valery M. Mokienko

Doctor in Philology, Professor

*St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg,
199034, Russian Federation*

Межкультурные связи славянского мира во многом стимулировались переводами Библии на национальные литературные языки. Именно переводы Священного Писания на народные языки стали основой книжных языков Европы. При том что комментирование текста Библии является одним из древнейших и традиционнейших занятий филологов, многие аспекты этой сложной проблематики до сих пор можно относить к малоработанным. Таковы, в частности, вопросы о специфике усвоения конкретными языками тех элементов, которые восходят к тексту Библии, о характере их дальнейшего развития в каждом из данных языков и др. В какой-то степени язык Библии — язык «в себе», своеобразный духовный код, объединяющий народы христианских культур. Тем более значимы с точки зрения сравнительного изучения литературных языков те расхождения, которые наблюдаются в области лексико-семантических явлений. Именно они во многом определяют специфику национальной адаптации библеизмов и их фразеологизацию. Наследие Библии заслуживает специализированного анализа при сопоставлении даже близкородственных языков. Особое внимание при этом уделяется крылатым словам и выражениям библейского происхождения, поскольку они запечатали и сохранили образную и идеологическую «боговдохновенность» Священного Писания. Русский язык, в котором православная вера с ориентацией на церковнославянские сакральные тексты гармонически сближалась с общеевропейской культурой под влиянием польского, французского, немецкого и других языков, обнаруживает здесь свои специфические особенности. Так, в отличие от других европейских языков, русский воспринял через церковнославянские переводы немало заимствований из греческого, которые приобрели в литературном и речевом употреблении маркированную стилистику и семантику и потому получили статус библеизмов. В церковнославянский текст Библии, а затем в его синодальный перевод на русский язык перешло немало слов-реалий, маркированных той эпохой, которая отражена в Священном Писании. Таковы, например, наименования мер

* Исследование выполняется за счет гранта Российского научного фонда (проект № 23-18-00252, реализуемый в Санкт-Петербургском государственном университете) в рамках проекта «Библейское наследие восточнославянских языков в лингвокультурологической и лексикографической интерпретации (Большой русско-белорусско-украинско-русинский словарь библеизмов)».

The research is being carried out with the support of a grant from the Russian Science Foundation (project no. 23-18-00252, implemented at St. Petersburg State University) within the framework of the project “Biblical Heritage of East Slavic Languages in Linguocultural and Lexicographical Interpretation (Large Russian-Belarusian-Ukrainian-Rusyn Dictionary of Biblical Words)”.

веса, денежных единиц, животных, растений и т. п. В статье предлагается сопоставительный анализ наиболее употребительных славянских библеизмов, отразивших как межкультурную общность языковых единиц, так и их достаточно заметное различие.

Ключевые слова: языковое наследие Библии, библеизм, крылатые слова, крылатые выражения, восточнославянская фразеология и паремиология.

The author argues that intercultural relations of the Slavic world were largely stimulated by translations of the Bible into national literary languages. It was the translations of the Holy Scripture into vernacular languages that became the basis of the book languages of Europe. Despite the fact that commenting on the text of the Bible is one of the most ancient and traditional activities of philologists, many aspects of this complex problematic can still be considered underdeveloped. These include, in particular, questions about the specifics of the assimilation by languages of those elements that go back to the text of the Bible, the nature of their further development in each of these languages, etc. To some extent, the language of the Bible is a language “in itself”, a kind of spiritual code uniting the peoples of Christian cultures. All the more significant from the point of view of comparative study of literary languages are those differences that are observed precisely in the area of lexical and semantic phenomena. They largely determine the specifics of the national adaptation of biblical expressions and their phraseology. The legacy of the Bible deserves specialized analysis when comparing even closely related languages. Particular attention is paid to winged words and expressions of biblical origin, since they captured and preserved the figurative and ideological “divine inspiration” of the Holy Scripture. The Russian language, in which the Orthodox faith with its orientation toward Church Slavonic sacred texts harmoniously converged with pan-European culture and the influence of Polish, French, German and other languages, reveals its own specific features here. Thus, unlike other European languages, it adopted many borrowings from Greek through Church Slavonic translations, which acquired a marked style and semantics in literary and speech use and therefore acquired the status of biblicalisms. Many words-realia, marked by the era reflected in the Holy Scripture, passed into the Church Slavonic text of the Bible, and then into its synodal translation into Russian. These include, for example, the names of measures of weight, monetary units, animals, plants, etc. The report offers a comparative analysis of the most commonly used Slavic biblical expressions, reflecting both the intercultural commonality of such linguistic units and their rather noticeable differences.

Keywords: linguistic heritage of the Bible, biblicalism, winged words, winged expressions, East Slavic phraseology and paremiology.

Введение

Язык Библии оказал огромное влияние на формирование литературных языков многих народов,

издревле приобщенных к христианской культуре. Переводы Священного Писания на народные языки стали основой книжных языков Европы. При том что комментирование текста Библии является одним из древнейших и традиционнейших занятий филологов, многие аспекты этой сложной проблематики приходится относить к мало-разработанным. Таковы, в частности, вопросы о специфике усвоения конкретными языками тех элементов, которые восходят к тексту Библии, о характере их дальнейшего развития в каждом из данных языков и др. В какой-то степени язык Библии — язык «в себе», своеобразный духовный код, объединяющий народы христианских культур. Тем более значимы с точки зрения сравнительного изучения литературных языков те расхождения, которые наблюдаются именно в области лексико-семантических явлений. Они во многом определяют специфику национальной адаптации библеизмов и их фразеологизацию.

Межкультурные связи славянского мира во многом стимулировались переводами Библии на национальные литературные языки. Несмотря на универсальность текста Священного Писания и его структурно-семантическое единство, в каждом из языков, на которые оно переведено, наблюдаются не только сходства, но и существенные различия, обусловленные как теологическими, так и лингвокультурологическими факторами. Именно поэтому наследие Библии заслуживает специализированного анализа при сопоставлении даже близкородственных языков. Особое внимание при этом уделяется крылатым словам и выражениям библейского происхождения, поскольку именно они запечатлели и сохранили образную и идеологическую «боговдохновенность» Священного Писания.

Русский язык, в котором православная вера с ориентацией на церковнославянские сакральные тексты гармонически сближалась с общеевропейской культурой под влиянием польского, французского, немецкого и других языков, обнаруживает здесь специфичные особенности. Так, в отличие от других европейских языков, русский воспринял через церковнославянские переводы немало заимствований из греческого, которые приобрели в литературном и речевом употреблении

маркированную стилистику и семантику и потому получили статус библеизмов. В церковнославянский текст Библии, а затем и в его синодальный перевод на русский язык перешло немало слов-реалий, маркированных той эпохой, которая отражена в Священном Писании. Таковы, например, наименования мер веса, денежных единиц, животных, растений и т. п.

Сопоставление русского массива библейских крылатых слов и выражений с библеизмами других языков свидетельствует об их известном параллелизме. Но более существенно то, что русский и даже такие близкородственные восточнославянские литературные языки, как белорусский, украинский и русинский, заметно отличаются от других европейских языков вследствие разных переводческих традиций. Так, немецкие, французские, испанские и другие тексты Библии восходят к латинскому посреднику *Septuaginta Vulgata*, в то время как русские и другие восточнославянские — находятся в рамках византийской традиции.

Разумеется, различиями переводческих традиций далеко не исчерпываются внешнеязыковые и внеязыковые факторы, влияющие на характер библеизмов в разных языках. Неодинакова вся социально-культурная среда их бытования в «греко-славянском» ареале (*Slavia Otrhodoxa*) и в «славяно-латинском» (*Slavia Latina*) [Толстой 1988]. Имеют значение также особенности профессиональной ориентации носителей языка; различия во взаимодействии христианских представлений с дохристианскими, языческими у разных народов; специфика языковой ситуации в разные исторические периоды (например, наличие, характер и степень распространенности билингвизма) и др. В сочетании с этими факторами проявляются собственно языковые, внутренние тенденции и закономерности лексико-семантического развития, что и приводит к тем или иным расхождениям в форме, семантике и употреблении библеизмов в разных языках, даже самых генетически близких. Нередко импульс к таким расхождениям задается семантическим синкретизмом самого первоисточника — текста Книги книг, а также наличием различных переводов Библии у русских, белорусов, украинцев и русинов.

Ориентация древнейших переводов библейских текстов на разные языки и неодинаковое воплощение общих семантических потенций в развитии библеизмов создают дифференциацию крылатых слов и выражений, имеющих общий источник. Вместе с тем общеевропейское языковое пространство и общность христианской культуры становятся основой стирания этой дифференциации. Количество библеизмов и их вариантов в русском и других восточнославянских языках возрастает не только благодаря повышению интереса к православной книжности, но и в силу постоянного приобщения к европейской литературе и искусству посредством переводов. При этом, несмотря на общность исторических и культурных судеб восточнославянских народов, в фондах их библейского наследия обнаруживаются существенные различия.

Общность первоисточника, следовательно, отнюдь не делает библеизмы в различных языках тождественными. Вот почему лексикографическая интерпретация лексики и фразеологии Библии, отраженной современными литературными языками, — одна из актуальных научных и дидактических проблем. Опыт составления «Толкового словаря русских библейских выражений и слов» [Лилич, Мокиенко, Трофимкина 2010], «Немецко-русского словаря библеизмов» [Walter, Mokienko 2009] и *Deutsch-polnisches Wörterbuch biblischer Phraseologismen mit historisch-etymologischen Kommentaren* [Walter, Komorowska, Krzanowska 2010] показывает, что часть общего корпуса библеизмов в европейских языках образована не путем прямого воспроизводства соответствующего афоризма или фразы, а самостоятельной комбинацией слов, образов или сюжетов из Библии. В ряду таких оборотов встречаются различные структурные и семантические образования.

Обсуждение

Изложенные общетеоретические положения стали основой составления нескольких словарей библеизмов русского языка. Практическую направленность имеет «Словарь библейских крылатых выражений», изданный в Санкт-Петербурге

университете по инициативе Л. А. Вербицкой в серии «Давайте говорить правильно!» [Мокиенко 2007]. Как и в других вышедших справочниках этой серии, целью здесь стало компактное размещение информации о трудных для понимания и употребления языковых единиц случаях. Именно такие, наиболее частотные по употреблению, библеизмы, отобранные путем опроса информантов в разных странах, стали объектом сопоставительного лексикографирования в двух многоязычных словарях библеизмов [Лепта библейской мудрости... 2014; Лепта библейской мудрости... 2018]. Опыт данных словарей-справочников показал, что сопоставление разных языков, народы которых привержены христианской традиции, выявляет немало общего в восприятии библеизмов, но в то же время обнаруживает существенные лингвокультурологические, семантические и стилистические различия, требующие углубленного детализированного исследования и тщательного специализированного лексикографического описания.

В предлагаемой читателю статье делается попытка сопоставительного анализа нескольких употребительных славянских библеизмов, отразивших как межкультурную общность языковых единиц, так и их достаточно заметное различие.

К первым, почти тождественным, относятся библейские крылатые слова и выражения, которые и в своей семантике, и в своей структуре сохранили тождественность, близкую к исходному сакральному тексту. Таков, например, оборот *альфа и омега* ‘самая суть, основа чего-либо; нечто самое значительное’, восходящий к Новому Завету: «Я есмь *альфа и омега*, начало и конец...» (Откр. 1, 8); «Я есмь *альфа и омега*, первый и последний» (Откр. 1, 10). Он построен на столкновении противопоставленных компонентов (*альфа* и *омега* — первая и последняя буквы греческого алфавита (греч. Α, α и Ω, ω)) и в разных славянских языках воспроизводится именно в данной форме и с указанным смыслом: бел. *альфа і амега*; укр. *альфа і омега*; польск. *alfa i omega*; словацк. *alfa a omega*; чеш. *alfa a omega*; болг. *Алфа и Омега*; мак. *Алфа и Омега*; серб. *алфа и омега*; словен. *alfa in omega*; хорв. *alfa i omega*.

Во всех перечисленных языках выражение имеет книжную, высокую стилистику, а в некоторых

может заменяться синонимами нейтрального стиля: рус. *от а до я*; укр. *від а до я*; словацк. *od a (á) [až] po z (zet)*; чеш. *od á [až] do zet*; хорв. *od a do ž* и пр. Семантическая и стилистическая тождественность убедительно подтверждается контекстами трех родственных восточнославянских языков:

— *От «альфы» до «омеги»* — сказал он. Отца убили у вас на Пустыре... Последним его видел твой дед (Анчаров М. Как Птица Гаруда, 1989); ...с неизменным вниманием выслушивал историю освобождения Луки Лукича из узилища. Историю достоверную *от альфы до омеги* (Давыдов Ю. Синие тюльпаны, 1988–1989); Сам весь *от альфы до омеги* порождение богемы, ее типичнейший и характерный представитель и выразитель, радость, смысл и суть жизни находивший в душной, пропыленной и фальшивой атмосфере около художественной жизни литературных кафе, А. Б. Мариенгоф и Есенина в своем «Романе» пытался представить таким же (Козловский А. А. Быль и легенды жизни Есенина, 1986).

Уся сіла каўпакоўцаў, можна сказаць, *альфа і амега* іх стратэгіі і тактыкі, заключалася ў няспынным руху — усё наперад і наперад! (Краўчанка У. Апавяданне пра смелае сэрца); На кожным уроку павінен адчувацца саюз методыкі і псіхалогіі. Гэта сёння *альфа і амега* дзейнасці настаўніка (Настўн. газ.).

[Неофіт]: Що за слово? [Єпископ]: Те слово — Бог. Він *альфа і омега*, початок і кінець (Леся Українка. В катакомбах); З приведеної вище виписки з «Червоної Руси» видно, що, власне, між т. зв. в Галичині «москвофілами» і народовцями в принципах нема великої різниці: ті і другі б'ють поклони перед національними святощами, і для тих і для других національність — *альфа і омега* всіх змагань (Драгоманов М. Чудацькі думки про українську національну справу); Людина — що б там не викоювалось, — вона, зрештою, універсум... *Альфа і омега* всього. (Гончар О. Циклон).

Таку тождественность не разрушают даже возможные креативные индивидуально-авторские преобразования выражений — например, шутовое их обыгрывание:

Альфа и омега кухни — кухарка Пелагея — возилась около печки (Чехов А. Кухарка женится); Граждане! Уважайте пружинный матрац в голубых цветочках! Это семейный очаг, *альфа и омега* мебелировки, общее и целое домашнего уюта, любовная

база, отец примуса! (Ильф И., Петров Е. Двенадцать стульев).

Не разрушают, ибо подобные стилистические нюансирования потенциально возможны в большинстве европейских литературных языков и поэтому не представляют трудностей при переводе.

Библейских крылатых выражений, сходных до тождественности благодаря сакральному источнику, разумеется, весьма много как в славянских, так и в неславянских языках. Особо количественны они в тех случаях, когда в основе выражения лежит библейский именованье типа *Мафусаиловы лета* или соответствующий экзотический образ вроде *манна небесная*. Универсальными, тем не менее, могут оказаться и библейские крылатые выражения, основанные на общечеловеческих реалиях, но, правда, обретшие особый сакральный смысл благодаря тексту Книги книг. Примером стало выражение *соль земли*, истоки которого хрестоматийны. Обращаясь к своим ученикам, Иисус Христос сказал: «Вы — *соль земли*. Если же соль потеряет силу, то чем сделаешь ее соленую? Она уже ни к чему не годна, как разве выбросить ее вон на поприще людям» (Мф 5, 13). В многоязычном словаре «Лепта библейской мудрости...» [Лепта библейской мудрости... 2018, т. 2: 109–111] этот фрагмент Библии воспроизводится точно, обнаруживая полное сюжетное и стилистическое совпадение. Вот несколько таких фрагментов:

бел. *соль зямлі*.

Вы — соль зямлі. Калі ж соль страціць сілу, дык чым асаліш яе? Яна ўжо ні на што ня прыдатная, хіба што выкінуць яе прэч на патаптаньне людзям (Мв 5, 11–13).

укр. *сіль землі*.

Ви — сіль землі. Коли сіль ізвітріє, то чим насолити її? Не придасться вона вже нінащо, хіба щоб надвір була висипана та потоптана людьми (Мт 5, 13).

Данное библейское выражение прозрачно по смыслу, поскольку основано на высокой оценке одного из незаменимых для человеческого существования продуктов. Вот как определяет его аксиологию В. В. Колесов в своем «Словаре русской ментальности»: «Соль — белое кристаллическое

вещество как символ концентрированного сгущения **сущности вещи** или **идеи**, проступающей сквозь внешнюю оболочку и обнаруживающей подлинное ее **содержание**. Соль как качественная **суть (смысл) сущности** определяется как форма и смыслообразующая **идея целого**, несоизмеримо малая количественно по отношению к своей качественной **значимости**. Соль соединяет в себе четкую целенаправленность и **действенность** проявления (**едкость, жгучесть**). Исходная точка развития символа — вкусовые **качества**: вещь, не содержащая Соли, лишена важных характеристик и является пресной, безвкусной — скучной, невыразительной (*не солоно хлебавши*); при чрезмерном наличии Соли **человек** ощущает **горечь**, ему тягостно (*засол*), его можно огорчить или обидеть (*насолить*); Соль вскрывает, оттеняя, неприкрытую **подлинность** вещи или идеи во всех их качествах, **недостатках** и **противоречиях**» [Колесов, Колесова, Харитонов 2014, т. 2: 299–300].

При всей своей «солевой приземленности» лексема *соль* овееана в разных языках и культурах особым мифологическим ореолом, создающим семантику «сути (смысла) сущности». Именно в таком, сакрально-мифологическом, смысле употреблено слово «соль» в крылатой фразе Иисуса Христа. Его ученики, апостолы, последовавшие за ним, заслужили столь высокое наименование. Во многих языках словосочетание обрело переносный смысл и стало обозначать наиболее достойную, активную, творческую часть нации, народа, которая действует против нравственной, моральной деградации. Это и делает выражения подобного рода библеистическими универсалиями, которые можно считать тождественными по смыслу и структуре.

Ко второму типу библеизмов относятся те, которые при общности исходного источника в каждом из языков проявляют достаточно большую амплитуду варьированности и тем самым обнаруживают заметные расхождения в образности соответствующих выражений. Пример — книжный фразеологизм *замечать (видеть) сучок в чужом глазу* ‘замечать мелкие недостатки кого-либо, не замечая своих, более крупных’. Он восходит к евангельскому тексту: «Что ты *смотришь*

на сучок в глазе брата твоего, а бревна в твоём глазе не чувствуешь?.. Лицемер! Вынь прежде бревно из твоего глаза, и тогда увидишь, как вынуть сучок из глаза брата твоего» (Матфей, 7, 3–5; Лука, 6, 41–42) — и отмечен многими словарями крылатых слов и выражений. В современный русский язык слово *сучок* вошло из церковнославянского перевода Библии (первая фиксация в «Изборнике» 1073 г.). В разных европейских языках оно переводилось и закреплялось литературной традицией по-разному, а слово «бревно» практически не варьировалось. Например, словацк. *V cudzom oku vidieť smet' (smetie, smietku), a (ale) vo svojom brvno nevidieť.* — «В чужом глазу видеть сор (мусор, соринку), а (но) в своем не видеть и бревна» [Skladaná 1999: 4–25]. В польских переводах соответствующего места Библии (*Ale przez widzisz paździoro w oku brata swojego, a bierzma w oku twoim nie widzisz?*) слово «сучок» передавалось такими словами, как *paździoro* ‘шелуха, оскрёбки’, *żdźbło* ‘стебелек, травинка; соломинка’, *pręt* ‘прут, прутик’, *trzaszczka* ‘щепка’, *drzazga* ‘щепка’, *pyłek* ‘пылинка, соринка’, *malutka zadra, mała zadra* ‘чешуя, чешуйка» [Koziara 2001: 201–202].

Ср. переводы библейской сентенции другими языками: укр. *У чужому оці порошинку бачити, а в своєму пенька не помічає*; пол. *W cudzym oku źdźbło upatrujemy, a w swoim [i] belki nie widzimy*; болг. *Вижда сламката в окоето на другите, а не вижда гредата в своето; Виждам сламката в чуждото око, но не виждам гредата в своето*; нем. *Man sieht wohl den Splitter im fremden Auge, aber nicht den Balken im eigener* и др. При переводе библеизма рус. *сучок* (*сучек*, ц.-сл. *сучьць, сучьць*) возможны и другие компоненты с довольно разными значениями — «соломинка», «стебелек», «щепочка». Семантика древнерусского слова *сучьць* также была более широка: кроме ‘сучок’ оно обозначало и ‘стебелек’, ‘тонкая веточка’. Неслучайно поэтому и в художественной, и в разговорной речи, и в диалектах этот фразеологизм допускает довольно широкое варьирование: *видеть у ближнего в глазу спицу, найти сорину в глазу журналистов*, иркутск. *увидел соломинку, а бревна за собой и не заметил* и др.

Расхождения в компонентном составе и его варьированность могут быть вызваны особенностями

переводов Библии на конкретные языки и ассоциативным диапазоном соответствующей лексики. Известное во всех европейских языках выражение *блудный сын*, характеризующее в русском языке человека, покинувшего свой дом, а затем вернувшегося, либо того, кто раскаялся в чем-либо после постигших его неудач, возникло из евангельской притчи о блудном сыне (Лука, 15, 11–32), растратившем полученную от отца долю наследства, вернувшимся в раскаянии и получившем прощение. Мотив, характеризующий неопытность, необдуманность поступков или даже глупость молодежи, известен в европейской культуре издревле и стал основой многих литературных сюжетов. Так, уже в 1270 г. Вернер дер Гэртнер (Wernher der Gärtner) описывает похожую историю, повествуемую в античных сагах. На данный сюжет создан ряд художественных произведений самых известных художников, например картина Рембрандта «Возвращение блудного сына», которая хранится в Эрмитаже.

В русском языке слово *блудный* отразило две ассоциации: первая связана со словом *блуждать* ‘скитаться, сбившись с пути’, и поэтому *блудный сын* — ‘блуждающий, скитающийся по белу свету, ищущий свой путь (в том числе духовный)’, вторая восходит к глаголу *блудить* ‘распутничать, развратничать’, следовательно, *блудный* — это ‘ведущий распутный образ жизни, потерявший нравственные ориентиры’. В русском языке именно эти значения являются внутренней формой (мотивирующим образом) оборота *блудный сын*. В других же европейских языках семантической доминантой «блудного сына» стали его расточительность, беспутная растрата части отцовского наследства или «потерянность». Отсюда, например, фр. *enfant prodigue* и англ. *prodigal son* (букв. «расточительный сын») или нем. *verlorener Sohn* (букв. «потерянный сын»).

Характерно, что эти возможные образные интерпретации библейского выражения отразились в разных европейских языках, демонстрируя разные ориентации при переводе соответствующего фрагмента Библии: 1) белор. *блудны сын*; укр. *блудний син*; болг. *блудният син*; макед. *блудниот син*; словен. *izgubljeni sin*; хорв. *bludni (zalutali, razmetni)*

sin; 2) пол. *syn marnotrawny*; чеш. *marnotratný syn*; словацк. *márnotratný syn*; серб. *продигал сон*; латш. *razudušais dēls*; лит. *sūnus palaidūnus*; итал. *figliol prodigo*; исп. *hijo pródigo*; португ. *filho pródigo*; румын. *fiul risipitor*; и др.

Еще своеобразнее судьба библейского крылатого выражения *авилонское столпотворение*. В русском языке оно имеет шутливую тональность, обозначая беспорядочную толпу людей, суматоху, неразбериху. Оно, как известно, возникло из библейского мифа о попытке построить в Вавилоне башню, которая должна была достигнуть неба. Когда строители начали свою работу, разгневанный Бог «смешал язык их», они перестали понимать друг друга и не могли продолжить строительство (Бытие, 11, 1–9). Церковнославянское слово *столпотворение* значит ‘строение столпа, башни’ [Бирих, Мокиенко, Степанова 2007: 669]. Ср. бел. *вавилонскае стоўпнатварэнне*; укр. *вавілонське стовпотворіння*; болг. *Вавилонско стълпотворение*; хорв. и серб. *babilonska kula*; англ. *the tower of Babel*; фр. *tour de babel* и др.

При единстве источника и исходного образа фразеологизмы о вавилонском столпотворении заметно отличаются в европейских языках семантически. Ср. англ. *the tower of Babel* ‘смешение языков’, ‘скопление людей, говорящих на разных языках’, ‘высокое здание’, ‘нереальный, утопичный проект’; пол. *wieża Babel* ‘смешение языков’, *wysoki jak babilońska wieża* ‘об очень высоком человеке’, *stawieć wieżę babilońską* ‘интересоваться неосуществимыми проблемами, тешиться пустыми надеждами’ и т. п. Русское же слово *столпотворение*, имевшее исходную библейскую семантику ‘смешение языков, разноязычие’, под ложно-этимологическим влиянием слов *толпа*, *столпиться* приобрело специфическое для русского языка значение ‘большое, беспорядочное стечение народа’ [Бетехтина 1999: 68–69]. Вот несколько контекстных иллюстраций, в которых именно такое значение является доминирующим:

На последней станции перед горами *столпотворение вавилонское*: шум, крики, плач, матерная отборная ругань, разрозненные воинские части, хмельные группы солдат (Серафимович А. Железный поток).

Тысячи людей покидали город пешком. Другие бросились к вокзалам и стали силой врываться в билетные кассы, третьи — прямо к поездам. На Николаевском вокзале вновь началось *авилонское столпотворение* (Сонкин М. Выстрел на Фонтанке).

Это было настоящее *столпотворение*. Пропуска проверяли, начиная от площади Бдительности. У Большого театра сосредоточились наряды конных внубезовцев, но пробиться к Дому союзов можно было только сквозь коридор, образованный двумя шеренгами автоматчиков (Войнович В. Н. Москва 2042).

Агитация имела успех, и вскоре очередь в кассу вылезла и на улицу, а затем началось и вовсе *столпотворение*, не доводимое до размеров *авилонского* разве что стайкой людей в пальто цвета маренго, в сапогах и с бляхами. (Губин Д. Ивановский самиздат. Огонек. 1988. № 24).

В других языках семантика вавилонского столпотворения иная: акцент перемещается в сторону быстрого и окончательного разрушения или языкового смешения, приводящего к полной невозможности взаимопонимания. Ср. несколько контекстных иллюстраций из современных польских и немецких СМИ:

Jeżeli Apoloniusz Tajner i Heinz Kuttin zostaną na swoich stanowiskach, Jan Szturc będzie osobą odpowiedzialną za Adama Małysza, a w osobie Hannu Lepistoe będziemy mieć, dajmy na to, konsultanta, to polskie skoki mogą runąć *jak wieża Babel*, bo nikt się z nikim nie dogada (Narodowy Korpus Języka Polskiego. Dziennik Zachodni. 24.02.2004).

Cały problem w tym, że Polacy widzą w Unii prawniczą *wieżę Babel*, w której i tak nikt się nie rozezna. I boją się, że po naszym wejściu do Piętnastki jakies bliżej nieznanne unijne regulacje okażą się być ważniejsze od polskiego prawa (Narodowy Korpus Języka Polskiego. Dziennik Zachodni. 28.06.2002).

Alles in allem erinnert das an *den Turmbau zu Babel*; nicht bibelfeste Leser seien an einen Baumarkt-Werbespot erinnert oder an frühe Skizzen der Star Trek-Raumstation Deep Space Nine, über Jahrhunderte zusammengestüekelt (Die Zeit. 6.11.2015).

Für einen wunderbaren Augenblick ist es vorbei mit der *babylonischen Sprachverwirrung*, die die Strafe für den größenwahnsinnigen Turmbau zu Babel war — den Versuch des Menschen, gottgleich zu werden (Die Zeit. 21.05.2015).

Отсюда трудности при переводе выражения на другие языки, где оно требует компонентной детализации и семантических уточнений, как, например, в чеш. *babylon jazyků, zmatení jazyků* или нем. *babylonische Sprachverwirrung*.

Выводы

Следует подчеркнуть, что предложенное распределение библейских выражений на две категории может быть обусловлено не только общим сакральным источником, но и межъязыковыми взаимодействиями в европейском лингвокультурологическом пространстве. Так, оборот *от Адама* 'с глубокой древности, с давних пор; с самого начала' известен многим европейским языкам, в том числе славянским, напр.: бел. *ад Адама*; укр. *від Адама, починати від Адама*; пол. *od Adama i ewy zacznąć*; чеш. *začínat co od Adama*; словацк. *začínat co od Adama*; верхнелуж. *wot Nadama*; болг. *от [дядо] Адам; от Адама [и Ева]*; хорв. и серб. *od Adama [и Eve]*; нем. *seit Adams Zeiten* и др. Разумеется, в основе фразеологизма лежит библейское представление об Адаме как о самом древнем человеке на земле, жившем в незапамятные времена. В то же время в русском языке выражение является устаревшим и маркировано книжной стилистикой. Специальный анализ показывает, что оно при всей своей библейской прозрачности образности в русском языке не возникло самостоятельно, а является калькой с одного из европейских (неславянских) языков [Мокиенко 1998]. В некоторых языках идея древности, давности Адамовых времен выражена еще более образно, напр.: англ. *since Adam was a boy* (букв. «когда Адам был еще мальчиком»), *when Adam delved and Eve span, who was then a gentleman*; нем. *als Adam grub und Eva span wo war denn da der Edelmann* (букв. «когда Адам пахал, а Ева пряла, кто тогда был дворянином»); словацк. *od Adama*. Первая фиксация оборота отмечена в XVIII в. в переведенном на русский язык с французского романа К.Ф. Ламбера «Новый Телемак» [СлРя XVIII в., вып. 1: 24].

При отмеченных различиях и неодинаковых судьбах проникновения в славянские языки

библейские крылатые выражения отражают единство образности и культурологического содержания, заданное текстом Священного Писания. Это единство поддерживается не только сакральным смыслом Книги книг, но и тем «божественным красноречием», о котором за год до своей кончины проникновенно писал А.С. Пушкин в очерке «Об обязанностях человека: Сочинение Сильвио Пеллико»: «Есть книга, коей каждое слово истолковано, объяснено, проповедано во всех концах земли, применено к всевозможным обстоятельствам жизни и происшествиям мира; из коей нельзя повторить ни единого выражения, которого не знали бы все наизусть, которое не было бы уже пословицею народов; она не заключает уже для нас ничего неизвестного; но книга сия называется Евангелием, — и такова ее вечно новая прелесть, что если мы, пресыщенные миром или удрученные унынием, случайно откроем ее, то уже не в силах противиться ее сладостному увлечению и погружаемся духом в ее божественное красноречие»¹. И чем больше овещается и оцифровывается современный мир, тем сильнее ощущаются в нем потребность и необходимость погружения духом в это божественное красноречие, навечно запечатленное в крылатых словах и выражениях.

ПРИМЕЧАНИЕ

Пушкин А.С. *Полное собрание сочинений. В 16 т.* М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1959. Т. 12. Критика. Автобиография, 1949. С. 99.

ИСТОЧНИКИ

Бирх, Мокиенко, Степанова 2007 — Бирх А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. *Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник.* Мокиенко В.М. (ред.). М.: Астрель; АСТ; Люкс, 2007. 926 с.

Колесов, Колесова, Харитонов 2014 — Колесов В.В., Колесова Д.В., Харитонов А.А. *Словарь русской ментальности. В 2 т.* СПб.: Златоуст, 2014. Т. 1. А-О. 591 с.; Т. 2. П-Я. 592 с.

Лепта библейской мудрости... 2014 — *Лепта библейской мудрости. Библейские крылатые выражения и афоризмы на русском, английском, белорусском, немецком, словацком и украинском языках.* Балакова Д. и др. (авт.-сост.). Могилев: МГУ им. А.А. Кулешова, 2014. 208 с.

Лепта библейской мудрости... 2018 — *Лепта библейской мудрости. Русско-славянский словарь библейских крылатых выражений и афоризмов с соответствиями в германских,*

романских, армянском и грузинском языках. В 2 т. Иванова Е. Е., Мокиенко В. М. (ред.). Могилев: МГУ им. А. А. Кулешова, 2018. Т. 1. А-О. 316 с.; Т. 2. П-Я. 336 с.

Лилич, Мокиенко, Трофимкина 2010 — Лилич Г. А., Мокиенко В. М., Трофимкина О. И. *Толковый словарь библейских выражений и слов*. М.: АСТ; Астрель, 2010. 639 с.

Мокиенко 2007 — Мокиенко В. М. *Давайте говорить правильно! Словарь библейских крылатых выражений*. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2007. 215 с.

СЛРЯ XVIII в. — *Словарь русского языка XVIII в.* Вып. 1–23. Л. (СПб.): Наука, 1984–2019.

Walter, Komorowska, Krzanowska 2010 — Walter H., Komorowska E., Krzanowska A. *Deutsch-polnisches Wörterbuch biblischer Phraseologismen mit historisch-etymologischen Kommentaren*. Szczecin-Greifswald: Ernst-Moritz-Arndt-Universität Greifswald. Philosophische Fakultät, 2010. 343 p.

Walter, Mokienko 2009 — Walter H., Mokienko V. M. *Deutsch-russisches Wörterbuch biblischer Phraseologismen. Mit historisch-etymologischen Kommentaren*. Greifswald: Ernst-Moritz-Arndt-Universität Greifswald. Philosophische Fakultät, 2009. 199 p.

ЛИТЕРАТУРА

Бетехтина 1999 — Бетехтина Е. Н. *Фразеологизмы с библейскими именами*. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1999. 172 с.

Мокиенко 1998 — Мокиенко В. М. *Адам в славянских языках*. В сб.: *Число — язык — текст. Сб. статей к 70-летию*

Адама Евгеньевича Супруна. Минск: Белгосуниверситет, 1998. С. 14–28.

Толстой 1988 — Толстой Н. И. *История и структура славянских литературных языков*. М.: Наука, 1988. 239 с.

Koziara 2001 — Koziara S. *Frazeologia biblijna w języku polskim*. Kraków: Wydawnictwo Naukowe Akademii Pedagogicznej, 2001. 343 s.

Skladaná 1999 — Skladaná J. *Slová z hlbín dávnych vekov*. Bratislava: Grand Multitrade, 1999. 207 s.

REFERENCES

Бетехтина 1999 — Betekhtina E. N. *Phraseologisms with biblical names*. St. Petersburg: St. Petersburg University Press, 1999. 172 p. (In Russian)

Мокиенко 1998 — Mokienko V. M. *Adam in Slavic languages*. In: *Chislo — iazyk — tekst. Sb. statei k 70-letiiu Adama Evgen'evicha Supruna*. Minsk: Belorusskii gosudarstvennyi universitet Publ., 1998. P. 14–28. (In Russian)

Толстой 1988 — Tolstoy N. I. *History and structure of Slavic literary languages*. Moscow: Nauka Publ., 1988. 239 p. (In Russian)

Koziara 2001 — Koziara S. *Frazeologia biblijna w języku polskim*. Kraków: Wydawnictwo Naukowe Akademii Pedagogicznej, 2001. 343 s. (In Polish)

Skladaná 1999 — Skladaná J. *Slová z hlbín dávnych vekov*. Bratislava: Grand Multitrade, 1999. 207 s. (In Slovak)

ОБ ИМЕННОЙ ВАРИАНТНОСТИ АКТИВНО УПОТРЕБИТЕЛЬНЫХ РУССКИХ ПОСЛОВИЦ НА ФОНЕ ИХ АКТУАЛЬНЫХ СЛОВАЦКИХ ПОСЛОВИЧНЫХ ПАРАЛЛЕЛЕЙ

MARINA YU. KOTOVA

TOWARDS NOMINAL VARIATION OF ACTIVELY USED RUSSIAN PROVERBS AGAINST THE BACKGROUND OF THEIR ACTUAL SLOVAK PROVERBIAL PARALLELS

Марина Юрьевна Котова

<https://orcid.org/0000-0002-0861-8652>

► m.kotova@spbu.ru

доктор филологических наук, профессор
Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Marina Yu. Kotova

Doctor in Philology, Professor

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg,
199034, Russian Federation

Цель исследования — анализ видов именной вариантности в составе русских пословиц, входящих в новую версию паремиологического минимума, на фоне их актуальных словацких пословичных параллелей. Русские пословицы в материале получены в результате социолингвистического паремиологического эксперимента 2022 г. среди информантов — носителей русского языка. Словацкие пословицы были зафиксированы в ходе другого социолингвистического паремиологического эксперимента среди носителей словацкого языка. Основой для экспериментов послужил многоязычный словарь пословиц автора настоящей статьи. Результаты обоих экспериментов опубликованы в учебном пособии «Тетради паремиографа» (выпуски 3 и 8). Эксперимент 2022 г. был проведен на интернет-платформе преподавателями кафедры славянской филологии Санкт-Петербургского государственного университета и включал ответы 340 респондентов. Эксперимент на выявление употребительных словацких пословиц проводился в 2003–2017 гг. и располагает ответами 100 словацких информантов. Использованы методы социолингвистического паремиологического эксперимента, а также дескриптивного и компаративного анализа пословиц. Научная новизна исследования заключается в том, что впервые на фоне словацкого языка анализируется именная вариантность русских пословиц, выявленных в ходе указанного эксперимента, направленного на корректировку паремиологического минимума Г. Л. Пермякова 70-х годов XX в. Разнообразие отмеченных видов именной вариантности у русских пословиц паремиологического минимума 2022 г. показывает актуальность варибельности пословиц в современном русском языке. Общие вариантные особенности у рассмотренных полных пословичных русско-словацких параллелей позволяют выдвинуть гипотезу о принадлежности этих пословиц к русско-словацкому паремиологическому ядру. Выявленные вариантные русско-словацкие пословичные параллели могут быть использованы в практике преподавания русского языка как иностранного для словаков и словацкого языка для русских слушателей.

Ключевые слова: именная вариантность, пословичная параллель, русская пословица, русский паремиологический минимум 2022 г., словацкая пословица.

The purpose of the article is to analyze the types of nominal variation in the Russian proverbs included in the new version of the paremiological minimum, against the background of their actual Slovak proverbial parallels. Russian proverbs in our material were obtained as a result of a sociolinguistic paremiological experiment in 2022 among the Russian native speakers informants. Slovak proverbs were recorded during another sociolinguistic paremiological experiment, among native speakers of the Slovak language. The basis for the experiments was

the multilingual dictionary of proverbs by the author of this article. The results of both experiments are published in the textbook “Paremiograph Notebooks” (issues 3 and 8). The 2022 experiment was conducted on an Internet platform by teachers of the Department of Slavic Philology at St. Petersburg State University and included responses from 340 respondents. The experiment to identify common Slovak proverbs was conducted by us in 2003–2017 and has the answers of 100 Slovak informants. The research uses methods of sociolinguistic paremiological experiment, as well as descriptive and comparative analysis of proverbs. The scientific novelty of the study lies in the fact that for the first time against the background of the Slovak language, the nominal variation of Russian proverbs identified during the specified experiment aimed at correcting the paremiological minimum of G. L. Permyakov in the 1970s was analyzed. Russian proverbs of the paremiological minimum of 2022 show the relevance of the variability of proverbs in the modern Russian language. The diversity of the types of nominal variation noted in our study in Russian proverbs shows the relevance of the variability of proverbs in the modern Russian language. Russian-Slovak proverbial parallels have common variant features that allow one to hypothesize that these proverbs belong to the Russian-Slovak paremiological core. The identified Russian-Slovak proverbial parallels can be used in the practice of teaching Russian as a foreign language for Slovaks and Slovak for Russian students.

Keywords: nominal variation, proverbial parallel, Russian proverb, Russian paremiological minimum of 2022, Slovak proverb.

Введение

Цель исследования — анализ видов именной вариантности в составе русских пословиц, входящих в новую версию паремиологического минимума, на фоне их актуальных словацких пословичных параллелей. Русские пословицы получены в результате социолингвистического паремиологического эксперимента 2022 г. среди информантов — носителей русского языка. Словацкие пословицы были зафиксированы в ходе другого социолингвистического паремиологического эксперимента среди носителей словацкого языка. Основой для экспериментов послужил многоязычный словарь пословиц [РССПАС]. Результаты обоих экспериментов опубликованы в третьем и восьмом выпусках учебного пособия «Тетради паремиографа» [ТП 3; ТП 8].

Эксперимент 2022 г. был проведен на интернет-платформе преподавателями кафедры славянской филологии Санкт-Петербургского государственного университета и включал ответы 340 респондентов. Эксперимент на выявление

употребительных словацких пословиц проводился автором статьи в 2003–2017 гг. и располагает ответами 100 словацких информантов.

Материалом для исследования послужили публикации «Тетради паремиографа. Выпуск 8: Паремиологический минимум русских пословиц 2022 года» и «Тетради паремиографа. Выпуск 3. Словацкие пословичные параллели русских пословиц паремиологического минимума», представляющие результаты указанных экспериментов [ТП 3; ТП 8].

Использованы методы социолингвистического паремиологического эксперимента, а также дескриптивного и компаративного анализа пословиц (паремиологических единиц, далее — ПЕ).

Научная новизна исследования заключается в том, что впервые на фоне словацкого языка анализируется именная вариантность русских пословиц, выявленных в ходе указанного эксперимента, направленного на корректировку паремиологического минимума Г. Л. Пермякова 70-х годов XX в.

Состояние изучения вопроса

Проблема вариантности пословиц является центральной для паремиологии и паремиографии. С ней неизбежно сталкиваются составители пословичных словарей, которым необходимо выбрать инвариант ПЕ для описания в словарной статье. При преподавании русского языка как иностранного роль инвариантной пословицы важна.

Вариантность относится к системным характеристикам пословиц как единиц паремиологического уровня языка, наряду с синонимией, антонимией, омонимией и полисемией [Пермяков 1988: 85–87; Мокиенко 2017: 379; и др.].

Изучение вариантности пословиц и фразеологизмов имеет большое значение для исследований по диалектологии, этимологии [Мокиенко 1980] и диахронии языка [Фархутдинова 2020].

Исследование вариантности включено в число приоритетных направлений паремиологии и паремиографии [Мокиенко 2010].

Вариантность ПЕ и фразеологизмов на синхроническом уровне неизменно привлекает внимание ученых, которые выделяют синтаксическую [Абадзе 2014; Барли 1984; Бондаренко 2012; Зохранб

2009; и др.], лексическую [Иванов 2017; Ковшова 2021; Ковшова, Дронов 2022; Ломакина, Макарова 2015; Мокиенко 1980; Селиверстова 2009; Селиверстова 2017; Сергиенко 2015; и др.] и лексико-грамматическую вариантность [Сечко, Кирюшкина 2017; и др.].

Вариант пословицы понимается здесь на основе трудов В. М. Мокиенко, О. С. Сергиенко и др., которые подчеркивают различие между вариантом и синонимом пословицы. Вслед за О. С. Сергиенко будем считать вариантностью «такое видоизменение пословицы, которое существует в сознании носителей языка, не несет дополнительной семантической нагрузки и не осознается носителями языка как искажение пословицы» [Сергиенко 2015: 39].

Для продуктивного усвоения иностранными учащимися русских пословиц большое значение имеет отбор активно употребительных, общеизвестных пословиц, представляющих оценочные стереотипы языкового поведения. На это указывает, в частности, Е. И. Зиновьева: «необходимо, чтобы рассматриваемые паремии входили, по терминологии В. М. Мокиенко, в “зону узнавания” носителей языка, для чего необходимо проводить предварительное анкетирование с учетом возрастных, гендерных, региональных, профессиональных и других характеристик представительного количества информантов. Важно учитывать, известны паремии опрашиваемым пассивно или они активно употребляют их в своей речи» [Зиновьева 2014: 48]. Такие актуальные пословицы можно найти в паремиологическом минимуме русского языка, выявленном Г. Л. Пермяковым [Пермяков 1988: 154–166], и в обновленном паремиологическом минимуме 2022 г. [ТП 8: 23–46].

Проблема межязыковых русско-словацких пословичных соответствий с использованием методики социолингвистического паремиологического эксперимента ранее затрагивалась в трудах российских, чешских и словацких паремиологов [Балакова, Шинделаржова 2015; Сергиенко 2015; ТП 3; и др.], но рассмотрение актуальных русско-словацких пословичных параллелей с учетом именной вариантности в ПЕ указанных материалов производится здесь впервые.

Обсуждение

Виды именной вариантности русских пословиц паремиологического минимума 2022 г.

В представленном материале проявилась грамматическая (морфологическая и синтаксическая), лексическая и лексико-синтаксическая вариантность.

В рамках морфологической и лексической вариантности фиксируется именная (например, *Назвался груздем, полезай в кузов (в кузовок)* — 89,4 % информантов [РССПАС: 45; ТП 8: 34]), глагольная (например, *Хотели как лучше, а получилось (вышло) как всегда* — 96,8 % информантов [ТП 8: 44]), адвербиальная вариантность (например, *Хорошенького понемножку (понемногу, помаленьку)* — 68,8 % информантов [РССПАС: 168; ТП 8: 44]) и вариантность служебных слов (например, *На Бога надейся, а (да) сам не плошай* — 96,2 % информантов [РССПАС: 22; ТП 8: 33]).

Обратимся к морфологической и лексической вариантности имен существительных, прилагательных и числительных.

В статье рассматриваются 67 русских ПЕ с именной вариантностью (12,3 % от общего числа русских пословиц в материале). Именная вариантность зафиксирована у русских ПЕ, структурно равных сложному предложению (в 10,7 % от общего числа пословиц со структурой сложного предложения), и у русских ПЕ, структурно равных простому предложению (в 13,9 % от общего числа русских пословиц в виде простых предложений).

В ответах 340 русских информантов, принявших участие в социолингвистическом паремиологическом эксперименте 2022 г., присутствует гораздо большее разнообразие вариантов [ТП 8: 49–557], но в итоговый список русских пословиц были включены только те варианты, которые были указаны минимум 16 информантами [ТП 8: 23–46].

В представленном материале встретились следующие девять видов именной вариантности русских пословиц:

1) грамматическая вариантность существительных и субстантивированных прилагательных:

Бодливой корове Бог рогов (рог) не дает (не дал) — 39,4 % информантов [РССПАС: 75; ТП 8: 23];

Большому кораблю — большое плавание (плаванье) — 79,1 % информантов [РССПАС: 74; ТП 8: 23];

Дурные примеры заразительны / Дурной пример заразителен — 63,2 % информантов [РССПАС: 122; ТП 8: 28];

Если б знал, где упаду, соломки (соломку) бы подстелил / Если б знал, где упаду, подстелил бы соломку (соломки) — 74,7 % информантов [РССПАС: 149; ТП 8: 28];

Кто не рискует, тот не пьет шампанское (шампанского) — 90,6 % информантов [ТП 8: 31];

Кто рано встает, тому бог (Бог) подает (дает) — 93,5 % информантов [ТП 8: 31];

На вкус и цвет товарищей (товарища) нет — 95,3 % информантов [РССПАС: 29; ТП 8: 33];

На сердитом (сердитых) воду возят — 90,6 % информантов [РССПАС: 139; ТП 8: 33];

На чужой каравай рот (рта) не разевай — 90,9 % информантов [РССПАС: 69; ТП 8: 34];

Нет правила без исключения (без исключений) — 58,5 % информантов [РССПАС: 120; ТП 8: 36];

По моему прошенью, по щучьему веленью (веле-нию) — 25,8 % информантов [РССПАС: 123; ТП 8: 38];

Сытое брюхо к ученью (учению) глухо — 37,1 % информантов [ТП 8: 42];

«Я» — последняя буква в алфавите (алфавита) — 52,9 % информантов [РССПАС: 25; ТП 8: 46];

2) грамматическая вариантность прилагательных и адъективированных причастий:

Без вины виноватый (виноватые, виноват, виноваты) — 81,2 % информантов [РССПАС: 29; ТП 8: 23];

Дурные примеры заразительны / Дурной пример заразителен — 63,2 % информантов [РССПАС: 122; ТП 8: 28];

/Хорошо/ Смеется тот, кто смеется последним (последний) — 99,1 % информантов [РССПАС: 119; ТП 8: 44];

3) лексическая вариантность имен существительных и субстантивированных прилагательных:

Без бумажки ты букашка (какашка, никто), / а с бумажкой человек — 79,7 % информантов [ТП 8: 23];

Была бы шея, а хомут (ярмо) найдется — 20,3 % информантов [РССПАС: 176; ТП 8: 24];

В каждой шутке есть доля правды (истины, шутки) — 97,4 % информантов [РССПАС: 178; ТП 8: 24];

В тихом омуте (болоте) черти водятся — 99,7 % информантов [РССПАС: 107; ТП 8: 24];

Время — лучший лекарь (доктор) — 67,3 % информантов [РССПАС: 36; ТП 8: 25];

Всему есть предел (мера) — 39,7 % информантов [РССПАС: 121; ТП 8: 25];

Всему свое время (свой черед) — 97,6 % информантов [РССПАС: 92; ТП 8: 25];

Дайте только срок, будет вам и белка, будет и свисток (оброк) — 16,2 % информантов [ТП 8: 27];

Дружба дружбой, а табачок (денежки, деньги) врозь — 42,4 % информантов [РССПАС: 55; ТП 8: 28];

Знает кошка, чье мясо (сало) съела — 57,4 % информантов [РССПАС: 77; ТП 8: 29];

И чтец (швец), и жнец, и на дуде игрец — 86,5 % информантов [ТП 8: 29];

Истина познается в сравнении (в споре) — 58,5 % информантов [ТП 8: 30];

Каков в еде, таков и в работе (в труде) — 46,8 % информантов [РССПАС: 58; ТП 8: 30];

Ласковый теленок двух маток (мамок) сосет — 53,2 % информантов [РССПАС: 156; ТП 8: 31];

Лбом стену (стенку) не прошибешь (не пробьешь) — 58,2 % информантов [РССПАС: 83; ТП 8: 31];

На чужой каравай рот (роток) не разевай — 90,9 % информантов [РССПАС: 69; ТП 8: 34];

Назвался груздем, полезай в кузов (в кузовок) — 89,4 % информантов [РССПАС: 45; ТП 8: 34];

Отольются волку овечьи слезки (слезы) — 35,6 % информантов [РССПАС: 33; ТП 8: 37];

Отольются кошке мышкины слезки (слезы) — 60,9 % информантов [РССПАС: 78; ТП 8: 37];

По заслугам и награда (честь) — 31,5 % информантов [РССПАС: 62; ТП 8: 38];

С миру по нитке — голому (нищему, бедному) рубашика (рубаха) — 61,2 % информантов [РССПАС: 95; ТП 8: 40];

Своя рубашика (рубаха) ближе к телу — 79,7 % информантов [РССПАС: 130; ТП 8: 41];

Сколько голов — столько и мнений (столько умов) — 31,8 % информантов [РССПАС: 40; ТП 8: 41];

/У него у самого/ Рыльце в пушку (в пуху) — 84,7 % информантов [РССПАС: 133; ТП 8: 43];

Умирать, так с музыкой (с песней) — 87,9 % информантов [РССПАС: 99; ТП 8: 43];

Факты — упрямая вещь (штука) — 65,9 % информантов [РССПАС: 166; ТП 8: 44];

Хлеб-соль ешь, а правду (правду-матку) режь — 43,5 % информантов [РССПАС: 168; ТП 8: 44];

Худой мир лучше доброй ссоры (добрый войны, хорошей войны) — 75,6 % информантов [РССПАС: 95; ТП 8: 44];

Человек предполагает, а Бог (Господь) располагает — 77,3 % информантов [РССПАС: 173; ТП 8: 44];

Человек человеку волк (враг) — 79,1 % информантов [РССПАС: 173; ТП 8: 44];

Человек человеку друг (брат, товарищ и брат) — 51,8 % информантов [РССПАС: 173; ТП 8: 44];

4) лексическая вариантность имен прилагательных:

Не хлебом единым жив (сыт) человек — 74,1 % информантов [РССПАС: 168; ТП 8: 36];

Русский человек задним умом крепок (силен) — 62,6 % информантов [РССПАС: 172; ТП 8: 40];

Худой мир лучше доброй ссоры (добрый войны, хорошей войны) — 75,6 % информантов [РССПАС: 95; ТП 8: 44];

5) лексическая вариантность адъективированных причастий:

Не в мать, не в отца, а в проезжего (в заезжего) молодца — 35,3 % информантов [РССПАС: 90; ТП 8: 34];

6) лексико-синтаксическая вариантность:

А там (После нас) хоть потоп (хоть трава не расти) — 74,4 % информантов [РССПАС: 158; ТП 8: 23];

Кому много дано, с того (и) много (многое) (и) спросится (и спрос, и спроса больше) — 69,7 % информантов [РССПАС: 47; ТП 8: 30];

Каждый сам за себя отвечает (в ответе) — 17,6 % информантов [РССПАС: 108; ТП 8: 30];

Надо держать порох сухим (в пороховницах) — 56,5 % информантов [ТП 8: 34];

Пахать — не сеять (не руками махать) — 15,6 % информантов [ТП 8: 38];

Поздно пить Боржом, когда почки отказали (отвалились) (когда печень отказала (отвалилась)) — 65,9 % информантов [ТП 8: 39];

Собака лает, караван идет (ветер носит) — 72,4 % информантов [РССПАС: 146; ТП 8: 42];

7) именные оптативы — имена существительные:

За спрос не бьют /в нос/ — 30,9 % информантов [ТП 8: 29];

Любопытной Варваре /на базаре/ нос оторвали — 97,9 % информантов [ТП 8: 32];

Не было у бабы хлопот, купила /баба/ поросю — 65,0 % информантов [РССПАС: 16; ТП 8: 34];

Семь раз отмерь — один /раз/ отрежь — 97,3 % информантов [РССПАС: 126; ТП 8: 41];

Скромность украшает (красит) /человека/ — 48,2 % информантов [РССПАС: 142; ТП 8: 41];

8) именные оптативы — имена прилагательные:

Между ними /черная/ кошка пробежала — 93,2 % информантов [РССПАС: 77; ТП 8: 32];

9) вариантность имен числительных:

Для бешеной собаки семь (сто) верст не крюк — 53,2 % информантов [ТП 8: 27];

Ты ему слово, /а/ он тебе два (десять) — 91,8 % информантов [РССПАС: 143; ТП 8: 43].

Наиболее многочисленной оказалась лексическая вариантность имен существительных и субстантивированных прилагательных (31 ПЕ, то есть 46,3 % от всех примеров с именной вариантностью).

Словацкие пословичные параллели к русским пословицам паремиологического минимума 2022 г.

На данный момент определены словацкие пословичные параллели лишь к 22 из выбранных 67 русских пословиц с именной вариантностью. Эти

словацкие параллели зафиксированы в РССПАС и ТП 3. Небольшая часть из них (шесть пословичных параллелей, построенных на образной основе, отличной от таковой для русских ПЕ) является аналогами русских пословиц.

К остальным 16 русским пословицам выявлены словацкие полные и относительные эквиваленты с тождественной образной основой:

А там (После нас) хоть попом (хоть трава не расти) — Po nás /aj/ potopa. Alebo po nás aj potopa, ten kto príde môže sa z tej stagnácie aj zblázniť [ТПЗ: 210] (в этой словацкой параллельной ПЕ вариантность отсутствует);

Время — лучший лекарь (доктор) — Čas je najlepší lekár (liek). Čas je najlepší liek na všetky rany, takže aj keď sa stane že niečo veľmi ľutujem čo som spravila, časom to prejde... [ТПЗ: 33]; Čas všetko napraví (vylieči, vyrieši, zahojí). Čo bolí to prebolí, ako sa spieva v jednej krásnej pesničke a tak ako hovorí múdrosť našich predkov — čas všetko vylieči. A to je svätá pravda [ТП 3: 34] (в первой словацкой параллельной ПЕ есть именная вариантность lekár (liek) /букв. врач/лекарство/; вторая словацкая пословица имеет другую структуру и глагольную вариантность /букв. Время все исправит (вылечит, решит, заживит)/);

Всему есть предел (мера) — Všetko má svoju mieru. Všetko má svoju mieru. Aj oraľovanie, či už prirodzené alebo umelé [ТП 3: 265] (в словацкой параллели вариантность не зафиксирована);

Дружба дружбой, а табачок (денежки, деньги) врозь — Priatelia (Priateľmi) budíte, /a (ale)/ dlhu si plaťte [ТП 3: 218] (в словацкой ПЕ нет аналогичной именной вариантности);

Каждый сам за себя отвечает (в ответе) — Každý sám za seba je zodpovedný (zodpovedá, bojuje). Áno, každý sám za seba zodpovedá čo si vyberie. Ale súčasne zodpovedáte i za to, aby naše názory neroškodili iných [ТПЗ: 115] (в словацкой ПЕ зафиксирована только глагольная вариантность /букв. является ответственным (отвечает, воюет)/);

Лбом стену (стенку) не прошибешь (не пробьешь) — Čelom múr (stenu) neprerazíš (neprebiješ) [ТП 3: 36] (совпадение вариантности /букв.

крепостную стену (стену)/ и /букв. не перешибешь (не пробьешь)/);

Не хлебом единым жив (сыт) человек — Nie len chlebom je človek živý (syťú) [ТП 3: 195] (совпадение именной вариантности /букв. жив (сыт)/);

Нет правила без исключения (без исключений) — Žiadne pravidlo nie je bez bez výnimky (výnimiek) [ТП 3: 281]; Výnimka potvrdzuje (robí, tvorí) pravidlo [ТП 3: 268] (первая словацкая ПЕ полностью совпадает в морфологической именной вариантности; вторая — включает глагольную вариантность /букв. Исключение подтверждает (делает, создает) правило/);

По заслугам и награда (честь) — Komu česť, tomu česť (chvála, sláva). Ja to beriem ako zábavu, a vôbec ma netrápi aký máš náskok, komu česť tomu sláva, nie je dôležité mať dobrý tím, ale ho dobre pripraviť na najbližšieho súpera a využiť jeho nedostatky [ТП 3: 135] (словацкая ПЕ имеет тождественную именную вариантность /букв. честь (хвала, слава)/);

Своя рубашка (рубаха) ближе к телу — Bližšia košela ako (než) kabát [ТП 3: 28] (в словацкой ПЕ именной вариантности нет, но есть вариантность служебных слов);

Семь раз отмерь — один /раз/ отрежь — Dvakrát (Dva razy, sedemkrát) meraj a raz rež (strihaj) [ТП 3: 83] (в словацкой пословице есть вариантность числительных /букв. дважды (два раза, семь раз)/ и возможно опущение числительного);

Сколько голов — столько и мнений (столько умов) — Kolko hláv, tolko rozumu (rozumov, nápadov, myšlienok, názorov) [ТП 3: 134]; Čo hlava, to rozum (/iný/ názor) [ТП 3: 47]; Viac hláv — viac rozumu (nápadov) [ТП 3: 257]; Kolko ľudí, tolko chutí (názorov) [ТП 3: 135] (в словацких параллельных ПЕ есть тождественная именная вариантность /букв. ум (умы, идеи, мысли, мнения, точка зрения)/);

Скромность украшает (красит) /человека/ — Skromnosť je dobrá vlastnosť (ctnosť, nado všetko, šlachť). Skromnosť šlachť človeka, povedal niekto múdry — idem ho nasledovať [ТП 3: 232] (в словацкой ПЕ компонент человека также может быть опущен);

/Хорошо/ Смеется тот, кто смеется последним (последний) — *Ten sa smeje najlepšie kto sa smeje naposledy (posledný, posledným). Ten sa smeje najlepšie, kto sa smeje naposledy. Ale vidím nikto to nezbadal. Asi tu neni žiadny fundovaný partner do diskusie na úrovni [ТП 3: 245]; Najlepšie sa smeje ten, čo sa smeje naposled (naposledy, posledný). Pomsta býva sladká. Viete ako sa hovorí ten kto sa smeje naposledy ten sa smeje najlepšie... Kto sa bude smiať naposledy? Bude to vrah? [ТП 3: 178] (в обеих словацких параллельных ПЕ возможна аналогичная морфологическая вариантность);*

Человек предполагает, а Бог (Господь) располагает — *Človek mieni, a osud (život, Boh, Pán Boh) mení. Človek mieni, osud mení. Ako žiť lepšie, nekradnúť, nezbláznit a nezabiť sa pritom je jedna z najčastejších otázok, ktorá je na aktuálne takmer vždy na vrchole rebríčka hitparády zvanej základné životné otázky. Bolo tomu tak v minulosti, je tomu tak v prítomnosti a bude tomu tak s najväčšou pravdepodobnosťou i v budúcnosti [ТП 3: 41] (в словацкой ПЕ также есть именная вариантность /букв. судьба (жизнь, Бог, Господь Бог)/);*

Человек человеку волк (враг) — *Človek človeku je vlkom (vlk vlku, katom, najväčší nepriateľ). Ak by sme chceli byť skutočne čestní, museli by sme pripustiť že nová doba nastolila mentálnu i charakterovú deformáciu občanov na takú úroveň, že človek človeku je vlkom. Veď, nebol azda čestnejší v minulom režime ten, čo neporušil zákony a nezneužil svoje postavenie na protizákonné a nemorálne získanie prospechu? [ТП 3: 40] (в словацкой параллельной ПЕ еще больше лексических вариантов /букв. волк (палач, самый большой враг)/).*

Итак, только в трех случаях словацкие параллельные ПЕ не демонстрируют вариантности. В остальных русско-словацких пословичных параллелях отмечена как тождественная именная лексическая вариантность (у восьми русско-словацких пословичных параллелей), так и параллельная морфологическая вариантность (у двух параллелей) и тождественные именны факультативные компоненты (оптативы) (у двух параллельных ПЕ).

Данная выборка демонстрирует некоторые общие типологические черты русско-словацкой именной паремиологической вариантности.

Вывод

Разнообразие отмеченных в исследовании видов именной вариантности у русских пословиц паремиологического минимума 2022 г. показывает актуальность варибельности пословиц в современном русском языке.

Общие вариантные особенности у рассмотренных полных пословичных русско-словацких параллелей позволяют выдвинуть гипотезу о принадлежности этих пословиц к русско-словацкому паремиологическому ядру.

Выявленные вариантные русско-словацкие пословичные параллели могут быть использованы в практике преподавания русского языка как иностранного для словаков и словацкого языка для русских слушателей.

ИСТОЧНИКИ

РССПАС — Котова М. Ю. *Русско-славянский словарь пословиц с английскими соответствиями*. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2000. 360 с.

ТП 3 — Котова М. Ю., Сергиенко О. С., Тарараева О. Н. *Тетради паремиографа. Выпуск 3: Словацкие пословичные параллели русских пословиц паремиологического минимума: учеб. пособие для студентов*. Котова М. Ю. (ред.). СПб.: Политехника-принт, 2017. 286 с.

ТП 8 — Котова М. Ю., Боева Н. Е., Гусева О. В., Мушинская В. В., Раина О. В., Сергиенко О. С. *Тетради паремиографа. Выпуск 8: Паремиологический минимум русских пословиц 2022 года: учеб.-методич. пособие для студентов*. Котова М. Ю. (ред.). СПб.: Издат.-полигр. ассоциация высш. учеб. заведений, 2023. 560 с.

ЛИТЕРАТУРА

Абадзе 2014 — Абадзе С. И. Синтаксическая вариативность пословично-поговорочных выражений. *Евразийский союз ученых*. 2014, (5): 6–8.

Балакова, Шинделаржова 2015 — Балакова Д., Шинделаржова Я. Межязыковые и межкультурные соответствия русским библеизмам в чешской и словацкой студенческой аудитории (результаты исследования). В сб.: *Русский язык и литература в пространстве мировой культуры. Материалы XIII Конгресса МАПРЯЛ. В 15 т. (г. Гранада, Испания, 13–20 сент. 2015 г.)*. Марусенко Н. М., Шишков М. С. (сост.). Т. 11. СПб.: МАПРЯЛ, 2015. С. 30–35.

Барли 1984 — Барли Н. Структурный подход к пословице и максиме. В сб.: *Паремиологические исследования*. М.: Наука, 1984. С. 145–148.

- Бондаренко 2012 — Бондаренко В. Т. О структурном варьировании устойчивых фраз. *Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета*. 2012, 3–2 (23). URL: <http://scientific-notes.ru/magazine/archive/number/26> (дата обращения: 29.06.2024).
- Зиновьева 2014 — Зиновьева Е. И. Теоретические проблемы лингвокультурологического и лингвокультурологического описания русских поговорок. В сб.: *Динамика языковых и культурных процессов в современной России. Материалы IV Конгресса РОПРЯЛ, проходящего в рамках I Педагогического форума «Русский язык в современной школе»*. СПб.: РОПРЯЛ, 2014. С. 47–51.
- Зограб 2009 — Зограб М. Я. Варьирование английских поговорок на лексических и синтаксических уровнях. *Вопросы филологических наук*. 2009, (2): 97–100.
- Иванов 2017 — Иванов Е. Е. О стабильности и вариативности единиц паремнологической подсистемы языка. *Труды БГТУ. Серия 4. Принт- и медиатехнологии*. 2017, 2 (201): 132.
- Ковшова 2021 — Ковшова М. Л. Вариативность русских поговорок с компонентом-антропонимом. *Verba. Северо-Западный лингвистический журнал*. 2021, (2): 20–32.
- Ковшова, Дронов 2022 — Ковшова М. Л., Дронов П. С. Вариативность русских фразеологизмов с компонентами-антропонимами. *Русистика*. 2022, 20 (3): 269–283.
- Ломакина, Макарова 2015 — Ломакина О. В., Макарова А. С. Варьирование устойчивых фраз: от теории фразеологии к практике употребления. В сб.: *Русский язык и литература в пространстве мировой культуры. Материалы XIII Конгресса МАПРЯЛ. В 15 т. (г. Гранада, Испания, 13–20 сент. 2015 г.)*. Марусенко Н. М., Шишков М. С. (сост.). Т. 11. СПб.: МАПРЯЛ, 2015. С. 108–113.
- Мокиенко 1980 — Мокиенко В. М. *Славянская фразеология*. М.: Высшая школа, 1980. 208 с.
- Мокиенко 2010 — Мокиенко В. М. Современная паремнология (лингвистические аспекты). *Мир русского слова*. 2010, (3): 6–20.
- Мокиенко 2017 — Мокиенко В. М. Лексикографическое наследие В. П. Жукова и современная паремнография. В сб.: *Пушкинские чтения — 2017. Художественные стратегии классической и новой словесности: жанр, автор, текст. Материалы XXII Междунар. научн. конф. (Санкт-Петербург, 6–7 июня 2017 г.)*. Мальцева Т. В. (ред.). СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2017. С. 376–387.
- Пермяков 1988 — Пермяков Г. Л. *Основы структурной паремнологии*. М.: Наука, 1988. 236 с.
- Селиверстова 2009 — Селиверстова Е. И. Опыт выявления поговорок бинама и проблема вариативности. *Русский язык в научном освещении*. 2009, 1 (17): 182–200.
- Селиверстова 2017 — Селиверстова Е. И. *Пространство русской поговорки. Постоянство и изменчивость*. М.: Флинта; Наука, 2017. 296 с.
- Сергиенко 2015 — Сергиенко О. С. *Нормативность и вариативность чешских и словацких поговорок*. СПб.: Изд-во С.-Петербург. гос. ун-та, 2015. 296 с.
- Сечко, Кирюшкина 2017 — Сечко Н. С., Кирюшкина А. А. Лексико-грамматические изменения в текстах пословиц. *Вестник ГГУ*. 2017, (3): 126–134.
- Фархутдинова 2020 — Фархутдинова Ф. Ф. Вариантность поговорок в словаре В. И. Даля. В сб.: *Фразеология и паремнология в диахронии и синхронии (от архаизации к неологизации)*. Материалы Междунар. науч.-практич. конф. Кострома: Костромской гос. ун-та, 2020. С. 42–44.

REFERENCES

- Абадзе 2014 — Abadze S. I. Syntactic variability of proverbial expressions. *Evrasiiskii soiuz uchenykh*. 2014, (5): 6–8. (In Russian)
- Балакова, Шинделаржова 2015 — Balakova D., Shindelazhova Ya. Interlingual and intercultural coincidences to Russian biblical expressions in Czech and Slovak student environment (the results of investigation). In: *Russkii iazyk i literatura v prostranstve mirovoi kul'tury. Materialy XIII Kongressa MAPRIaL. In 15 vols. (g. Granada, Ispaniia, 13–20 sentiabria 2015 goda)*. Marusenko N. M., Shishkov M. S. (comp.). Vol. 11. St. Petersburg: MAPRIaL Publ., 2015. P. 30–35. (In Russian)
- Барли 1984 — Barley N. A structural approach to the proverb and maxim. In: *Paremiologicheskie issledovaniia*. Moscow: Nauka Publ., 1984. P. 145–148. (In Russian)
- Бондаренко 2012 — Bondarenko V. T. On the structural variation of stable phrases. *Uchenye zapiski. Elektronnyi nauchnyi zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2012, 3–2 (23). Available at: <http://scientific-notes.ru/magazine/archive/number/26> (accessed: 29.06.2024). (In Russian)
- Зиновьева 2014 — Zinovieva E. I. Theoretical problems of linguistic-cultural and linguistic-cultural-lexicographic description of Russian proverbs. In: *Dinamika iazykovykh i kul'turnykh protsessov v sovremennoi Rossii. Materialy IV Kongressa ROPRIaL, prokhodiashchego v ramkakh I Pedagogicheskogo foruma "Russkii iazyk v sovremennoi shkole"*. St. Petersburg: ROPRIaL Publ., 2014. P. 47–51. (In Russian)
- Зограб 2009 — Zohrab M. Ya. Variation of English proverbs on lexical and syntactic levels. *Voprosy filologicheskikh nauk*. 2009, (2): 97–100. (In Russian)
- Иванов 2017 — Ivanov E. E. On the stability and variability of units of the paremiological subsystem of language. *Proceedings of BSTU. Iss. 4. Print and mediatechnologies*. 2017, (201): 132. (In Russian)
- Ковшова 2021 — Kovshova M. L. Variability of Russian proverbs with an anthroponym component. *Verba. Severo-Zapadnyi lingvisticheskii zhurnal*. 2021, (2): 20–32. (In Russian)
- Ковшова, Дронов 2022 — Kovshova, M. L., Dronov, P. S. Variability of Russian phraseological units with personal names. *Rusistika*. 2022, 20 (3): 269–283. (In Russian)
- Ломакина, Макарова 2015 — Lomakina O. V., Makarova A. S. Modification of the steady phrases: From the theory of the phraseology to the practice of the usage. In: *Russkii iazyk i literatura v prostranstve mirovoi kul'tury. Materialy XIII Kongressa MAPRIaL. In 15 vols. (g. Granada, Ispaniia, 13–20 sentiabria 2015 goda)*.

Marusenko N. M., Shishkov M. S. (comp.). Vol. 11. St. Petersburg: MAPRIaL Publ., 2015. P. 108–113. (In Russian)

Мокиенко 1980 — Mokienko V. M. *Slavic phraseology*. Moscow: Vysshaya shkola Publ., 1980. 208 p. (In Russian)

Мокиенко 2010 — Mokienko V. M. Modern paremiology (linguistic aspects). *Mir russkogo slova*. 2010, (3): 6–20. (In Russian)

Мокиенко 2017 — Mokienko V. M. Lexical heritage of V. P. Zhukov and modern paremiography. In: *Pushkinskie chteniia — 2017. Khudozhestvennye strategii klassicheskoi i novoi slovesnosti: zhanr, avtor, tekst. Materialy XXII Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (St. Petersburg, 6–7 iyunia 2017 goda)*. Mal'tseva T. V. (ed.). St. Petersburg: Leningradskii gosudarstvennyi universitet im. A. S. Pushkina Publ., 2017. P. 376–387. (In Russian)

Пермяков 1988 — Permyakov G. L. *Fundamentals of structural paremiology*. Moscow: Nauka Publ., 1988. 236 p. (In Russian)

Селиверстова 2009 — Seliverstova E. I. The experience of identifying the proverbial binomial and the problem of variation.

Russkii iazyk v nauchnom osveshchenii. 2009, (17): 182–200. (In Russian)

Селиверстова 2017 — Seliverstova E. I. *The space of the Russian proverb. Constancy and variability*. Moscow: Flinta Publ.; Nauka Publ., 2017. 296 p. (In Russian)

Сергиенко 2015 — Sergienko O. S. *Normativity and variation of Czech and Slovak proverbs*. St. Petersburg: St. Petersburg University Press, 2015. 296 p. (In Russian)

Сечко, Кирюшкина 2017 — Sechko N. S., Kiriushkina A. A. Lexical and grammatical changes in proverb texts. *Vestnik Gzhel'skogo gosudarstvennogo universiteta*. 2017, (3): 126–134. (In Russian)

Фархутдинова 2020 — Farkhutdinova F. F. Variability of paroemias in the dictionary of Vladimir Dahl. In: *Frazeologiya i paremiologiya v diakhronii i sinkhronii (ot arkhazatsii k neologizatsii)*. *Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Kostroma: Kostromskoi gosudarstvennyi universitet Publ., 2020. P. 42–44. (In Russian)

ВАРИАНТНОСТЬ РУССКИХ ПОСЛОВИЦ ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКОГО МИНИМУМА С КОМПОНЕНТОМ «СОБАКА» И ИХ ЧЕШСКИЕ ПОСЛОВИЧНЫЕ ПАРАЛЛЕЛИ

OLESYA S. SERGIENKO

VARIANCE OF RUSSIAN PROVERBS OF PAREMIOLOGICAL MINIMUM WITH A COMPONENT "DOG" AND THEIR CZECH PROVERBIAL PARALLELS

В статье анализируется вариантность современных русских пословиц с компонентом *собака*, вошедших в новейший паремиологический минимум русского языка (по состоянию на 2022 г.). Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью всестороннего изучения активных пословиц в русской языковой картине мира в контексте изменений, происходящих в современном русском языке. Научную новизну исследования определяет прежде всего его материал — список пословиц, составляющих самый актуальный паремиологический минимум русского языка, в который вошли семь пословиц с компонентом *собака*, среди них: *Вот где собака зарыта (порылась)*; *Собака на сене: сама не ест и другим не дает*; *Собака лает, караван идет (ветер носит)*; *Собаке — собачья смерть* и др. Классифицируются отраженные информантами варианты пословиц с компонентом *собака*, и анализируются типы вариантности на лексическом, синтаксическом, стилистическом, морфологическом и фонетическом уровнях языка. Большинство данных пословиц имеет в чешском языке пословичные параллели, содержащие слово *собака (pes)*: *Pes, který štěká, nekouše* (букв. 'Собака, которая лает, не кусает'); *Tady je zakopaný pes* (букв. 'Здесь зарыта собака'). Однако параллели к русским пословицам паремиологического минимума *Собака лает, ветер носит* и *Собаке — собачья смерть* оказались незнакомы носителям чешского языка: *Pes štěká a vitr odnáší* и *Psu psi smrt*. Еще одна пословица *Собака на сене: сама не ест и другим не дает* имеет чешский аналог без компонента *собака* — *Sedí na tom jako žába na prameni* (букв. 'Сидит на нем, как лягушка на источнике').

Ключевые слова: паремиологический минимум, вариантность, пословичные параллели, чешский язык, пословичная картина мира.

The article analyses the variance of modern Russian proverbs with the component *dog*, included in the latest paremiological minimum of the Russian language of 2022. The relevance of this research is due to the need for a comprehensive study of active proverbs of the Russian linguistic picture of the world in the context of changes occurring in the modern Russian language. The scientific novelty of this study is determined, first of all, by its material, namely, the list of proverbs that comprise the most up-to-date paremiological minimum of the Russian language. The paremiological minimum of 2022 includes seven proverbs with the component *dog*, among them: *Here is where the dog is buried (burrowed)*; *Dog in the manger: doesn't eat itself and doesn't let others eat it*; *A dog barks, the caravan goes (the wind carries)*; *A dog's death is a dog's death* and others. The article classifies the variants of proverbs with the *dog* component reflected by the informants and analyses the types of variation at the lexical, syntactic, stylistic, morphological and phonetic levels of the language. Most of these proverbs have proverbial

Олеся Сергеевна Сергиенко

<https://orcid.org/0000-0002-2374-717X>

► o.sergienko@spbu.ru

кандидат филологических наук, доцент

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034,
Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Olesya S. Sergienko

PhD in Philology, Associate Professor

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg,
199034, Russian Federation

parallels in Czech containing the word *dog* (*pes* in Czech): *Pes, který štěká, nekouše* (lit. 'A dog that barks does not bite'); *Tady je zakopaný pes* (lit. 'A dog is buried here'). However, the parallels to Russian proverbs of the paremiological minimum *Dog barks, the wind carries* and *A dog's death is a dog's death* have turned out to be practically unknown to modern speakers of Czech: *Pes štěká a vítr odnáší* and *Psu psi smrt*. Another proverb *Dog in the manger: doesn't eat itself and doesn't let others eat it* has a Czech analogue without the component *dog* — *Sedí na tom jako žába na prameni* (lit. 'Sits on it like a frog on a spring').

Keywords: paremiological minimum, variance, proverbial parallels, Czech language, proverbial picture of the world.

Введение

В настоящем исследовании анализируется вариантность современных русских пословиц с компонентом *собака*, вошедших в новейший паремиологический минимум русского языка (по состоянию на 2022 г.), выявленный в результате социолингвистического паремиологического эксперимента с участием 340 информантов, носителей русского языка, и подготовленный к печати членами научного коллектива кафедры славянской филологии под руководством профессора М. Ю. Котовой в 2023 г. [ТП 8]. Каждому информанту, который участвовал в данном паремиологическом опросе, был предложен список из 581 русской пословицы (с указанием только начальной части пословицы). Задачей было вспомнить продолжение пословицы и вписать его самостоятельно. Список был сформирован из паремиологического минимума Г. Л. Пермякова, установленного в 1970-х годах [Пермяков 1988], материалов «Русско-славянского словаря пословиц с английскими соответствиями» [РССПАС] профессора М. Ю. Котовой (в него были включены как пословицы из минимума Г. Л. Пермякова, так и некоторые другие пословицы из паремиологического лексикона автора словаря) и 80 новых пословиц, добавленных членами научного коллектива кафедры славянской филологии по собственной инициативе, чтобы проверить употребительность пословиц в современном русском языке. В результате социолингвистического опроса был сформирован список из 543 активных современных русских пословиц, к которым были отнесены только те, что были продолжены минимум 15 % информантов.

Результаты опроса позволили не только скорректировать паремиологический минимум Г. Л. Пермякова, но и выявить широчайший спектр вариантных форм, в которых русские пословицы существуют в сознании современных носителей языка.

Актуальность настоящего исследования определяется недостаточной разработанностью проблемы в современной русской паремиологии и высоким уровнем практической значимости результатов, которые будут востребованы в образовательном процессе, в том числе в преподавании русского языка как иностранного и чешского языка. Значимость обращения к вариантности современных русских пословиц на материале паремиологического социолингвистического эксперимента также обусловлена необходимостью всестороннего изучения активных пословиц в языковой картине мира в контексте изменений, происходящих в современном русском языке. Паремии являются важным элементом, отражающим национальные особенности мышления, мировосприятия и коммуникативного поведения носителей языка. Исследование их вариантности позволяет углубить знания о динамике и механизмах развития языка, а также расширить представления о функционировании и употреблении пословиц.

Научную новизну данного исследования определяет прежде всего его материал, а именно, список пословиц, составляющих самый актуальный паремиологический минимум русского языка.

Источником чешских параллелей для русских пословиц с компонентом *собака* в основном послужило учебное пособие «Тетради паремиографа. Выпуск 2: Чешские пословичные параллели русских пословиц паремиологического минимума», опубликованное в 2013 г. [ТП 2]. Данный сборник чешских пословиц был создан на основе: РССПАС, паремиологического социолингвистического эксперимента (100 анкет, заполненных носителями чешского языка в 2003–2004 гг. — см. Приложение к докторской диссертации «Славянская паремиология» [Котова 2004]); учебного пособия по сопоставительной славянской паремиологии [Котова 2010] и кандидатской диссертации «Вариантность чешских и словацких пословиц» [Сергиенко 2010].

Состояние изучения вопроса

Проблема вариантов, возникающих вследствие развития языка (или исторически обусловленных вариантов), привлекла внимание еще представителей Пражского лингвистического кружка, которые в своих трудах применяли принцип вариантности языковых средств по отношению к норме литературного языка. Помимо исторически обусловленных вариантов рассматривалась и территориально обусловленная вариантность [Сергиенко 2015: 8–12].

Тезис, предложенный Г. Л. Пермяковым, о том, что пословица обладает замкнутой формой клише, т. е. не изменяется и не дополняется в речи, в свое время стал определяющим в паремиологии. Предполагалось, что пословицы имеют фиксированную форму. Тем не менее сам Пермяков в более поздних трудах подчеркивал, что наличие искажений традиционных вариантов лишней раз указывает на устойчивость пословиц, так как видоизменение возможно только тогда, когда есть понимание текстовой нормы [Пермяков 2001: 21].

Первым, кто систематизировал типы пословичных вариантов и установил критерии различия между общенародными вариантами и авторскими переделками, был, пожалуй, В. П. Жуков. В предисловии к своему «Словарю русских пословиц и поговорок» (впервые изданному в 1966 г.) он выделял лексические, формально-словообразовательные, лексико-грамматические и структурные варианты пословиц, отмечая, что такие изменения, происходящие в рамках одной и той же синтаксической конструкции, не влияют на смысловое содержание. Жуков также ввел понятие факультативности, которое он отличал от вариантности, когда в языке функционируют как полные, так и неполные формы пословицы. От нормативной вариантности и факультативности следует отличать индивидуально-авторские преобразования, влекущие изменение общепринятого смысла, а также замену грамматических форм, например форм времени, когда в результате такой замены пословица получает конкретное, единичное значение [Жуков 2005: 17].

Вслед за В. П. Жуковым автор настоящего исследования полагает, что нормативная

вариантность и факультативность отличаются от индивидуально-авторских преобразований тем, что не нарушают тождество паремии, а являются лишь проявлением специфики формы, внешнего выражения пословицы.

В последние десятилетия многие российские исследователи активно занимаются изучением вариантности русских пословиц, в том числе в сопоставлении с другими языками. Можно выделить работы В. И. Беликова, С. И. Вяльцевой, Л. В. Гриченко, Е. Е. Иванова, Е. Е. Жигариной, В. Ф. Занглигера, Г. Капчица, М. Л. Ковшовой, М. Ю. Котовой, И. В. Кузнецовой, А. Л. Кюрегяна, Е. М. Маклаковой и С. О. Магфуровой, М. А. Милютиной, В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитиной, Е. К. Николаевой, Э. В. Садиковой, Е. И. Селиверстовой, О. С. Сергиенко и др.

Среди зарубежных исследователей, занимающихся вариантностью пословиц, можно отметить Ф. Чермака (F. Čermák), П. Гжибека (P. Grzybek), У. Лаухакангас (O. Lauhakangas), В. Мидера (W. Mieder), Й. Млацека (J. Mlacek) и др.

На кафедре славянской филологии филологического факультета СПбГУ под руководством профессора М. Ю. Котовой исследуется вариантность пословиц как единиц словаря. М. Ю. Котова является автором «Русско-славянского словаря пословиц с английскими соответствиями» [РССПАС] и соавтором восьми выпусков «Тетрадей паремиографа», в которых были представлены параллели русских пословиц паремиологического минимума во всех основных славянских языках, прошедшие через паремиологические эксперименты с участием носителей языка и снабженные контекстными иллюстрациями, которые дали возможность продемонстрировать вариантность в употреблении пословиц в каждом из представленных славянских языков.

К наиболее полному отражению вариантности русского паремиологического фонда стремился и коллектив авторов под руководством профессора В. М. Мокиенко при составлении «Большого словаря русских пословиц», изданного в 2010 г. [БСРП]. Как отмечает В. М. Мокиенко в предисловии к словарю, «это тезаурус русских пословиц, отражающий их бытование в возможно полной

амплитуде времени и пространства существования живого русского языка» [БСРП: 6]. В словаре выделяются морфологические и словообразовательные, фонетические и орфографические, лексические и структурные варианты, отраженные в многочисленных паремиологических трудах, от сборников XVIII в. и исторических словарей до новейших сборников пословиц и современных диалектных словарей. Конкретная «паспортизация» каждой паремии и каждого ее варианта позволяет точно определить, когда и где тот или иной вариант был впервые зафиксирован.

В монографии О. С. Сергиенко «Нормативность и вариантность чешских и словацких пословиц» были сделаны выводы о том, что наличие пословичных вариантов является частью паремиологической нормы языка, что, несомненно, должно находить отражение в паремиографических трудах в качестве иллюстрации пластичности или «эластичной стабильности» пословичного клише. Под вариантностью необходимо понимать такое видоизменение пословицы, которое существует в сознании носителей языка, не несет дополнительной семантической нагрузки и не осознается носителями языка как искажение пословицы. Принимая во внимание принцип нормативности пословичной вариантности, необходимо допускать мобильность и эластичность паремиологического корпуса языка и включать в него на правах нормативных воспроизводимые варианты живых пословиц. А значит, задачей современной паремиографии является отражение в словарях не только актуальных, наиболее частотных инвариантов пословицы, но и ее основных вариантов с соответствующими стилистическими и обобщенно-частотными пометами, а также при необходимости со сведениями о территориальных и социальных различиях в статусе вариантов паремии [Сергиенко 2015: 71].

Исследование вариантности русских пословиц тесно связано с такими понятиями лингвокультурологии, как «языковая картина мира» и «паремиологическая картина мира», что нашло отражение в коллективной монографии «Русская языковая картина мира в пословицах (на фоне других языков)» под редакцией М. Ю. Котовой, вышедшей в Санкт-Петербурге [Котова 2022].

Концепт «собака» как элемент русской языковой картины мира уже становился предметом исследований отечественных лингвистов. Пожалуй, подробнее всего данную тему осветила Н. И. Маругина, которая полагает, что зоосемизм «собака» относится к наиболее частотным ключевым словам в русской языковой картине мира [Маругина 2009: 15]. Исследовательница отмечает, что в языковой картине русского народа смогли оформиться выражения с ключевым словом *собака*, в которых оно употребляется в номинативном значении для характеристики данного животного, и примеры метафорического употребления, где лексема *собака* заимствуется и применяется для описания человеческих качеств и моделей поведения [Маругина 2009: 17]. Также отмечено, что употребление ключевого слова *собака* в пословицах и фразеологизмах может быть маркировано как положительной, так и отрицательной коннотативной окраской.

Анализируя пословицы и устойчивые сочетания, в состав которых входит ключевое слово *собака*, Н. И. Маругина выделяет следующие символические признаки, положенные в основу метафорического переноса и составляющие ассоциативное поле данного концепта: 1) собака — символ нечистоты, безверия, бездуховности; 2) собака — символ неустроенной жизни, нищенского существования, низкого положения; 3) собака — символ свободной, беззаботной, разгульной жизни; 4) собака — символ тоски; 5) собака — символ послушания, покорности в результате применяемых над ней насильственных действий; 6) собака — символ жадности, скупости, прожорливости; 7) собака — символ свирепости, проявления гнева, агрессии; 8) голосовое поведение собаки ассоциируется со сквернословием, бранью, ссорой, сплетнями, пустословием; 9) умственные способности животного — символ мудрости, большого ума, зрелости и опыта [Маругина 2009: 21].

На материале «Пословиц русского народа» В. И. Даля представления о собаке, сформировавшиеся в русской лингвокультуре, исследуются в статье Ю. А. Черемных и В. И. Шенкман «Традиционные представления о собаке по данным русской паремиологии». В статье представлен детализированный анализ сразу трех аспектов

репрезентации собаки в русских пословицах из сборника В. И. Даля (более 400 единиц), а именно: 1) собака как домашнее животное; 2) собака и человек; 3) собака и другие животные. Наиболее полно собака как домашнее животное показана через ее внешний облик и поведенческие особенности, среди которых выделяются: нечистоплотность и всеядность, жадность, праздность, агрессивность, злоба и злопамятность, глупость [Черемных, Шенкман 2024: 755–756]. Что касается взаимоотношения человека и собаки, то отмечено, что современное восприятие собаки как «друга человека» встречается в пословицах весьма редко. В основном отмечается ее подчиненное положение по отношению к человеку. Кроме того, отношение к собаке определяется отношением к ее хозяину [Черемных, Шенкман 2024: 758]. В отношении межвидового сопоставления собака, как правило, сравнивается с кошкой и волком, в единичных случаях — с другими животными [Черемных, Шенкман 2024: 759].

Результаты исследования

В паремиологический минимум 2022 г. [ТП 8] вошли семь пословиц с компонентом «собака» (в скобках указан процент информантов, продолживших ту или иную пословицу):

Вот где собака зарыта (порылась) (91,8 %);

Собака на сене: сама не ест и другим не дает (81,7 %);

Собака лает, караван идет (ветер носит) (72,4 %);

Собаке — собачья смерть (63,0 %);

Для бешеной собаки семь (сто) верст не крюк (53,2 %);

Не та собака кусает, что (которая) лает (37,9 %);

Когда на охоту ехать, тогда /и/ собак кормить (20,3 %).

Как и в ТП 8, здесь в круглых скобках приведены варианты к инварианту пословицы, выделенные при анализе результатов социолингвистического паремиологического эксперимента; в косых скобках даются факультативные варианты, которые могут быть опущены без потери смысла.

Научный интерес, несомненно, представляют все указанные респондентами варианты окончания пословиц. Некоторые из них по своей популярности могут конкурировать с инвариантом, другие отражают территориальную или социально-культурную принадлежность опрашиваемых, третьи являются окказионализмами.

Итак, рассмотрим каждую пословицу во всей полноте представленных в ответах информантов вариантных форм.

1. Вот где собака... зарыта (порылась) — 91,8 %, или 312 информантов. Согласно РССПАС, данная пословица «говорится при обнаружении (выяснении) чего-л. тайного, что давно не поддавалось разгадке» [РССПАС: 146]. О происхождении паремии пишет в своей статье Н. И. Маругина: «Еще одним примером выражения с немотивированным значением слова *собака* является идиома **вот где собака зарыта**. Данное выражение — калька с нем. *Da liegt der Hund begraben*, проникшее в русский язык во второй половине XIX в. Возникновение выражения связывают с мифологическим представлением о черном псе — “оборотне”, нечистой силе, охраняющей зарытый клад. Затем переносно слово *Hund* (собака) стало обозначать и сам клад. Буквально оборот тем самым обозначал — “Вот где спрятамо сокровище”» [Маругина 2009: 21].

В анкете, предложенной информантам, данная пословица была представлена без последнего слова-компонента, которое и нужно было дописать. Поскольку в оригинальной пословице данный компонент является глаголом, то и в ответах информантов в основном видим лексическую глагольную вариантность. Как правило, для широко известных пословиц, к которым можно отнести и данную паремиологическую единицу, в большинстве случаев типично абсолютное преобладание одного варианта (то есть инварианта), наряду с которым могут быть предложены несколько вариантов, большинство из которых могут быть окказиональными:

Вот где собака...

ветер носит

(1 информант)

зарылась

(3 информанта)

зарыта

(284 информанта)

зарыта / ветер носит	(1 информант)
зарыта/порылась	(4 информанта)
кость зарыла	(1 информант)
лает	(1 информант)
лежала	(1 информант)
порылась	(18 информантов)
порылась/зарыта	(1 информант)
	[ТП 8: 384–385]

В данном примере и далее словарные статьи приводятся почти в том же виде, что и в ТП 8. Опущены номера анкет информантов, которые были указаны в скобках после каждого варианта концовки, оставлено только количество информантов. Жирным шрифтом, как и в ТП 8, отмечены инварианты пословицы, которые были выделены при анализе результатов паремиологического эксперимента; курсивом выделены остальные, менее распространенные варианты. Все же остальные окончания, приведенные информантами, не отмеченные в словарной статье особым шрифтом, трактуются как окказиональные [ТП 8: 7].

У данной пословицы основным инвариантом считается форма *Вот где собака зарыта*, однако благодаря тому, что еще 23 информанта продолжили словом *порылась*, данная форма приводится как частотный вариант к инварианту. В «Большом словаре русских поговорок» В.М. Мокиенко и Т.Г. Никитиной данная форма указана как «каламбурная трансформация литературного выражения *Вот где собака зарыта*», также присутствуют стилистические пометы *жарг.*, *шутл.-ирон.* [Мокиенко, Никитина 2007: 627].

Три респондента указали возвратную форму *зарылась*, один респондент — семантически близкий вариант глагола — *лежала*. Остальные концовки (*Вот где собака ветер носит*; *Вот где собака кость зарыла*; *Вот где собака лает*) можно считать окказиональными. Во-первых, каждую продолжили всего по одному информанту, во-вторых, их окончания не близки семантически инварианту данной пословицы. Также необходимо отметить, что продолжения *ветер носит* и *лает* могли возникнуть в результате ненамеренной контаминации, смешения двух пословиц *Вот где собака зарыта* и *Собака лает — ветер носит*.

В РССПАС в качестве параллели данной паремии указана чешская пословица *Kde (Tady) je zakopaný pes* [РССПАС: 146] (букв. 'Где (Здесь) зарыта собака'). Согласно ТП 2, данная пословица является одной из самых узнаваемых для современных носителей чешского языка, ведь ее продолжило 94 % информантов [ТП 2: 231].

2. Собака на сене: сама не ест и... другим не дает — 81,7 %, или 278 информантов. Данная пословица говорит «о том, кто не хочет отдать другому то, что ему самому не нужно и чем он не пользуется» [РССПАС: 146]. Как видим, здесь также отмечено подавляющее преобладание одного варианта над всеми другими:

Собака на сене: сама не ест и...

другим не дает	(259 информантов)
<i>другим не дает (сама не ам и другим не дам)</i>	(1 информант)
<i>другим не даст</i>	(8 информантов)
<i>другому не дает</i>	(3 информанта)
<i>корове не дает</i>	(1 информант)
<i>нам не дает</i>	(2 информанта)
<i>остальным не дает</i>	(1 информант)
<i>скотине не дает</i>	(2 информанта)
<i>спать не дает</i>	(1 информант)
<i>тебе не даст</i>	(1 информант)
	[ТП 8: 388]

Остальные варианты концовок отражают лексическую именную вариантность (*корове / нам / скотине / тебе не дает*) и морфологическую вариантность глагола *давать* (*не дает / не даст*).

Вариант *Собака на сене лежит — сама не ест и скотине не дает*, согласно БСРП, встречается в словаре В.И. Даля [БСРП: 841]. Также известен и вариант про «корову», он отмечен в словаре Н.А. Рыбникова (1961): *Легит как собака на сене: сама не ест и корове не дает* [БСРП: 840]. Любопытно, что всего один информант указал слегка модифицированный региональный вариант, зафиксированный в словаре «Пословицы, поговорки и загадки Кубани» (2000) — *Собака на сене: сама не «гам» и другому не дам* [БСРП: 841]. Этим информантом является женщина 42 лет, родившаяся в Республике Коми, в настоящее время

проживающая в Санкт-Петербурге, образование высшее, предприниматель [ТП 8: 22].

В чешском языке не находим эквивалента данной поговорки, а лишь аналог без компонента «собака» — *Sedí na tom jako žába na prameni* (букв. 'Сидит на нем, как лягушка на источнике'). Поговорка не относится к числу хорошо известных в чешском языке, в ходе паремиологического опроса ее продолжило лишь 17 информантов из 100 опрошенных носителей чешского языка. Среди других вариантов окончания указывали: *Sedí na tom jako slepiče (husa, kachna) na vejčích* (букв. 'Сидит на нем, как курица (гусыня, утка) на яйцах'); *Sedí na tom jako vosa na bonboně* (букв. 'Сидит на нем, как оса на конфете') и др. Всего один информант указал вариант *Sedí na tom jako pes na seně* (букв. 'Сидит на нем, как собака на сене') [ТП 2: 219].

3. Собака лает, караван идет (ветер носит) — 72,4 %, или 246 информантов. Интересная ситуация в ходе паремиологического опроса сложилась вокруг продолжения поговорки *Собака лает...* [ТП 8: 386–388]. В РССПАС, который являлся основным источником пословичного материала для опроса, данная поговорка была указана как *Собака лает, ветер носит*. Так говорится «о болтливом человеке и слухах, которые распространяются на основе его слов, но на которые мало обращают внимания» [РССПАС: 146]. Далее представлены результаты опроса информантов:

Собака лает, ...

а в дом не пускает	(1 информант)
а ветер носит	(2 информанта)
а караван идет	(14 информантов)
а не кусает	(2 информанта)
в двор не пускает	(1 информант)
в дом не пускает	(3 информанта)
ветер метет	(1 информант)
ветер носит	(58 информантов)
ветер носит, а караван идет	(1 информант)
ветер носит / караван идет	(9 информантов)
да в дом не пускает	(1 информант)
да ветер носит	(1 информант)

да не кусает	(15 информантов)
да не кусает / караван идет	(1 информант)
караван идет	(155 информантов)
караван идет / ветер носит	(3 информанта)
но не кусает	(5 информантов)
но не кусает / караван идет	(1 информант)
по воздуху	(1 информант)
	[ТП 8: 386–387]

Как видим, задуманный вариант окончания поговорки *Собака лает, ветер носит* в разных модификациях указало лишь 75 респондентов (22 %), а 184 респондента (54 %) продолжили поговорку иначе: *Собака лает, (а) караван идет*. По сути, это две разные поговорки. Поговорку *Собака лает, (а) караван идет* используют для выражения готовности говорящего продолжать свое дело, невзирая на злобную и бессмысленную критику. В то время как, по данным БСРП, первый вариант поговорки встречается еще в русских сборниках поговорок начала XVIII в., поговорка о караване, известная в разных вариантах в большом количестве языков, появляется в русских паремиологических сборниках только в конце XX в. [БСРП: 841].

В РССПАС в качестве параллели для поговорки *Собака лает, ветер носит* была указана чешская поговорка *Pes štěká a vítr odnáší*. Однако в ходе паремиологического опроса ее указали лишь два чешских информанта. Один информант указал продолжение *Pes štěká a karavana jede dál* [ТП 2: 184]. В то время как для варианта *Pes štěká a vítr odnáší* не было выявлено контекстных иллюстраций, фраза *Pes štěká (psi štěkají) a karavana jede dál* часто встречается в современном чешском дискурсе.

В ответах информантов имеются два совершенно различных варианта продолжения фразы: *Собака лает, да (но) не кусает* и *Собака лает, /а, да/ в дом не пускает*. У первой поговорки множество вариантов, которые можно найти в БСРП: *Которая собака много лает, та мало кусает; Не всякая собака кусает, которая лает; Не та собака кусает, которая лает (а та, что молчит да хвостом виляет); Страшна собака не та, которая*

лает, а та, которая кусает и др. [БСРП: 840–842]. Некоторые из этих вариантов встречаются еще в сборниках XVIII в. В ТП 8 эта поговорка представлена в такой форме: *Не та собака кусает, что (которая) лает* [ТП 8: 358]. Именно в таком виде она была зафиксирована у Г. Л. Пермякова [Пермяков 1988: 156]. Второй вариант *Собака лает, /а, да/ в дом не пускает* кажется довольно известным среди носителей языка, однако в БСРП обнаружен не был.

4. Собаке — собачья... смерть — 63,0 %, или 215 информантов. Эта поговорка, отмеченная 63 % респондентов в ходе паремиологического эксперимента, в РССПАС имеет стилистическую помету «грубо» и следующее толкование: «Говорится с удовлетворением (или со злорадством) по поводу гибели человека, заслуживающего высшего наказания за свои преступления» [РССПАС: 147].

Собаке — собачья...

воля	(1 информант)
доля	(5 информантов)
жизнь	(61 информант)
жизнь/смерть	(1 информант)
кость	(1 информант)
работа	(1 информант)
рознь	(1 информант)
смерть	(212 информантов)
смерть/жизнь	(2 информанта)
судьба	(1 информант)
	[ТП 8: 388–389]

Преобладающее количество информантов (215) указало в качестве инварианта поговорки форму *Собаке — собачья смерть*. Антонимический вариант *Собаке — собачья жизнь*, отмеченный 63 респондентами, очевидно, возник за счет контаминации с известным фразеологизмом *собачья смерть*. В таком смешении образов в сознании носителей языка нет ничего удивительного. Согласно исследованию Н. И. Маругиной, все это часть одной смысловой доминанты концепта «собака», отраженной во фразеологическом фонде картины мира русского народа, а именно, «образ жизни животного — жизнь преимущественно плохая, тяжелая, но в то же время разгульная, свободная». Сюда исследовательница относит

поговорки, характеризующие жизнь человека и его кончину: «*Жил собакой, околел псом; Собаке собачья и смерть*», которые отражают тяжелую судьбу и неустроенную жизнь людей. Выражение *собачья смерть* интерпретируется как смерть, уход из жизни без покаяния в силу того, что у собаки нет души, нет веры. Смыслы данного слота отражаются устойчивыми сочетаниями, используемыми в речи носителей русского языка для характеристики тяжелой, нищей, неустроенной жизни: *собачья жизнь, собачьи условия, собачьи пожитки, устал как собака, голоден как собака* [Маругина 2009: 24–25].

Выражение *Psu psí smrt* оказалось практически неизвестно современным чехам, его отметили лишь 2 % информантов [ТП 2: 204]. В то же время в чешском языке есть такие фразеологизмы, как *psí život, psí počasí* (букв. ‘собачья жизнь’, ‘собачья погода’), имеющие коннотацию чего-то дурного, неприятного.

5. Для бешеной собаки семь (сто) верст не крюк — 53,2 %, или 181 информант. Данная поговорка отсутствует в РССПАС, она была добавлена в список, предложенный информантам, по инициативе авторов паремиологического минимума 2022 г. [ТП 8]. Ее значение можно было бы истолковать следующим образом: говорится о ситуации, когда человек по собственной вине или глупости тратит на что-то больше усилий, чем требуется. Поговорка доказала свою узнаваемость среди современных носителей языка, хотя и продемонстрировала, наверное, самый широкий спектр вариантных форм:

Для бешеной собаки...

<i>десять верст не крюк</i>	(1 информант)
<i>и верста крюк</i>	(1 информант)
<i>и верста не крюк</i>	(1 информант)
<i>и десять верст не крюк</i>	(2 информанта)
<i>и десять километров не крюк</i>	(1 информант)
<i>и пять верст не крюк</i>	(1 информант)
<i>и семь верст не крюк</i>	(1 информант)
<i>и семь верст не крюк</i>	(4 информанта)
<i>и сто верст не крюк</i>	(1 информант)
<i>и сто километров не крюк</i>	(1 информант)

<i>и шесть верст не крюк</i>	(1 информант)
<i>километр не круг</i>	(1 информант)
<i>километр не крюк</i>	(1 информант)
<i>конец один</i>	(1 информант)
<i>круг не крюк</i>	(1 информант)
<i>лишний километр — не крюк</i>	(1 информант)
<i>не круг</i>	(1 информант)
<i>не крюк</i>	(1 информант)
<i>не расстояние</i>	(1 информант)
<i>пять верст не крюк</i>	(1 информант)
<i>пять километров не круг</i>	(1 информант)
<i>пять километров не крюк</i>	(3 информанта)
<i>семь верст не дорога</i>	(1 информант)
<i>семь верст не круг</i>	(10 информантов)
семь верст не крюк	(99 информантов)
<i>семь верст не расстояние</i>	(1 информант)
<i>семь километров не крюк</i>	(1 информант)
<i>семь миль не крюк</i>	(1 информант)
<i>сорок верст не крюк</i>	(3 информанта)
<i>сто верст не круг</i>	(5 информантов)
сто верст не крюк	(23 информанта)
<i>сто верст не петля</i>	(1 информант)
<i>сто километров не кросс</i>	(1 информант)
<i>сто километров не круг</i>	(2 информанта)
<i>сто километров не крюк</i>	(4 информанта)
<i>сто метров — не крюк</i>	(1 информант)
<i>три мили не крюк</i>	(1 информант)
<i>хозяин под стать</i>	(1 информант)
<i>четыреста верст не крюк</i>	(1 информант)
<i>что верст не крюк</i>	(2 информанта)
<i>шесть верст не крюк</i>	(3 информанта)
	[ТП 8: 497–498]

Различные варианты этой поговорки зафиксированы в БСРП: *Бешеной собаке не крюк 20 километров; Бешеной собаке семь верст не крюк; Для бешеной собаки семь верст не крюк; Для бешеной собаки сто километров не крюк*. Все они были зафиксированы в словарях XX в. (словарь «Русские поговорки и поговорки», изданный под ред. В. П. Аникина в 1988 г.; уже упомянутый словарь М. А. Рыбникова «Русские поговорки и поговорки» 1961 г., а также «Словарь псковских поговорок и поговорок» В. М. Мокиенко и Т. Г. Никитиной 2001 г.) [БСРП: 842–843].

В большинстве концовок встречается лексическая именная вариантность в области

числительных (*семь/сто/сорок/три/четыреста*) и мер длины (*верст/километров/миль/метров*). Вариант *не круг*, вероятно, возник в связи с фонетическим сходством с исходным компонентом *не крюк*. Можно утверждать, что поговорка знакома современным носителям языка, налицо четкое осознание структуры, но лексическое наполнение варьируется в рамках синонимичных или же семантически схожих форм.

В чешском языке не было выявлено пословичной параллели для данной русской паремииологической единицы.

6. Не та собака кусает, что (которая) лает — 37,9 %, или 129 информантов. Данная поговорка означает, что «следует опасаться не того, кто расточает угрозы, а того, кто молчит, но неожиданно атакует» [РССПАС: 146].

Ранее в представленном материале встречались различные варианты данной поговорки в словарной статье *Собака лает...* Были рассмотрены варианты, в которых данная единица встречается в БСРП. Как же продолжили фразу *Не та собака кусает...* информанты паремииологического эксперимента?

Не та собака кусает...

<i>а та, которая лает</i>	(1 информант)
<i>а та, что лает</i>	(2 информанта)
<i>а та, что хвостом виляет</i>	(1 информант)
<i>зарыта</i>	(1 информант)
<i>которая брехает</i>	(1 информант)
<i>которая громко лает</i>	(2 информанта)
которая лает	(39 информантов)
<i>которая лает, а та,</i>	
<i>которая молча бежит</i>	(1 информант)
<i>которая лает, бойся той,</i>	
<i>что молчит</i>	(1 информант)
<i>что голодна</i>	(1 информант)
<i>что громко лает</i>	(7 информантов)
<i>что дает</i>	(1 информант)
<i>что много лает</i>	(1 информант)
что лает	(56 информантов)
<i>что лает, а та, что молчит</i>	(7 информантов)
<i>что лает, а та собака кусает,</i>	
<i>что молчит, да хвостом</i>	
<i>виляет</i>	(3 информанта)

<i>что лает, а та, что молчит</i>	
<i>и хвостом виляет</i>	(1 информант)
<i>что лает, а та, что хвостом</i>	
<i>виляет</i>	(1 информант)
<i>что смела</i>	(1 информант)
<i>что хвостом виляет</i>	(1 информант)
	[ТП 8: 385–386]

Как видим, большинство из представленных форм являются вариантами к инварианту **Не та собака кусает, что (которая) лает**. Здесь, как у всех длинных пословиц, наблюдаются сокращенные и распространенные варианты паремии, что В.П. Жуков называет факультативностью. Как известно, чем длиннее пословица, тем больше вариантных форм ее второй части. В ответах информантов в основном наблюдаются следующие виды вариантности: лексическая — замена синонимом или семантически сходным словом, стилистическая (*лает/брехает*) и синтаксическая — расширение пословицы за счет ввода в ее состав новых членов предложения (*громко лает / много лает*). Примечательно, что в большинстве вариантов сохраняется ритмичность исходной пословицы.

Параллелью для данной пословицы в чешском языке является паремия *Pes, který štěká, nekouše*, в данном варианте она была отмечено 82 % чешских респондентов [ТП 2: 184], а ее употребительность была доказана многочисленными контекстными иллюстрациями.

7. Когда на охоту ехать, тогда /и/ собак кормить — 20,3 %, или 69 информантов. Наименее известной среди представленных в РССПАС пословиц с компонентом *собака* оказалась пословица про охоту. Она встречается в словарях XVIII в.: *Не тогда собак кормить, как на ловлю иттить* [БСРП: 839]. Так говорят о тех, «кто не заботится заранее о планируемых делах и пытается подготовиться к ним непосредственно перед их началом» [РССПАС: 108].

Когда на охоту ехать, тогда...

<i>и время найдется</i>	(1 информант)
<i>и запрягать</i>	(1 информант)
<i>и коня кормить</i>	(1 информант)
<i>и ружье чистить</i>	(1 информант)

и собак кормить	(24 информанта)
<i>и телегу смазывать</i>	(1 информант)
<i>кобелей кормить</i>	(1 информант)
<i>коней кормить</i>	(1 информант)
<i>коней поить</i>	(1 информант)
<i>лошадей кормить</i>	(1 информант)
<i>собак бери</i>	(1 информант)
собак кормить	(35 информантов)
<i>собак кормить поздно</i>	(1 информант)
<i>оружие готовить</i>	(1 информант)
<i>телегу запрягать</i>	(1 информант)
	[ТП 8: 295–296]

То, что пословица недостаточно известная, обусловило большое разнообразие лексических вариантов, в том числе не близких семантически к инварианту. Однако все отмеченные курсивом формы отражают смысл пословицы о том, что нужно заранее заботиться о планируемых делах.

В чешском языке аналогом данного выражения является гораздо менее образная паремия *Všechno chce svůj čas* [РССПАС: 109], которая лишь частично может соответствовать семантике русской пословицы в отдельных контекстах.

Помимо уже проанализированных семи пословиц, компонент *собака* встречается в ответах информантов паремиологического эксперимента в самых неожиданных пословицах:

<i>Голод не собака</i>	(1 информант)
<i>На бедного Макара всех собак повесили</i>	(1 информант)
<i>Нечистая совесть кусает, как собака</i>	(1 информант)

Получившиеся окказиональные варианты, однако, в полной мере соответствуют традиционному образу собаки, закрепившемуся в русской паремиологической картине мира.

Выводы

Итак, были проанализированы пословицы с компонентом *собака*, вошедшие в русский паремиологический минимум 2022 г. по результатам опроса 340 информантов, носителей русского языка. Во всех пословицах, кроме последней, слово *собака* уже присутствовало в первой части выражения, которое нужно было продолжить, а потому должно было вызвать ассоциации, которые

провоцирует данный концепт в сознании носителей русского языка. Предложенные информантами варианты продолжения пословиц отразили стереотипные представления, зафиксированные в нашей культуре и паремиологической картине мира. Несмотря на то что «собака — друг человека», в паремиологическом фонде четко закрепились отрицательные коннотации, связанные с образом собаки. Вероятно, причина кроется в том, что в большинстве пословиц происходит метафорический перенос с собаки на человека, а человеку не так уж лестно сравнение с собакой.

Часть проанализированных пословиц имеет в чешском языке пословичные параллели, также содержащие компонент *собака* (*pes*), данные пословицы являются эквивалентными русским паремиям (*Pes, který štěká, nekouše; Tady je zakopaný pes; Pes štěká a karavana jede dál; Pes štěká a vítř odpáší; Psu psí smrt*), однако не все они хорошо известны носителям чешского языка. Так, последние две пословицы были продолжены лишь двумя информантами чешского паремиологического эксперимента. Пословица *Собака на сене: сама не ест и другим не дает* имеет чешский аналог без компонента *собака* — *Sedí na tom jako žába na prameni*.

В семи пословицах, вошедших в новейший паремиологический минимум русского языка, как и в тех, где компонент *собака* появился окказионально в ответах отдельных информантов, можно наблюдать наличие следующих признаков, положенных в основу метафорического переноса и составляющих ассоциативное поле данного концепта (по Н. И. Маругиной):

Собака — символ нечистоты, безверия, бездуховности (*Вот где собака зарыта; Нечистая соваест кусает, как собака*).

Собака — символ неустроенной жизни, нищеского существования, низкого положения (*Собаке — собачья смерть; Для бешеной собаки семь (сто) верст не крюк; На бедного Макара всех собак повесили*).

Собака — символ послушания, покорности в результате применяемых над ней насильственных действий (*Не та собака кусает, что (которая) лает*).

Собака — символ жадности, скупости, прожорливости (*Собака на сене: сама не ест и другим не дает; Голод не собака*).

Голосовое поведение собаки ассоциируется со сквернословием, бранью, ссорой, сплетнями, пустословием (*Собака лает, караван идет (ветер носит)*).

Прочие признаки, отмеченные Н. И. Маругиной, такие как «собака — символ свободной, беззаботной, разгульной жизни», «собака — символ тоски», «собака — символ свирепости, проявления гнева, агрессии» и «собака — символ мудрости, большого ума, зрелости и опыта» [Маругина 2009: 30] не нашли отражение в современном паремиологическом минимуме.

Данные паремиологических социолингвистических экспериментов предоставляют уникальные возможности для исследования паремиологического фонда современного языка и актуализации паремиологической картины мира.

ИСТОЧНИКИ

ТП 2 — Котова М. Ю., Сергиенко О. С. *Тетради паремиографа. Выпуск 2: Чешские пословичные параллели русских пословиц паремиологического минимума: учеб. пособие для студентов*. СПб.: Филол. фак-т СПбГУ, 2013. 278 с.

ТП 8 — Котова М. Ю., Боева Н. Е., Гусева О. В., Муцинская В. В., Раина О. В., Сергиенко О. С. *Тетради паремиографа. Выпуск 8: Паремиологический минимум русских пословиц 2022 года*. Котова М. Ю. (ред.). СПб.: Изд.-полигр. ассоц. высш. учеб. заведений, 2023. 560 с.

СЛОВАРИ И СПРАВОЧНИКИ

БСРП — Мокиенко В. М., Никитина Т. Г., Николаева Е. К. *Большой словарь русских пословиц: около 70000 пословиц*. М.: Олма Медиа Групп, 2010. 1023 с.

Жуков 2005 — Жуков В. П. *Словарь русских пословиц и поговорок*. 12-е изд., стереотип. М.: Рус. яз.; Медиа, 2005. 537 с.

Мокиенко, Никитина 2007 — Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. *Большой словарь русских поговорок*. М.: Олма Медиа Групп, 2007. 784 с.

РССПАС — Котова М. Ю. *Русско-славянский словарь пословиц с английскими соответствиями*. Дмитриев П. А. (ред.). СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2000. 360 с.

ЛИТЕРАТУРА

Котова 2004 — Котова М. Ю. *Славянская паремиология*. Дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2004. Т. 1. 231 с.; Т. 2. 540 с.

Котова 2010 — Котова М. Ю. *Лекции по сопоставительной славянской паремиологии: учеб. пособие для магистрантов*. СПб.: Филол. фак-т СПбГУ, 2010. 170 с.

Котова 2022 — *Русская языковая картина мира в поговорках (на фоне других языков)*. Котова М. Ю. (ред.). СПб: Изд.-полигр. асоц. высш. учеб. заведений, 2022. 164 с.

Маругина 2009 — Маругина Н. И. Концепт «собака» как элемент русской языковой картины мира. *Язык и культура*. 2009, 2 (6): 11–30.

Пермяков 1988 — Пермяков Г. Л. К вопросу о паремиологическом минимуме языка: 500 наиболее употребительных русских пословичных изречений. В кн.: Пермяков Г. Л. *Основы структурной паремиологии*. М.: Наука, 1988. С. 143–166.

Пермяков 2001 — Пермяков Г. Л. *Пословицы и поговорки народов Востока*. М.: Лабиринт, 2001. 624 с.

Сергиенко 2010 — Сергиенко О. С. *Вариантность чешских и словацких пословиц*. Дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2010. 360 с.

Сергиенко 2015 — Сергиенко О. С. *Нормативность и вариантность чешских и словацких пословиц*. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2015. 296 с.

Черемных, Шенкман 2024 — Черемных Ю. А., Шенкман В. И. Традиционные представления о собаке по данным русской паремиологии. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2024, 17 (3): 753–761.

REFERENCES

Котова 2004 — Kotova M. Yu. *Slavic paremiology*. Dr. Sci. thesis in Philology. St. Petersburg, 2004. Vol. 1. 231 p.; Vol. 2. 540 p. (In Russian)

Котова 2010 — Kotova M. Yu. *Lectures on Comparative Slavic Paremiology*. St. Petersburg: Filologicheskij fakul'tet. St. Petersburg University Publ., 2010. 170 p. (In Russian)

Котова 2022 — *Russian linguistic picture of the world in proverbs (against the background of other languages)*. Kotova M. Yu. (ed.). St. Petersburg: Izdatelsko-poligraficheskaja assotsiatsiia vysshikh uchebnykh zavedenii Publ., 2022. 164 p. (In Russian)

Маругина 2009 — Marugina N. I. The concept “dog” as an element of the Russian linguistic picture of the world. *Yazyk i kultura*. 2009, 2 (6): 11–30. (In Russian)

Пермяков 1988 — Permyakov G. L. To the question of the paremiological minimum of the language: 500 most popular Russian proverbial expressions. In: Permyakov G. L. *Osnovy strukturalnoi paremiologii*. Moscow: Nauka Publ., 1988. P. 143–166. (In Russian)

Пермяков 2001 — Permyakov G. L. *Proverbs and sayings of the peoples of the East*. Moscow: Labirint Publ., 2001. 624 p. (In Russian)

Сергиенко 2010 — Sergienko O. S. *Variance of Czech and Slovak proverbs*. PhD thesis in Philology. St. Petersburg, 2010. 360 p. (In Russian)

Сергиенко 2015 — Sergienko O. S. *Normativity and variance in Czech and Slovak proverbs*. St. Petersburg: St. Petersburg University Press, 2015. 296 p. (In Russian)

Черемных, Шенкман 2024 — Cheremnykh Yu. A., Shenkman V. I. Traditional perceptions of the dog according to Russian paremiological data. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 2024, 17 (3): 753–761. (In Russian)

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ СОСТОЯНИЯ ЧЕЛОВЕКА И СРЕДЫ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

LIUDMILA B. KARPENKO

CONCEPTUALIZATION OF THE HUMAN CONDITION AND THE ENVIRONMENT IN RUSSIAN LANGUAGE

**Людмила Борисовна
Карпенко**

<https://orcid.org/0000-0002-8432-1164>

► liudmila.karpenko.53@mail.ru

доктор филологических наук, профессор

Самарский национальный
исследовательский университет имени
академика С. П. Королёва,
Российская Федерация, 443086,
Самара, Московское шоссе, 34

Lyudmila B. Karpenko

Doctor in Philology, Professor

Samara National Research University named
after Academician S. P. Korolev,
34, Moskovskoe shosse, Samara,
443086, Russian Federation

В статье представлен анализ специфики концептуализации и грамматического оформления содержательного комплекса состояния человека и среды в русском языке в сопоставлении с болгарским языком. Исследование проводится на материале параллельных оригинальных и переводных текстов Национального корпуса русского языка и выборки из романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» и его перевода на болгарский язык, выполненного Г. Константиновым. Рассмотрена зависимость расхождений между оригиналом и переводом от системных особенностей языков. Особое внимание обращено на проблему переводимости грамматической специфики и на грамматическое оформление разных типов состояния в двух языках. На материале разнообразных моделей, передающих семантику состояния, показано своеобразие выражения этого содержательного комплекса в русском языке. Подходы и методы исследования: системный, сопоставительный, контекстуальный, структурно-грамматический. Автор статьи приходит к выводу об относительной общности языковой концептуализации мира в двух языках: в своих грамматических системах, как и в лексических и фразеологических средствах, языки отражают когнитивную оценку реальности, однако в определенных случаях в них доминируют разные аспекты оценки. Для русской языковой картины мира характерна предметно-пространственная доминанта, она определяет выражение содержательного комплекса состояния в разных его типах, преобладающими грамматическими средствами выражения которых служат безличные предложения и предложно-падежные формы. Болгарский язык концентрирует внимание на состоянии как действии. Различие концептуализации состояния часто наблюдается в переходе от русских безличных предложений к двусоставным, от предложно-падежных сочетаний к болгарским глагольным формам. Мастерство переводчика зависит от понимания системных различий между исходным и переводящим языками и умения использовать возможные варианты соответствия.

Ключевые слова: концептуализация, грамматикализация, русский язык, болгарский язык, системные расхождения, проблемы перевода.

The article presents an analysis of the specifics of conceptualization and grammaticalization of the content complex of the human and environmental condition in the Russian language in comparison with the Bulgarian language. The study is carried out on the material of parallel original and translated texts of the Russian National Corpus and a sample from F.M. Dostoevsky's novel "Crime and Punishment" and its translation into Bulgarian by G. Konstantinov. The problem of dependence of discrepancies between the original and the translation on the systemic features of languages is investigated. Special attention is paid to the problem of

translatability of grammatical specificity and to the grammaticalization of different types of state in the two languages. On the material of various models conveying the semantics of state, the peculiarity of expression of this meaningful complex in Russian is shown. Research methods: systematic, comparative, contextual, structural-grammatical. The author of the article comes to the conclusion about the relative commonality of linguistic conceptualization of the world in two languages: in their grammatical systems, as well as in lexical and phraseological means, languages reflect the cognitive evaluation of reality, but in certain cases they are dominated by different aspects of evaluation. The Russian linguistic picture of the world is characterized by object-spatial dominance, and it determines the expression of the content complex of the state in its different types, the predominant grammatical means of expression of which are impersonal sentences and prepositional-case forms. Bulgarian language concentrates on the state as an action. The difference in the conceptualization of the state is often observed in the transition from Russian impersonal sentences to bi-constituent sentences, from prepositional phrases to Bulgarian verb forms. The translator's skill depends on understanding the systemic differences between the source and target languages and the ability to use possible variant correspondences.

Keywords: conceptualization, grammaticalization, Russian language, Bulgarian language, system discrepancies, translation problems.

ВВЕДЕНИЕ

Отраженное в естественных языках восприятие мира основано на своеобразных системах оценки, интерпретации реальности, ее концептуализации и на характерных национальных стереотипах, выявление и изучение которых является одним из актуальных направлений современной лингвистики. Этнически обусловленная концептуализация, отраженная в языке, — это закрепление в понятийной системе языка определенных сторон реального мира. Концептуализацию относят к важнейшим процессам познавательной деятельности человека, состоящим в осмыслении информации и приводящим к образованию концептов, концептуальных структур и всей концептуальной системы [Кубрякова 1996; Кубрякова 2001]. Лингвистический эффект концептуализации состоит в своеобразии вычленения аспектов реальности, значимых с точки зрения данного языкового сознания, их различной интерпретации и языкового оформления. По мысли Дж. Лакоффа, информацию о мире человек обобщает, концептуализирует в понятийных комплексах, своеобразных концептуальных

рамках. Британский ученый Дж. Тейлор когнитивные акты обобщения познавательной деятельности человека относит к категоризации, справедливо отмечая, что их изучение берет свое начало со времен античности и сохраняет доминантные позиции в философии, психологии, лингвистике до XX в.

Проблемы лингвистической концептуализации и категоризации активно изучаются в последние два десятилетия отечественными языковедами. Фундаментально исследует эти категории в своих работах Е.С. Кубрякова, рассматривая вопросы изучения концептуализации и категоризации в языке как ключевые проблемы современной когнитивной лингвистики [Кубрякова 2004: 306]. Значимость концептуализации и категоризации для языкознания подчеркивается и другими лингвистами; самые важные структуры знания объективированы и сохранены в языковой форме, «понимание и интерпретация текстов определяется выбором и комбинаторикой языковых знаков, которые задаются на концептуальном уровне языка» [Болдырев 2000: 13]. Язык «выражает своей семантикой и номинативными единицами то, что познано мышлением народа и сочтено важным для использования в обмене информацией» [Попова, Стернин 2001: 57]. С позиций разных современных подходов лингвистами обосновывается положение о том, что каждый естественный язык включает в себе оригинальный взгляд на мир и особенности его концептуализации, в значительной степени универсальные, в каких-то моментах, которые могут быть проявлены на любом языковом уровне, своеобразны. Для понимания сути этих процессов оказывается важным изучение специфики грамматикализации определенных значений в конкретном языке. Значительное продвижение в исследованиях такой направленности стало возможно с развитием корпусной лингвистики и появлением параллельных корпусов.

Современные сопоставительные исследования языковой концептуализации восходят к идее внутренней формы языка В. фон Гумбольдта, полагавшего, что языки отражают разные способы мышления и восприятия [Гумбольдт 1984; Humboldt

2019], и к идее лингвистической относительности Сепира — Уорфа [Sapir 1924]. Различия концептуализации в естественных языках Э. Сепир продемонстрировал на примере типовой ситуации восприятия падения камня, которую носители разных языков передают различно, сообразно грамматическим особенностям конкретных языков. Не только отражение ситуации, но и грамматические характеристики слов, как показал Уорф, связаны с различиями восприятия и «членения» мира [Уорф 1960: 178].

Сопоставительные исследования особенностей языковой концептуализации развивают теорию общей семантики французского лингвиста Б. Потье, учитывающую референциальный и концептуальный уровни, а также уровни естественного языка и готового текста. На уровне концептуализации вычленяются основные онтологические характеристики понятийного комплекса, на уровне языка происходит построение мыслительных и синтаксических структур, которые получают окончательное оформление в тексте [Анисимова 2015: 8]. Когнитивно-семиотический ракурс сопоставления, обозначенный итальянским лингвистом У. Эко, выявляет сравнимость языковых систем в свете контекстов и в соотнесенности с отраженным в контекстах миром [Эко 2006].

Возможности анализа черт общности и различий в проявлениях особенностей языковой концептуализации расширились с появлением нового лингвистического направления — сопоставительной когнитивной лингвокультурологии, ориентированной на изучение лингвокультурных кодов как систем «взаимосвязанных значений, отражающих специфическое, присущее определенному языковому сообществу исторически обусловленное миропонимание» [Карасик 2009: 4]. Изучение культурно-языковых картин мира служит обоснованием того, что особенности концептуализации действительности в какой-то мере национально специфичны, как специфичны и лингвокультурные коды, поскольку «носители разных языков могут видеть мир по-разному, через призму своих языков» [Апресян 1995: 39], каждый язык воспроизводит в чем-то особенную картину мира [Зализняк, Левонтина, Шмелев

2005]. Овладевая языком, человек усваивает национально-культурные особенности восприятия мира, свойственный данному народу образ мира, «видение мира через призму национальной культуры, одним из важнейших компонентов которой (и средством овладения ею) и является язык» [Леонтьев 2003: 225]. Среди содержательных комплексов, представляющих интерес для сопоставительного исследования особенностей языковой концептуализации, находится комплекс «состояние человека и среды».

Цель, задачи и методы исследования

В данной работе внимание сосредоточено на анализе своеобразия грамматической концептуализации состояний человека и среды в русском языке в сравнении с болгарским. Актуальность разработки определяется необходимостью развития концептуального подхода к изучению грамматической системы русского языка. Исследование проводится на материале оригинальных и переводных художественных текстов параллельных подкорпусов Национального корпуса русского языка [НКРЯ] и на материале выборки из романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» [Достоевский 1973] и его перевода на болгарский язык, выполненного Г. Константиновым.

Цель данной работы — изучить и описать особенности концептуализации и грамматического оформления содержательного комплекса состояния человека и среды в русском языке на фоне болгарского. Задачи исследования: в материале параллельных оригинальных и переводных русских и болгарских художественных текстов выявить грамматические средства, используемые при выражении семантики состояния; изучить особенности концептуализации и грамматического оформления состояния среды, физиологического и психического состояния человека, грамматические модели репрезентации содержательного комплекса состояния; определить и проинтерпретировать, в чем состоит своеобразие концептуализации трех рассматриваемых типов значений и специфика их грамматического оформления в двух сравниваемых языках.

Подходы и методы исследования: системный, сопоставительный, контекстуальный, структурно-грамматический.

Обсуждение

Грамматические средства выражения содержательного комплекса состояния в русском языке

Лингвокогнитивные модели, передающие состояние человека и среды, предполагают наличие в языке концептуализированных смыслов и ядерных и периферийных средств их выражения, которые формируют соответствующее функционально-семантическое поле. В центре поля оказываются грамматические и лексические средства, представляющие регулярное выражение соответствующих смыслов. Средствами лексического, морфологического и синтаксического уровней реализуются значения психического и физиологического состояния человека, состояния внутренней и внешней среды. Для русской лингвокультуры они настолько значимы, что в языке характеристика состояния грамматикализована в конкретных единицах — определенных типах безличных предложений и словах категории состояния, получивших терминологическое обозначение в работе «О частях речи в русском языке» Л. В. Щербы, писавшего о них как об особой категории русского языка [Щерба 1957]. В. В. Виноградовым были указаны четыре основных семантических разряда таких слов, обозначающих эмоциональное состояние человека (*грустно, радостно, страшно, смешно, скучно* и т. д.); физическое состояние (*больно, тепло* и т. п.); состояние природы (*темно, светло, холодно* и т. п.); состояние окружающей среды (*уютно, удобно, пустынно* и пр.) и находящихся полный параллелизм в группах безличных глаголов. Помимо слов категории состояния, предикаты безличных предложений, передающих в русском языке состояние, могут быть выражены безличными формами 3-го лица ед. ч. или среднего рода. Для текстов русской художественной литературы характерно органичное использование этих грамматических средств русского языка, придание им эстетической значимости.

Особенности концептуализации состояния среды

В своих грамматических системах, как и в лексических и фразеологических средствах, языки отражают когнитивную оценку реальности, при этом в них могут доминировать разные аспекты оценки. Для русской языковой картины мира важна предметно-пространственная доминанта, которая отражается в грамматической системе языка и в речи [Карпенко 2024]. Она характерна для высказываний, описывающих состояние среды. При выражении состояния внешней среды отмечается регулярность соотношения русских обстоятельственных пространственных структур и болгарских субъектных:

В комнате было душно... (Ф. М. Достоевский. Преступление и наказание). — *В стаята беше задушно...* (пер. Г. Константинов); *Теперь в небе пусто* (А. Н. Стругацкий, Б. Н. Стругацкий. Парень из преисподней). — *Сега небето е пусто* (пер. М. Златарова); *В небе прогремело весело и кратко...* (М. Булгаков. Мастер и Маргарита). — *Небето весело и кратко прогърмя...* (пер. Л. Минкова); *Улиците бяха безлюдни* (Андрей Гуляшки. История с кучета). — *На улицах пустошно* (пер. С. Драгомирецкий). (Здесь и далее примеры взяты из Национального корпуса русского языка [НКРЯ].)

Выражение предметно-пространственной доминанты в русском языке осуществляется за счет широко развитой системы предложно-падежных форм. Устойчивостью характеризуются выражения *есть/нет, было / не было на свете... в мире, на месте, на дворе* при констатации самых разных фактов. При выражении состояния среды так же избыточно, как и при описании предметной обстановки, в русских текстах используются эти маркеры. При сравнении оригинальных и переводных текстов устанавливается расхождение, которое состоит в регулярном использовании в русском тексте характерного предложно-падежного маркера *на дворе* и достаточно частой в этих случаях лакуне перевода, а также в обобщенном обозначении пространства наречием *вън/навън* ('вне'):

На дворе стемнело, и гости удалились (И. С. Тургенев. Накануне). — *Стъмни се и гостите си отидоха* (пер. Г. Константинов); *Вот уж октябрь на дворе, зима на носу...* (И. С. Тургенев. Накануне). — *Это вече е октомври, зимата е под носа ни* (пер. Г. Константинов); *Только что он достал заклад, как вдруг где-то на дворе раздался чей-то крик...* (Ф. М. Достоевский. Преступление и наказание). — *Той токущо беше извадил залога, когато изведнъж навън някой извика...* (пер. Г. Константинов); *И правильно, думал Максим Иванович, на дворе июнь, тепло, солдаты должны высыпаться...* (А. Рыбаков. Дети Арбата). — *Прави са, мислеше си Максим Иванович, юни е, топло, войниците трябва добре да се наспишат, да бъдат добре нахранени, строго следеше за това* (пер. З. Петрова).

Особенности концептуализации физиологического состояния человека

Специфика концептуализации физиологического состояния, свойственная русскому языку, связана с тем, что орган восприятия состояния передается как локус, место распространения признака, оформленного безличным предикатом в структуре безличного предложения. Конкретные лексико-синтаксические разновидности безличных предложений, передающих состояние человека, в русском языке представляют собой модели, семантически, лексически и грамматически ограниченные. Так, предложения, передающие состояния организма, заполняются формами предложного падежа с предлогом в примерно полутора десятка общеупотребительных субстантивов, называющих части тела человека (*в боку, в висках, в глазах, в голове, в горле, в груди, в животе, в затылке, в носу, в плече, во рту, в сердце, в ушах*), и примерно таким же количеством безличных глаголов, обозначающих проявления различного рода неприятных или болезненных состояний человека (*вяжет, горит, горчит, дерет, жжет, звенит, колет, ломит, ноет, першит, печет, рябит, сосет, стреляет, урчит, шумит*). В большинстве случаев можно говорить о фразеологизации конструкций: *звонит/гудит/шумит — в ушах, в голове; рябит/*

мельтешит/темнеет — в глазах; вяжет/горит/горчит — во рту и пр.

Определенные типы ситуаций концептуализируются в сравниваемых лингвокультурах различно. Так, ухо концептуализируется в русском языке как место восприятия воздействующего шума и в высказывании грамматически оформляется как пространственный определитель в безличном предложении. В болгарском языке ухо концептуализируется как активный субъект действия, грамматически представленный в роли подлежащего в двусоставном предложении. Различие интерпретации ситуации связано и с грамматическим выражением воспринимаемого признака, который в русском языке интерпретируется как отвлеченное от деятеля действие, передаваемое безличными формами глагола (*завенело, загудело, зашумело*), а в болгарском — как признак, соотношенный с деятелем, в качестве которого мыслится орган слуха, и выраженный личными формами глагола (*писнаха, зазвънтяха, забучаха*).

В ушах шумит, в голове шумит, как будто от хмеля; и все, что ни есть перед глазами, покрывается как бы паутиною (Н. В. Гоголь. Страшная месть). — *Ушите му шумят, главата му шуми като от пиянство и всичко, което е пред очите му, сякаш се покрива с паяжина...* (пер. Г. Константинов); *У Маргариты зазвенело в ушах* (М. Булгаков. Мастер и Маргарита). — *На Маргарита ѝ зазвънтяха ушите* (пер. Л. Минкова); *...загудело в ушах* (Е. Замятин. Мы). — *...ушите ми писнаха* (пер. Р. Бърдарска); *Едното ми ухо писна, като че нахлу вятър в него* (Камен Калчев. При извора на живота). — *В одном ухе зазвенело, словно его продуло ветром* (пер. Н. Глен); *Ушите ѝ забучаха* (Д. Димов. Осъдени души). — *В ушах зашумело* (пер. Т. Рузская).

Подобный тип соответствий наблюдается и при описании головной боли, недомогания, когда в русском языке голова концептуализируется как локус, а в болгарском — как субъект активного действия:

В голове шумело (Б. Полевой. Повесть о настоящем человеке). — *Главата му бучеше* (пер. К. Георгиева); *В голове мутнело* (А. Приставкин. Ночевала тучка золотая). — *Главата ти се размътваше* (пер. З. Петрова) и пр. (см. пример ранее).

Особенности концептуализации психического состояния человека

Приемы выражения психических и эмоциональных состояний широко представлены в романе «Преступление и наказание» Ф.М. Достоевского, одной из важнейших стилевых особенностей которого является подчеркнутый интерес к прорисовке психофизического состояния героев. Важно также, что писатель органично использует характерные модели языка, в его романах «стилеобразующую функцию выполняют профилирующие черты русского языка, отражающие некоторые свойства национального характера и менталитета» [Арутюнова 1999: 868–869].

В силу родства русского и болгарского языков, общности основ грамматического строя и единства большей части лексических корпусов в значительном количестве случаев переводчику удается тождественно передать концепты состояния на болгарском языке. Тем не менее в определенных случаях наблюдается неполное соответствие фрагментов перевода оригиналу. Наблюдения показывают, что выбор определяется не только условиями контекста [Комиссаров 1990], но и системными различиями между языками. В русском языке проявление сильного психического переживания человека концептуализируется как среда, в которую человек погружен, и оформляется по пространственной модели с использованием предложно-падежных форм (в + Пр. п.): *в бреду, в беспамятстве, в бессиллии, в волнении, в восторге, в задумчивости, в злобе, в лихорадке, в недоумении, в нетерпении, в ожидании, в отчаянии, в смущении, в страхе, в тоске, в тревоге, в удивлении, в ужасе* и пр. В болгарском языке, пережившем утрату именного склонения и перераспределение функций предлогов, использование предложно-именных конструкций ограничено, поэтому при описании психического состояния человека часто наблюдается использование иных грамматических средств. Здесь состояние обычно концептуализируется как действие или динамическая характеристика человека, что грамматически выражается в переходе от пространственной модели русских

предложно-падежных сочетаний к воспроизводящим динамическую характеристику болгарским глагольным формам. Чаще всего наблюдается замена русских предложно-падежных сочетаний формами страдательных причастий, отпричастных наречий и прилагательных:

- предложно-падежные формы *в страхе* и *в испуге, в ужасе* переведены причастиями *уплашен (-а, -о), изплашен (-а, -о), ужасен (-а, -о)*: *Полечка в страхе забила с детьми в угол на сундук. — Полечка, уплашена, се сви с децата в ъгъла, върху сандъка; Соня бросилась к дверям в испуге. — Соня се втурна изплашена към вратата;*
- предложно-падежные формы *в тоске* и *в тревоге* переведены причастиями *измъчен (-а, -о), разтревожен (-а, -о)*: *И удивился он вдруг: как это он целые полчаса бродил в тоске и тревоге... — И изведнъж се учуди: повече от половин час да се лута измъчен и разтревожен...; Она постояла, посмотрела на него беспокойно и вышла в тревоге. — Тя постоя погледна го с безпокойство и излезе разтревожена;*
- предложно-падежные формы *в удивлении, в недоумении, в смущении* переведены причастиями *изненадан (-а, -о), учуден (-а, -о), смутен (-а, -о), объркан (-а, -о)*: *Та вошла в чрезвычайном удивлении... — Тя влезе крайно учудена...; ...кучер казался в недоумении — кочияшът изглеждаше объркан; — Я так и знал! — бормотал он в смущении... — Знаех си аз — мърмореше той смутено...;*
- предложно-падежная форма *в задумчивости* переводится причастием *замислен*: *Раскольников сидел, как бы не обращая внимания, в задумчивости... — Раскольников седеше, сякаш без да обръща внимание, замислен...; Разумихин стоял в задумчивости и в волнении... — Разумихин стоеше замислен и развълнуван...*

Избегая употребления предложных конструкций, переводчик использует, наряду с причастиями, и личные формы глагола: *Покамест он бродил в темноте и в недоумении... — Докато търсеше*

в тьмното и недоумяваше...; — Скверно то, что я почти в бреду... — Лошото е, че почти бълнувам...

Расхождения, связанные с переводом грамматических структур, наблюдаются и на уровне предложения. Для русского языка характерна продуктивность структурно-семантических разновидностей безличных предложений, передающих состояние как результат действия неких стихийных, неконтролируемых сил. А. Вежбицкая, исследующая языковые универсалии, полагает, что неуклонный рост и распространение в русском языке безличных конструкций отвечают особой ориентации русского семантического универсума и в конечном счете русской культуры [Вежбицкая 1996: 75]. На самом деле безличные предложения имеют распространение в разных языках мира, однако следует признать, что предложения этого типа весьма характерны для русского языка. Ф.М. Достоевский, показывая героя во власти не поддающихся его контролю сил, намеренно использует безличные модели, и эти модели создают трудности для переводчиков. В переводе на болгарский язык предложение *Ему стукнуло в голову, и потемнело в глазах* передано двусоставной моделью, причем локус в голову переводчиком воспринят и передан как субъект действия: *Главата го блъсна и пред очите му притъмня*. В результате смысл перевода оказывается искаженным: вместо стихийного ментального состояния выражено наблюдаемое физическое действие (букв.: *Его голова дернулась*). В другом случае безличное предложение *...ведь меня от одной мысли... в ужас бросило* трансформировано в субъектное, определенно-личное: *нали само като си го представих наяве... се ужасих...* (букв.: *Ведь как только представил это въяве... я ужаснулся*). Признак стихийности также утрачен. Предложение *Ему все грезилось* передано на болгарский *Пред него непрекъснато минаваха видения* (букв.: *Перед ним непрерывно проходили видения*). Общий смысл передан, но признак стихийности, неконтролируемости и в этом примере в болгарской двусоставной модели утрачен.

В переводе на английский язык, в силу отсутствия безличных предложений в английском

языке, также не передается значение стихийности. Ср. перевод, выполненный С. Garnett: *He felt a hammering in his head, and there was a darkness before his eyes...* (букв.: *Он почувствовал стук в своей голове, и была тьмота перед его глазами...*).

В болгарском языке есть свои модели безличных предложений, которые в определенных случаях позволяют передать адекватно смысл русского оригинала. Здесь присутствует структурный ряд безличных предложений со сказуемым, выраженным безличным предикативом со связкой, который используется при передаче как состояния человека, так и состояния окружающей среды и состояния дел. В болгарском языке используется аналогичный русскому конструктивный тип безличных предложений с глагольным сказуемым: *Его почему-то тянуло со всеми заговаривать. — Кой знае защо, искаше му се всекиго да заговори*. Специфическая модель безличных предложений болгарского языка с предикативным существительным *страх* и связкой используется при выражении состояния боязни, беспокойства: *«На какое дело хочу покуситься и в то же время каких пустяков боюсь!»*. — *«Какво съм намислил да направя и същевременно от какви глупости ме е страх!»*; *Прислала бы и больше, но боюсь за наши расходы дорожные...* — *Бих ти пратила и повече, но ме е страх за пътните ни разноски...* При использовании данной конструкции в переводе наблюдаются генерализация, обобщение и расширение смысла, который в оригинале передан как внутреннее переживание героя.

Результаты исследования

Концептуализация состояния в русском языке представлена на разных языковых уровнях. Средствами лексического, морфологического и синтаксического уровней реализуются значения состояния внутренней и внешней среды, психического и физиологического состояния человека. В статье очерчены характерные особенности концептуализации состояния среды и человека в русском языке на фоне болгарского; рассмотрены примеры, которые показывают потери или изменения смысла при переводе, обусловленные

особенностями языковой концептуализации и системными грамматическими различиями языков. Доказательством межъязыковых различий концептуализации служит регулярная соотносительность различающихся грамматических моделей двух языков.

Для русской языковой картины мира характерна предметно-пространственная доминанта. Она определяет выражение содержательного комплекса состояния в разных его типах, преобладающими грамматическими средствами представления которых служат безличные предложения с предикатами, выраженными словами категории состояния, а также система предложно-падежных форм. Болгарский язык концентрирует внимание на состоянии как действии. Различие концептуализации состояния часто наблюдается в переходе от русских безличных предложений к болгарским двусоставным, от предложно-падежных сочетаний к болгарским глагольным формам.

Процесс перевода связан с определенными трудностями и потерями содержания. В переводе существует особый вопрос о переводимости грамматической специфики языков. Хотя переводимость текстов художественной литературы обусловлена единством мира, общность языковой концептуализации относительна. На уровне грамматической или лексической концептуализации могут наблюдаться расхождения, тем не менее отсутствие полной тождественности не мешает переводу выполнять коммуникативную и культуроформирующую функции. В значительной мере проблемы переводимости обусловлены различием системных грамматических особенностей языков и расхождениями в грамматической концептуализации.

При сопоставлении универсальных концептов, к которым относятся и концепты состояния, отмечены такие же расхождения, они объясняются как системными грамматическими различиями, так и принципиальной возможностью языков представлять реальные отношения под разным углом зрения. Мастерство переводчика зависит от понимания системных различий между исходным и переводящим языками и умения использовать возможные варианты соответствия.

ИСТОЧНИКИ

НКРЯ — Национальный корпус русского языка. Корпус параллельных текстов. URL: <https://ruscorpora.ru/search> (дата обращения: 20.01.2024).

Достоевский 1973 — Достоевский Ф. М. *Полное собрание сочинений. В 30 т. Т. 6. Преступление и наказание: Роман в 6 ч. с эпилогом.* Базанов В. Г. (ред.). Л.: Наука. Ленингр. отд., 1973. 423 с.

ЛИТЕРАТУРА

Анисимова 2015 — Анисимова Н. П. Общая семантика как теоретическая база сопоставительного исследования. *Вестник ТвГУ. Серия «Филология»*. 2015, (2): 7–11.

Апресян 1995 — Апресян Ю. Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания. *Вопросы языкознания*. 1995, (1): 37–67.

Арутюнова 1999 — Арутюнова Н. Д. Стиль Достоевского в рамках русской картины мира. В кн.: Арутюнова Н. Д. *Язык и мир человека*. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 846–870. (Язык. Семиотика. Культура).

Болдырев 2000 — Болдырев Н. Н. *Когнитивная семантика. Курс лекций по английской филологии*. Тамбов: Изд-во ТГУ, 2000. 123 с.

Вежбицкая 1996 — Вежбицкая А. *Язык. Культура. Познание*. М.: Русские словари, 1996. 416 с.

Гумбольдт 1984 — Гумбольдт В. фон. *Избранные труды по языкознанию*. Пер. с нем. Рамишвили Г. В. (ред.). М.: Прогресс, 1984. 397 с.

Зализняк, Левонтина, Шмелев 2005 — Зализняк Анна А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. *Ключевые идеи русской языковой картины мира*. М.: Языки славянской культуры, 2005. 540 с. (Язык. Семиотика. Культура).

Карасик 2009 — Карасик В. И. Концепт как единица лингвокультурного кода. *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*. 2009, 44 (10): 4–11.

Карпенко 2024 — Карпенко Л. Б. Пространственность как одна из концептуальных доминант русского языка. В сб.: *Язык — Текст — Дискурс: Функционально-семантический и структурный аспекты. Сб. науч. ст. по материалам междунар. науч. конф. (г. Самара, 20–21 марта 2024 г.)*. Илюхина Н. А. (ред.). Самара: САМАРАМА, 2024. С. 323–330.

Комиссаров 1990 — Комиссаров В. Н. *Теория перевода (лингвистические аспекты)*. М.: Высшая школа, 1990. 253 с.

Кубрякова 1996 — Кубрякова Е. С. Концептуализация. В кн.: Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г. *Краткий словарь когнитивных терминов*. М.: Филологический факультет МГУ, 1996. С. 93–94.

Кубрякова 2001 — Кубрякова Е. С. Теоретические проблемы русского словообразования (транспозиция в концептуализации и категоризации мира). В сб.: *Русский язык: исторические судьбы и современность*. М.: Изд-во МГУ, 2001. С. 190–191.

Кубрякова 2004 — Кубрякова Е. С. *Язык и знание: на пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки*

зрения. *Роль языка в познании мира*. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.

Леонтьев 2003 — Леонтьев А. А. *Основы психолингвистики*. М.: Смысл; СПб.: Лань, 2003. 285 с.

Попова, Стернин 2001 — Попова З. Д., Стернин И. А. *Очерки по когнитивной лингвистике*. Воронеж: Истоки, 2001. 191 с.

Уорф 1960 — Уорф Б. Наука и языкознание. В кн.: *Новое в лингвистике*. Вып. 1. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1960. С. 169–182.

Щерба 1957 — Щерба Л. В. О частях речи в русском языке. В кн.: Щерба Л. В. *Избранные работы по русскому языку*. М.: Учпедгиз, 1957. С. 63–84.

Эко 2006 — Эко У. *Сказать почти то же самое. Опыты о переводе*. Пер. с итал. А. Н. Коваля. СПб.: Symposium, 2006. 574 с.

Humboldt 2019 — Humboldt W. *Linguistic Variability and Intellectual Development*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2019. 296 p.

Sapir 1924 — Sapir E. The Grammarian and his Language. *The American Mercury*. 1924, (1): 149–155.

REFERENCES

Анисимова 2015 — Anisimova N. P. General semantics as a theoretical basis for comparative research. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Philologiya"*. 2015, (2): 7–11. (In Russian)

Апресян 1995 — Apresian Iu. D. Human image according to language data: An attempt of system description. *Voprosy iazykoznanii*. 1995, (1): 37–67. (In Russian)

Арутюнова 1999 — Arutiunova N. D. Dostoevsky's style in the frame of the Russian picture of the world. In: Arutiunova N. D. *Iazyk i mir cheloveka*. Moscow: Iazyki russkoi kul'tury Publ., 1999. P. 846–870. (In Russian)

Болдырев 2000 — Boldyrev N. N. *Cognitive semantics. Course of lectures on English philology*. Tambov: Tambovskii gosudarstvennyi universitet Publ., 2000. 123 p. (In Russian)

Вежбицкая 1996 — Vezhbitskaya A. *Language. Culture. Cognition*. Moscow: Russkie slovari Publ., 1996. 416 p. (In Russian)

Гумбольдт 1984 — Humboldt W. von. *Selected Works on Linguistics*. Ramishvili G. V. (ed.). Transl. from German. Moscow: Progress Publ., 1984. 397 p. (In Russian)

Зализняк, Левонтина, Шмелев 2005 — Zaliznyak Anna A., Levontina I. B., Shmelev A. D. *Key ideas of the Russian linguistic picture of the world*. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2005. 540 p. (In Russian)

Карасик 2009 — Karasik V. I. Concept as a unit of linguocultural code. *Izvestiia Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2009, 44 (10): 4–11. (In Russian)

Карпенко 2024 — Karpenko L. B. Spatiality as one of the conceptual dominants of the Russian language. In: *Iazyk — Tekst — Diskurs: Funktsional'no-semanticheskii i strukturnyi aspekty. Sbornik nauchnykh statei po materialam mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (g. Samara, 20–21 marta 2024 goda)*. Iliukhina N. A. (ed.). Samara: SAMARAMA Publ., 2024. P. 323–330. (In Russian)

Комиссаров 1990 — Komissarov V. N. *Theory of translation (linguistic aspects)*. Moscow: Vysshiaia shkola Publ., 1990. 253 p. (In Russian)

Кубрякова 1996 — Kubriakova E. S. Conceptualization. In: Kubriakova E. S., Dem'iankov V. Z., Pankrats Iu. G. *Kratkii slovar' kognitivnykh terminov*. Moscow: Filologicheskii fakul'tet MGU Publ., 1996. P. 93–94. (In Russian)

Кубрякова 2001 — Kubriakova E. S. Theoretical problems of Russian word formation (transposition in conceptualization and categorization of the world). In: *Russkii iazyk: istoricheskie sud'by i sovremennost'*. Moscow: Moscow State University Press, 2001. P. 190–191. (In Russian)

Кубрякова 2004 — Kubriakova E. S. *Language and knowledge: On the way of obtaining knowledge about language: Parts of speech from the cognitive point of view. The role of language in cognition of the world*. Moscow: Iazyki russkoi kul'tury Publ., 2004. 560 p. (In Russian)

Леонтьев 2003 — Leontiev A. A. *Fundamentals of psycholinguistics*. Moscow: Smysl Publ.; St. Petersburg: Lan' Publ., 2003. 285 p. (In Russian)

Попова, Стернин 2001 — Popova Z. D., Sternin I. A. *Essays on cognitive linguistics*. Voronezh: Istoki Publ., 2001. 191 p. (In Russian)

Уорф 1960 — Wharf B. Science and linguistics. In: *Novoe v lingvistike*. Iss. 1. Moscow: Izdatel'stvo inostrannoii literatury Publ., 1960. P. 169–182. (In Russian)

Щерба 1957 — Shcherba L. V. About parts of speech in the Russian language. In: Shcherba L. V. *Избранные работы по русскому языку*. Moscow: Uchpedgiz Publ., 1957. P. 63–84. (In Russian)

Эко 2006 — Eco U. *To say almost the same thing. Experiments on translation*. Transl. from Italian by A. N. Koval. St. Petersburg: Symposium Publ., 2006. 574 p. (In Russian)

Humboldt 2019 — Humboldt W. *Linguistic Variability and Intellectual Development*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2019. 296 p.

Sapir 1924 — Sapir E. The Grammarian and his Language. *The American Mercury*. 1924, (1): 149–155.

ВЛИЯНИЕ УРБАНИЗАЦИИ НА АКСИОЛОГИЧЕСКУЮ ДИНАМИКУ СЛОВА (НА ПРИМЕРЕ ФРАГМЕНТА ТЕЗАУРУСА, ОБОЗНАЧАЮЩЕГО НЕУПОРЯДОЧЕННУЮ ГРУППУ ЛЮДЕЙ)*

TATSIANA V. NIKITSENKA

THE IMPACT OF URBANIZATION ON THE AXIOLOGICAL CHANGE OF A WORD (A STUDY OF THE THESAURUS FRAGMENT DENOTING AN UNORDERED GROUP OF PEOPLE)

**Татьяна Васильевна
Никитенко**

<https://orcid.org/0009-0006-4385-2336>

► NikitsenkaTV@bsu.by

кандидат филологических наук, доцент

Белорусский государственный
университет,
Республика Беларусь, 220030,
Минск, пр. Независимости, 4

Tatsiana V. Nikitsenka

PhD in Philology, Associate Professor

Belarusian State University,
4, pr. Nezavisimosti, Minsk,
220045, Republic of Belarus

Статья посвящена номинациям современного русского языка, обозначающим неупорядоченное скопление людей (*толпа, орава, масса, стадо, шваль* и др.). В современном употреблении они характеризуются стилистическим своеобразием: значительная часть имеет либо нейтральную, либо разговорную квалификацию, в том числе стилистически сниженную. Рассматриваемые единицы дополнительно классифицируются по знаку оценки: большинство из них имеет негативно-оценочный статус. Семантический анализ фрагмента тезауруса, обозначающего неупорядоченную группу людей, позволяет выделить часто фиксируемые семы — ‘низкий социальный статус’ (*отребье, простонародье, чернь* и др.) и ‘преступные намерения’ (*подонки, свора, шобла* и др.). Сделан вывод: подобные номинации имеют тенденцию активно пополнять словарный фонд языка в период интенсивных процессов урбанизации и отхода от привычного деревенского уклада жизни. Рост городов и городского населения оказывает существенное влияние на образ жизни человека (распад локальных форм коллективности, повышенная мобильность населения и т. д.). Переток людей из малых городов в средние наблюдался с конца XVII в., а концентрация жителей в больших городах как непрерывная тенденция отмечается с середины XIX в. Показано, что именно в этот период впервые зафиксированы многочисленные номинации в рассматриваемом значении, многие из которых его приобрели в результате развития новых смысловых линий и изменения коннотаций, поскольку отражали окружающую действительность и меняющиеся ценностные ориентации времени. Материалом исследования послужили данные толковых и исторических словарей, фрагменты текстов, извлеченные из Национального корпуса русского языка, позволяющие на основе сопоставительного анализа выявить динамические процессы в семантике изучаемой лексики.

Ключевые слова: урбанизация, ценностные ориентации, семантические изменения, пейорация, неупорядоченная группа людей.

*Исследование выполнено по теме «Динамика семантических процессов в истории языка (на материале оценочной лексики славянских и германских языков)» при поддержке гранта ректора Белорусского государственного университета, 2023–2024 гг.

The study was carried out on the topic “Dynamics of semantic processes in the history of language (based on the evaluative vocabulary of Slavic and Germanic languages)” with the support of a grant from the rector of Belarusian State University, 2023–2024.

The article focuses on the lexical units of modern Russian that denote an unordered group of people (*crowd, horde, mass, herd, dregs*, etc.). In modern usage, they are stylistically marked as most of them are either neutral or colloquial, even low colloquial. The units under consideration are also evaluatively loaded as most of them are considered to be pejorative. The semantic analysis of this thesaurus fragment makes it possible to reveal other senses peculiar to the words in question — ‘low social status’ (*scum, common people, rabble*, etc.) and ‘criminal intentions’ (*scum, pack, gang*, etc.). It is concluded that such words tend to actively enter the language during the period of intensive urbanization processes and transformation of the rural lifestyle. The growth of cities and urban populations had a significant impact on the society (the collapse of local collective forms, increased mobility of the population, etc.). The flow of people from small towns to medium-sized ones was observed at the turn of the 17th century, and the concentration of residents in large cities as a continuous trend was observed from the middle of the 19th century. It was during this period when numerous lexical units denoting unordered groups of people were attested. These words reflected the reality and values of that time. The material for the research was collected from the explanatory and historical dictionaries, fragments of texts extracted from the Russian National Corpus which ensure to identify dynamic processes in the semantics of the vocabulary in question based on the comparative analysis.

Keywords: urbanization, values, semantic changes, pejoration, an unordered group of people.

Введение

Семантическое пространство оценочных значений любого языка структурируется с помощью определенных лексических средств и представляет собой реальное таксономическое отображение эмпирического и теоретического знания о мире, в котором сконцентрирован национально-культурный опыт языковой общности, отражающий динамику взаимодействия оценки и нормы [Дронова 2007: 6]. Оценка, представляющая ценностный аспект объектов, и норма исторически изменчивы: динамика ценностей находится в очевидной зависимости от образа жизни человека, который, в свою очередь, в значительной степени меняется вместе с социально-культурными и политическими изменениями в обществе. Урбанизация населения, несомненно, является одним из факторов, оказывающих влияние на общество.

Исторически на территории Российской империи урбанизация представлена в следующих цифрах: доля населения, проживавшего в больших городах, за 1722–1910 гг. возросла с 0 до 40 %,

в средних городах — с 2 до 37 %, в малых городах, наоборот, сократилась с 98 до 23 %. Перераспределение населения между средними и малыми городами обнаружилось с конца XVII в., а концентрация жителей в больших городах как непрерывная тенденция — с середины XIX в. [Миронов 2014: 798–799]. Показательна история некоторых слов современного русского языка, обозначающих объединение людей, неорганизованных и часто низкого социального статуса. Ретроспективный анализ их семантической структуры дает основание предположить, что подобная лексика активно пополняет словарный фонд в период интенсивных процессов урбанизации и отхода от привычного деревенского уклада жизни. Таким образом, целью данной статьи является установление взаимосвязи между динамикой фрагмента тезауруса, обозначающего объединение, группировку людей, часто неорганизованных и низкого социального статуса, и периодом активного развития городов и роста городского населения. Предмет исследования составили номинации русского языка, обозначающие неупорядоченную группу людей. Материалом послужили данные толковых и исторических словарей, фрагменты текстов, извлеченных из Национального корпуса русского языка (далее — Корпус; они снабжаются указанием на автора и год фиксации) [НКРЯ], позволяющие на основе сопоставительного анализа выявить динамические процессы в семантике изучаемой лексики.

Состояние изучения вопроса

Влияние города на язык и речевые процессы ранее привлекало внимание исследователей (например, см. работы: [Drake 1961; Labov 2010]), в меньшей степени затрагивалась аксиологическая динамика слова. В одной из своих первых монографий, посвященных процессам пейорации на материале английского языка, Х. Шрёдер анализирует метаморфозы английского *churl* (др.-англ. *ceorl*). Семантика и прагматика слова претерпели существенные изменения: от древнеанглийского ‘мужчина, муж’, в том числе в положительно-оценочном употреблении в поэтической речи ‘герой, король’, до современного экспрессивно-оценочного ‘грубиян;

скрыга; деревенщина'. Изменение социальных представлений и, соответственно, ценностных ориентаций в среднеанглийский период, обусловленные социокультурными и экономическими факторами, в результате которых заметно проявлялась дихотомия «город — деревня», способствовали пейоративному процессу *churl* [Schreuder 1970: 65–71].

Обсуждение результатов исследования

В отечественной историографии при определении различий между городом и деревней выделяют четыре периода. Первый период протекает до середины XVII в., когда город и деревня не были четко отделены друг от друга, представляли в значительной мере единое административное, социальное, экономическое и культурное пространство. Второй период начинается с середины XVII в. и длится примерно до 1785 г., когда происходило отделение города от деревни. Границы третьего периода представлены 1785–1869 гг. В это время город отделился от деревни экономически, и их дифференциация во всех отношениях достигла пика. Четвертый период охватывает 1860-е годы — 1917 г.: в это время дифференциация города и деревни сменяется процессом их интеграции [Миронов 2014: 790]. Можно предположить, что бинарная оппозиция «город — деревня» оформлялась в XVIII в. — 60-е годы XIX в. Вкупе с другими важными социально-политическими и культурными событиями (активное развитие производственной сферы, формирование отраслей промышленности, складывание литературного языка на национальной основе, зарождение революционных движений и пр.) такая трансформация традиционного уклада жизни, безусловно, имела выход в лексическую систему языка.

Определению 'неупорядоченная группа людей' может соответствовать многочисленный ряд номинаций. В «Словаре синонимов русского языка» под ред. А. П. Евгеньевой в статье под заголовочным словом *толпа* приводятся следующие единицы — *толпа* 'большое скопление людей'; *гурьба* 'употребляется преимущественно для обозначения шумной, чаще веселой, беспечной группы людей,

направляющихся,двигающихся куда-л.'; *ватага* 'шумная и веселая группа, компания людей (обычно молодежи, детей), вместе идущих куда-л., играющих и т. п.'; *орава*, *орда* 'шумная, беспорядочная толпа, оба слова употребляются обычно с отрицательной оценкой, которая особенно ярко выражена в слове *орда*' [Словарь синонимов русского языка 2003: 548]. «Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений» Н. Абрамова выделяет в ряду с доминантой *толпа* синонимы: *скопище*, *сборище*, *орда*, *сбор*, *орава*, *ватага*, *люд*, *народ*, *простонародье*, *чернь*, *масса*, *плебс*, *улица*; также дает отсылки к заголовочным словам *общество* и *стадо*. В синонимичном ряду с доминантой *чернь* приводятся такие лексемы, как *простонародье*, *народ*, *улица*, *масса*, *плебс*, *плебеи*; *отребье*, *подонки общества*; даются отсылки к *простолюдин* и *толпа* [Абрамов 1999]. Дефиниционный анализ толковых словарей русского языка¹ позволяет выделить достаточно многочисленный ряд лексических единиц, объединенных интегральным смыслом 'неупорядоченная группа людей', которые в лексикографической практике могут дополнительно поддерживаться пометой *собираательно*. Ср.: *полк* 'множество, толпа'; *сволочь* (собр.) 'дрянные, подлые люди; сброд, подонки²'; *стадо* 'большая неорганизованная группа людей'; *шатия* (собр.) 'компания, группа людей (обычно предосудительного, недостойного поведения)'; *шобла* 'группа, сборище людей (обычно агрессивно настроенных)'; *шушера* (обычно собр.) 'ничтожные или дурные люди; сброд, шушваль' и др. Приведенный фрагмент тезауруса, обозначающий неорганизованную группу людей, характеризуется стилистическим своеобразием: большинство рассматриваемых лексем имеет либо нейтральную, либо разговорную квалификацию, в том числе стилистически сниженную, что свидетельствует о функционировании подобных слов в первую очередь в обыденном общении. Данные единицы можно дополнительно классифицировать по знаку оценки. Так, к нейтрально- или положительно-оценочным относятся такие слова, как *ватага*, *гурьба*, *народ* и др. Ср.:

Приехали из города дачники, целая веселая *ватага* взрослых, подростков и детей, опьяненных воздухом, теплом и светом... (Л. Н. Андреев. Кусака,

1901); После того как соперники забрасывали свои бутылки, **ватага** ребятишек, расположившихся внизу на помосте для пловцов, бросалась в воду наперегонки... (Ф. Искандер. Случай в горах, 1980–1990); После окончания танцев в клубе, парочками, где и **гурьбой**, разбрелись люди кто куда (В. Астафьев. Обертон, 1995–1996); Как после рассказа и показа изделий к Е. Вороновой и Т. Романчиковой подходили участницы “круглого стола”, рассматривали ткань, крой, силуэт, задавали вопросы мастерицам, так и теперь **народ** обстupaет В. Голубеву — наглядный пример того, насколько сильный интерес вызывают эти модели у женщин... (Народный костюм: архаика или современность? // Народное творчество, 2004).

В качестве негативно-оценочных характеризуется большинство лексем со значением ‘неупорядоченная группа людей’. Более того, у многих из них в семантике можно выделить семы ‘низкий социальный статус’ (*масса, отребье, простонародье, чернь, плебс* и др., ср.: *А пытаться привлечь внимание серых безликих масс — слишком неблагоприятная задача* (Форум: 17 мгновений весны, 2005–2010)) и ‘преступные намерения’ (*клика, подонки, свора, шобла* и др.).

Как известно, сдвиги в системе ценностей отражаются в лексическом составе языка экстенсивно, через появление новых слов; менее очевидно — путем изменения коннотаций, частотности употребления уже имеющихся в языке лексических единиц, возникновения новых смысловых линий, тем в их семантике [Березович 2010].

Во второй половине XVIII в. — середине XIX в. отмечено появление многочисленных экспрессивно-оценочных единиц, обозначающих скопление, неупорядоченную группу людей. Среди них выделяются заимствования, как, например, *клика* из французского *clique* ‘шайка, банда’ [Крысин 2008: 336], которое впервые отмечено в значении ‘общество людей, соединившихся с дурным намерением’ [Михельсон 1994: 260]. В Корпусе первый пример датируется серединой XIX в. и по смыслу близок современному ‘группа, сообщество людей, стремящихся к достижению каких-л. корыстных, неблагоприятных целей’; для референта номинации не характерен четко выраженный низкий социальный статус. Ср.: ...*Дай*

Бог, чтобы подвиги ума ценились у нас не литературной кликой, а самим народом (А. В. Никитенко. Дневник, 1844). Начиная с 60–70-х годов XIX в. словоупотребление лексемы становится более частотным; показательна ее сочетаемость с преимущественно негативно-оценочными прилагательными, такими как *разношерстный, шарлатанский, праздношатающийся, московский* и др. Ср.:

Эти «промышленники прогресса», которые не умели или не хотели прежде, до его публичной выходки, сочувствовать голосу профессора, вздумали теперь записать его в свои ряды, прицепить и его имя к своей разношерстной клике (В. В. Крестовский. Панургово стадо. Ч. 3–4, 1869); *Бедным, запоздавшим на свете русским вольтерьянцем, очевидно, совсем овладела шарлатанская клика его жены...* (Н. С. Лесков. На ножах, 1870); *Пора было сказать, что триумфы этого рода, устраиваемые праздношатающейся кликой, не похожи на отличие, а на нечто другое* (П. В. Анненков. Письма И. С. Тургеневу, 1875–1883); *Впрочем — дурного ничего нет: заявлением своим Вы отбили наперед поползновения делать из Вашего имени рекламу и чучелу с благосклонной улыбкой в сторону пустейшей московской клики — и это поймется большинством публики* (П. В. Анненков. Письма И. С. Тургеневу, 1875–1883).

Крестьянский диалектный язык оказывал большое влияние на русский язык XIX в., во-первых, ввиду того, что активно пополнял формы городского просторечия; во-вторых, стили народной поэзии играли важную роль в творчестве некоторых писателей; в-третьих, писатели-реалисты и писатели-народники видели в крестьянской речи источник пополнения литературного языка [Виноградов 1982: 458–462]. Некоторые из рассматриваемых слов вошли в общее употребление из диалектов, при этом значение ‘неупорядоченная группа людей’ дифференцировалось уже в общем использовании. Примером может послужить существительное *шваль*, которое вошло в общее употребление из областных говоров³, где оно характеризовалось широкой семантикой и представляло общую негативную оценку объекта — ‘негодная, дрянная вещь’, а также ‘презренный, ничтожный человек’ (обл.) [Словарь современного русского литературного языка 1965, т. 17, ст. 1313].

Как свидетельствуют корпусные данные, начиная с середины XIX в. слово регулярно употребляется в значении 'ничтожный человек'. Ср.:

*А что он птица высокого полета, это я заключаю по тому, что он служил чиновником особых поручений при графе В. А. Перовском <...>. Следовательно, это не какая-нибудь **шваль**, а человек с достоинством. Потому что такой вельможа, как граф Перовский, какую-нибудь **шваль** к себе и в прихожую не допустит* (Т. Г. Шевченко. [Дневник], 1857–1858).

Чаще всего, однако, в первой половине XIX в. слово употребляется в общеоценочном значении, собирательно:

*Казалось, Наденька была совершенно довольна своею судьбой, потому что очень любила порядочную компанию и вообще чувствовала некоторый недуг к людям, которые не принадлежали к так называемой **швали** — мастеровым, лакеям, кучерам и далее до бесконечности* (М. Е. Салтыков-Щедрин. Невинные рассказы // Запутанное дело, 1848–1863).

Как показывает пример, к *швали* причислялись горожане низкого социального происхождения — мастеровые, кучера и пр. Любопытно также восприятие *швали* в глазах городских жителей XIX в. — это недавно переехавшие выходцы из деревень. Ср.:

*Но коммерсантка долгое время не отдавала должного внимания этим поклонам и пожеланиям, ибо связываться со всякою деревенскою **швалью** было решительно вне ее цивилизованно-плутоватых нравов* (А. И. Левитов. Московские «комнаты снебилью», 1863)⁴.

В период активных процессов урбанизации переосмыслились давно существовавшие слова, многие из которых до этого функционировали в религиозном дискурсе. Например, лексическая единица *отребье* (*отребие*), известная по письменным источникам с конца XV в. (1499), функционировала в значении 'мусор, отребье' [СлРЯ XI–XVII вв. 1988, вып. 14: 11]. Корпус фиксирует только одно вхождение с этой единицей в XVIII в. в значении 'низшие, отвергнутые слои общества': *Сии, кои почитались **отребием** мира...: сии, говорю, напоследок столь прославились, что вселенная*

имена их с сладостию воспоминает... (архиепископ Платон (Левшин). Слово в день святых апостолов Петра и Павла, 1776). В первой половине XIX в. уже отмечено пять контекстов; слово лишено экспрессивно-отрицательного прагматического значения. Ср.: *Уничтожив достоинство человека, он уподоблялся дикому, бешеному зверю... готов был кликнуть клич буянам и **отребию** черни, вторгнуться с ними в Кремль, во дворец, и скорее все разрушить, зажечь, разграбить Москву...* (Н. А. Полевой. Клятва при гробе Господнем, 1832). В городских реалиях *отребье* начинает приобретать экспрессивно-оценочные оттенки, на что дополнительно указывает сочетаемость лексики и более широкий контекст. *Отребье* общества, *отребье* — это днище Петербурга, одичавшая и бесшабашная часть городского населения, *отребье* не имеет документов и др. Ср.:

*Барство заняло средние этажи — окна на улицу; порядочное чиновничество — средние этажи — окна на двор; из нижних этажей на двор глядят мастеровые разного рода — иляпники, медники, квасовары, столяры, бочары и тому подобный люд; из нижних этажей на улицу купечество выставило свое тучное чрево; ближе к нему, под крышами, живет бедность — вдовы, мещане, мелкие чиновники, студенты, а ближе к земле, в подвалах флигелей, вдали от света божьего, гнездится сволочь всякого рода, **отребье** общества, та одичавшая, беспашпортная, бесшабашная часть человечества, которая вечно враждует со всеми людьми, имеющими какую-нибудь собственность, скрадывает их, мошеничит; это **отребье** сносится с днищем всего Петербурга — знаменитыми домами Сенной площади* (Н. Г. Помяловский. Молотов, 1861); *Так и в большей части Петербурга: **отребье** и чернорабочая бедность на дне столыцы...* (Н. Г. Помяловский. Молотов, 1861); *...или у графа Антона Борисыча, у коего даже камердинеръ весь полонъ достоинства, и словно говоритъ вамъ: «Вотъ сейчасъ зададутъ фарнапиксу вамъ встмъ, проходимцы, просители, лайдаки, **отребие** рода чловъческаго!»* (А. В. Дружинин. Увеселительно-философские очерки Петербургского Туриста, 1863).

Еще одним примером семантических изменений может стать слово *сборище* (*соборище*), известное по письменным памятникам с XI в. в значении 'собрание, совокупность, сонм, толпа'.

В древнерусском периоде оно имело и другие значения — ‘совещательное собрание’; ‘молитвенное собрание; место, здание для молитвенных собраний’ и др.⁵ [СлРЯ XI–XVII вв. 1996, вып. 23: 81–82]. В значении ‘собрание’, в том числе совещательное, слово, как показывает Корпус, функционирует на протяжении всей своей истории, однако начиная со второй половины XVIII в. значение ‘неупорядоченная группа’ начинает встречаться заметно чаще. Ср.:

*Иная кофегадательница не имеет на теле цельного платья, ходит в разданных лоскутьях, а вся таких старух шайка есть **сборище** побродяг, которых почитать должно извергами человеческого рода (Н. И. Новиков. Живописец, 1775); Одни только патрули национальной гвардии, наскоро составленной, ходили по безлюдным улицам, предупреждая **сборище** людей, не имеющих ни крова, ни пристанища (Н. А. Бестужев. Русский в Париже 1814 года, 1831–1840).*

В современном русском языке слово *сборище* квалифицируется как разговорное, его семантика представлена двумя значениями: 1) ‘стечение, скопление людей, толпа’; 2) ‘собрание, сходка для бесед, развлечений’. Как видно, ‘собрание’ — второе значение, а ‘толпа, скопление людей’ считается основным [БТС 2008: 1152].

Примером влияния процессов урбанизации на семантику слова может послужить словообразовательный дериват *сброд* (*збродъ*), впервые отмеченный в XVIII в. в значении ‘собрание, сходбище разных людей низкого состояния’ [САР 1789, ч. I, стлб. 331]. Первые контексты с лексемой свидетельствуют об уничижительном отношении к ее референтам, их низком социальном статусе в обществе. Чаще к *сброду* причислялись этнические меньшинства — цыгане, татары и другие народности. Ср.:

*Цыганы во многих государствах в оклад положены и о их промысле добрые уставы зделаны, но у нас их хотя со излишком, а ничего не упомянуто, и оной коварной **сброд** не имел никаких законов, никакой пользы, а многой вред приносят (В. Н. Татищев. Разсуждение о ревизии поголовной и касающемся до оной, 1733); Терские же и семейные казаки суть **зброд** разных народов и состояния людей (Н. Я. Озерцовский. Дневник, 1782).*

Рост городов естественным образом ассоциировался с людьми, не придерживающимися принятых в обществе норм поведения, беглецами, бродягами; эти смыслы также актуализировались в *сброде* с середины XVIII в. Ср.: *С Вишневым князем Михаилом они на татар воевали и город на Хортице острове построили, а вскоре, перешед на Дон и в прочих местах поселясь, от **зброду** и беглецов умножились (В. Н. Татищев. История российская в семи томах. Том второй, 1750).*

В городе происходит концентрация разнообразия, поэтому часто слово сочетается с лексемами *всякий, разный*. Ср.: *Шкловъб былъ наполненъ живущими людьми всякаго рода, звания и націй; ... затъмъ отставные и штабъ и оберъ-офицеры, не имтьющие приюта, игроки, авантюристы всякаго рода, иностранцы: Французы, Итальянцы, Нѣмцы, Сербы, Греки, Молдаване, Турки, словомъ, всякій **сбродъ** и побродяги (Л. Н. Энгельгард. Бывшіе фавориты въ провинціи, 1826–1835).*

В современном употреблении у слова выделяют несколько значений, все они отмечены стилистической пометой *разговорное*: ‘люди, принадлежащие к разложившимся, преступным, антиобщественным элементам’; ‘о ничтожных, незначительных людях; случайное и беспорядочное соединение’ [БТС 2008: 1153].

Производное значение некоторых рассматриваемых слов представляет собой антропоцентричную метафору, построенную по модели ‘группа животных’ — ‘неупорядоченная группа людей’, ср.: *свора, стадо, стая* и пр. Например, *стадо* впервые засвидетельствовано в письменных источниках XI в. (1057) в прямом значении ‘стадо (животные)’ и переносом ‘об общине верующих’ (1057), в XII в. у слова зафиксировано значение ‘толпа’ [СлРЯ XI–XVII вв. 2006, вып. 27: 190]. Корпус отмечает положительные контексты со словом в переносных значениях вплоть до конца XVIII в. преимущественно в религиозном дискурсе, о чем свидетельствуют сочетания *благочестивое стадо, стадо Христово, стадо словесных овец, Богозванное стадо, стадо нищих* и пр. Ср.:

*И по своему челобитью приях от него благословение и прощение о своем дерзновении, еже хотех пасти Христово **стадо** словесных овец (Формулярный*

извод отписной грамоты суздальского и торусско-го епископа [Федора, Ефимия?], 1482); *Деспоть же Стефанъ не хотя стадо благочестивое, еже Господь свободи, паки Туркомъ поработити...* (Никоновская летопись, 1425–1506 гг. (1526–1530)); *Но чего ожидают беспомощных людей полки, нищих людей стада?* (архиепископ Платон (Левшин). Нравоучение десятое, 1758).

Однако в первой половине XIX в. находим у поэта и общественного деятеля К. Ф. Рылеева интересное метаязыковое высказывание с отсылкой к И. П. Котляревскому, которое свидетельствует о том, что *ватага*, как, впрочем, и *стадо*, *стая*, *шайка*, функционировали в негативно-оценочном смысле 'неорганизованная группа людей, часто с преступными намерениями': *Ватага — малороссийское слово, имеющее следующие значения: толпа, шайка, стадо, стая; ватага разбитак — шайка разбойников* (К. Ф. Рылеев. Примечания к «Войнаровскому», 1825).

Известно, что к середине XIX в. большинство российских городов трансформировалось из аграрно-административных в ремесленно-промышленные и торговые центры. К 1861 г. размежевание между городом и деревней достигло своего апогея [Миронов 2014: 860]. При описании повседневной жизни горожан, социальных отношений в обществе и межличностных взаимодействий современники того периода нередко пользовались метафорическими образами, тем самым превращая значения в узуальные. Ср.: *Годы, десятки лет пройдут, и все то же, и все то же... Одно стадо сменит другое, синих платьев изнашивается без счету, покуда, наконец, последнее ляжет в гроб вместе с его обладательницей...* (С. Д. Хвоцинская. Воспоминания институтской жизни // Русский вестник. 1861. № 9–10).

Особая популяризация слова *стадо* в рассматриваемом значении принадлежит В. В. Крестовскому в произведении «Панургово стадо»⁷. Ср.:

В Славнобубенске стадо, а вожак пасут его в городе Санкт-Петербурге (В. В. Крестовский. Панургово стадо. Ч. 3–4, 1869); *Среди двухтысячного стада, которым коноводили несколько завязых вожakov, бывших, в свою очередь, передовыми баранами в другом, еще большем, громаднейшем стаде,*

выдвигалась одна только самостоятельная личность, не захотевшая, во имя правды и науки, подчиниться никакому насилию... (В. В. Крестовский. Панургово стадо. Ч. 3–4, 1869).

Во второй половине XIX в. жизнь определенных слоев общества в городских реалиях все чаще представляется при помощи зооморфной метафоры. Ср.:

Пронзительный звон колокольчика загонял это стадо в какие-то смрадные стойла, где большею частью ему говорились какие-то ни в одном слое общественной жизни не употребительные слова (А. И. Левитов. Петербургский случай, 1869); *То было стадо откупщиков и винокуренных заводчиков* (М. Е. Салтыков-Щедрин. Господа ташкентцы. Картины нравов, 1869–1872).

Метафорический образ, связанный с нижней частью емкости, воплотился в ныне экспрессивно-оценочном, бранном слове *подонки*. Известно, что оно впервые зафиксировано в письменных источниках XVIII в. В «Словаре Академии Российской» (1789–1794) приводятся единственная (поддонок) и множественная формы данного слова в значениях 'все то, что подо дно сосуда поставляется' и 'всякие частицы из жидкого тела на дно осевшие; грубое сгустившиеся в каком-л. жидком теле вещество, на дно осевшее' [САР, ч. II, 1790: 689–690]. В Словаре XVIII в. в словарной статье *подонки* приводится только одно прямое значение слова 'осадок в отстоявшейся жидкости' [Словарь русского языка XVIII в.]. В 60-х годах XIX в. у слова отмечено переносное значение, близкое к современному 'деклассированные, разложившиеся элементы общества'. Первые контексты словоупотреблений в таком значении дают некоторое представление о референтах. С одной стороны, это нищие, бродяги, попрошайки, то есть дно общества, с другой — беспринципные, преступные жители. Во многих случаях речь идет о жителях крупных городов. Ср.:

От серной шайки, как сами немцы называют марксидов, естественно и недалеко перейти к последним подонкам, к мутной гуще, которая оседает от континентальных толчков и потрясений на британских берегах и пуце всего в Лондоне (А. И. Герцен.

Былое и думы. Часть шестая. Англия, 1864); *Не смотря на эти общія черты, между нищенствомъ и бродяжествомъ есть довольно существенная разница. Нищій есть настоящие подонки общества. Въ немъ нтъ ни стыда, ни чувства собственного достоинства* (Н. В. Шелгунов. Бродяги и нищие // Дело. 1867. № 6); *Летописи повествуют, что однажды во семнадцатилетний Христиерн, сманив стоявшего у дворца часового, целую ночь гулял с ним по городу, пьянствуя в тавернах, распевая песни и всячески бесчинствуя в сообществе обоего пола бродяг, подонков* (К. Биркин (П. П. Каратыгин). *Временщики и фаворитки XVI, XVII и XVIII столетий*. Книга первая, 1870).

Любопытно, что в негативно-оценочном значении *подонки* в форме единственного числа, по свидетельству Корпуса, начинает активно употребляться только в первой половине XX в.

Выводы

Ретроспективный анализ семантики слов, обозначающих неупорядоченную группу людей, часто с преступными намерениями и низкого социального статуса, позволяет сделать вывод, что такие единицы активно входят в лексическую систему языка в период интенсивных процессов урбанизации, развития городов и роста городского населения. Такая лексика может входить по-разному: 1) путем заимствований внешних (из других языков) и внутренних (из территориальных и социальных диалектов); 2) путем переосмысления давно существовавших слов, изменения их прагматического компонента значения; 3) за счет создания новых слов по существующим в языке словообразовательным моделям. Исследование показало, что многие единицы появляются в результате семантических изменений (*отребье, сборище, стадо* и др.). Начиная со второй половины XVIII в., когда происходит социально-экономическое, культурное, административное отделение города от деревни, наблюдается своеобразный всплеск вхождений подобной лексики, с помощью которой опосредованно отражаются окружающая действительность и ценностные ориентации того времени. Город концентрирует

разнообразие. Межличностные отношения между городскими жителями складываются иные, чем в деревне, социальный контроль над поведением горожан ослабевает, занятость жителей городов, особенно крупных, становится профессионально разнообразной, повышается мобильность населения в целом.

Большинство слов изученного фрагмента тезауруса в современном употреблении обладает дополнительной стилистической приметой — разговорной квалификацией, в том числе сниженной.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В качестве основного толкового словаря для сбора материала исследования был выбран «Новейший большой толковый словарь русского языка» (далее — БТС) под ред. С. А. Кузнецова. Дефиниции приводятся по данным этого словаря [БТС 2008].

² Любопытно, что *сволочь* как многозначное слово с пометами *грубо, бранно* фиксируется в диалектных и региональных словарях со значениями: 1) ‘негодяй, мерзавец’; 2) (собир.) ‘сброд, подлые люди’. Составители «Словаря народно-разговорной речи города Архангельска» отсылают к В. И. Далю: *сволочь* — ‘все, что сволочено или сволоклось в одно место: бурьян, трава и корни, сор, сволоченный бороною с пашни; дрянной люд, шатуны, воришки, негодяи, где-либо сошедшиеся’. Далее указано, что в начале XX в. *сволочь* в значении ‘негодяй’ употреблялось в речи городских низов. В активный обиход слово ввели большевики (*белогвардейская сволочь*), о чем писал А. М. Селищев [Словарь народно-разговорной речи... 2013: 150].

³ Например, в расходной книге Троицкого Герасимо-Болдинского мужского монастыря (дата основания — 1530 г.), расположенного на территории современной Смоленской епархии, во второй половине XVI в. фиксируется слово *шваль* без оценочных смыслов. Ср.: *А тѣ бобыли пошли въ подмосковную вотчину. <...> Дано слугамъ и плотникамъ и дѣтмѣ и швалемъ и конюхомъ 15 рублевъ и 1 алтынъ.*

⁴ В автобиографическом произведении «Московские “комнаты снебилью”» А. И. Левитов описывает свою жизнь в Москве, уделяя много внимания рассказам о быте простых людей.

⁵ Любопытно, что в XV в. *сборище* могло означать ‘собрание духовных властей и вообще лиц, имеющих власть в обществе (преимущественно уничижительно)’; начиная с XVI в. употреблялось уничижительно ‘о незаконно созданном, конкурирующем с церковью, религиозном братстве’ [СлРЯ XI–XVII вв. 1996, вып. 23: 81–82].

⁶ Шклов, районный центр на территории современной Беларуси, в конце XVI в. был одним из самых населенных мест в Великом княжестве Литовском. В конце XVIII в. Шклов стал уездным центром Могилевской губернии Российской

империи. В XIX в. развитие Шклова активно продолжилось: появилось больше учебных и торговых заведений, больниц, часто проводились ярмарки.

⁷ Панургово стадо — 'группа людей, которая безрассудной толпой слепо следует за своим вожаком, во всем ему подражая' [Фёдоров 2008].

ИСТОЧНИКИ

Абрамов 1999 — Абрамов Н. *Словарь синонимов и сходных по смыслу выражений: около 5 000 синонимических рядов. Более 20 000 синонимов*. 7-е изд., стереотип. М.: Русские словари, 1999. 672 с.

БТС — *Новейший большой толковый словарь русского языка*. Кузнецов С. А. (ред.). СПб.: Норинт; М.: Рипол классик, 2008. 1536 с.

Крысин 2008 — Крысин Л. П. *Иллюстрированный толковый словарь иностранных слов: наиболее употребительные иностранные слова, вошедшие в русский язык в XVIII–XX и начале XXI века*. М.: Эксмо, 2008. 863 с.

Михельсон 1994 — Михельсон М. И. *Ходячие и меткие слова: сборник русских и иностранных цитат, пословиц, поговорок, пословичных выражений и отдельных слов (иносказаний)*. М.: Терра, 1994. 598 с. [Репр. изд. 1896 г.].

НКРЯ — *Национальный корпус русского языка*. URL: <http://www.ruscorpora.ru/index.html> (дата обращения: 30.06.2024).

САР — *Словарь Академии Российской*. В 6 ч. Фонвин Д. И. и др. (сост.). СПб.: Имп. Акад. наук, 1789–1794.

Словарь народно-разговорной речи... 2013 — *Словарь народно-разговорной речи города Архангельска*. В 3 т. Т. 1: *Городское просторечие*. Морозова О. Е. (общ. ред.). Архангельск: ИПЦ САФУ, 2013. 204 с.

Словарь русского языка XVIII в. — *Словарь русского языка XVIII века*. URL: <http://feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc/> (дата обращения: 30.06.2024).

Словарь синонимов русского языка 2003 — *Словарь синонимов русского языка*. В 2 т. Т. 2: *О–Я*. Евгеньева А. П. (общ. ред.). М.: Астрель; АСТ, 2003. 856 с.

Словарь современного русского литературного языка — *Словарь современного русского литературного языка*. В 17 т. Чернышев В. И. (гл. ред.). М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1948–1965.

СлРЯ XI–XVII вв. — *Словарь русского языка XI–XVII вв*. В 31 вып. Аванесов Р. И. (отв. ред.) и др. М.: Наука, 1975–2019.

Фёдоров 2008 — Фёдоров А. И. *Фразеологический словарь русского литературного языка: около 13 000 фразеологических единиц*. 3-е изд., испр. М.: Астрель; АСТ, 2008. 878 с.

ЛИТЕРАТУРА

Березович 2010 — Березович Е. Л. Ценности в русском языке начала XXI в.: новые темы в семантике старых слов. В сб.: *Язык и общество в современной России и других странах: доклады и сообщения международной конференции*. Виноградов В. А., Михальченко В. Ю. (отв. ред.). М.: Институт языкознания РАН, 2010. С. 557–560.

Виноградов 1982 — Виноградов В. В. *Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX веков*. М.: Высшая школа, 1982. 529 с.

Дронова 2007 — Дронова Л. П. Общая положительная оценка и норма: диахронический аспект. *Вестник Томского государственного университета. Филология*. 2007, (1): 6–10.

Миронов 2014 — Миронов Б. Н. *Российская империя: от традиции к модерну*. В 3 т. Т. 1. СПб.: Дмитрий Буланин, 2014. 896 с.

Drake 1961 — Drake J. A. The effect of Urbanization on Regional Vocabulary. *American Speech*. 1961, 36 (1): 17–33.

Labov 2010 — Labov W. *Principles of Linguistic Change*. In 3 vols. Vol. 3: *Cognitive and Cultural Factors*. Chichester: John Wiley & Sons, 2010. 419 p.

Schreuder 1970 — Schreuder H. *Pejorative Sense Development in English*. Maryland: McGraph Publishing Company, 1970. 196 p.

REFERENCES

Березович 2010 — Berezovich E. L. Values in Russian at the beginning of the 21st century: New ideas in the meanings of old words. In: *Iazyk i obshchestvo v sovremennoi Rossii i drugikh stranakh: doklady i soobshcheniia mezhdunarodnoi konferentsii*. Vinogradov V. A., Mikhailchenko V. Iu. (eds). Moscow: Institut Iazykoznanii Publ., 2010. P. 557–560. (In Russian)

Виноградов 1982 — Vinogradov V. V. *Essays on the history of the Russian standard language in the 17th–19th centuries*. Moscow: Vysshiaia shkola Publ., 1982. 529 p. (In Russian)

Дронова 2007 — Dronova L. P. Overall positive values and the norm from the diachronic perspective. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*. 2007, (1): 6–10. (In Russian)

Миронов 2014 — Mironov B. N. *The Russian Empire: From tradition to modernity*. In 3 vols. Vol. 1. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin Publ., 2014. 896 p. (In Russian)

Drake 1961 — Drake J. A. The effect of Urbanization on Regional Vocabulary. *American Speech*. 1961, 36 (1): 17–33.

Labov 2010 — Labov W. *Principles of Linguistic Change*. In 3 vols. Vol. 3: *Cognitive and Cultural Factors*. Chichester: John Wiley & Sons, 2010. 419 p.

Schreuder 1970 — Schreuder H. *Pejorative Sense Development in English*. Maryland: McGraph Publishing Company, 1970. 196 p.

«ЯЗЫК ТЕЛА» В ИЗОБРАЖЕНИИ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ РАДОСТИ В РУССКОМ И СЕРБСКОМ ЯЗЫКАХ

SVETLANA A. KABANOVA

"BODY LANGUAGE" IN DEPICTING THE EMOTIONAL STATE OF JOY IN RUSSIAN AND SERBIAN LANGUAGES

**Светлана Александровна
Кабанова**

<https://orcid.org/0000-0002-9713-8166>

► svetlana.kabanowa2014@yandex.ru

кандидат филологических наук, доцент

Национальный исследовательский
Мордовский государственный
университет
имени Н. П. Огарёва,
Российская Федерация, 430005,
Саранск, ул. Большевикская, 68

Svetlana A. Kabanova

PhD in Philology, Associate Professor

National Research Ogarev Mordovia State
University,
68, ul. Bol'shevistskaya, Saransk,
430005, Russian Federation

Проблема изучения эмоционального состояния радости в лингвистическом аспекте мыслится актуальной с развитием наук, посвященных рассмотрению феномена «человек» в его непосредственном взаимодействии с языком, а также широким распространением исследований в области эмоциональности и эмотивности в работах В. И. Шаховского, Л. Ю. Буяновой и др. Ключевой компонент разработки — сравнительный анализ эмотивных конструкций выражения радости в русском и сербском языках. Актуальность исследования объясняется необходимостью рассмотрения эмоции радости на материале конкретных лингвистических и литературно-художественных практик двух языков. Основные методы исследования: метод сплошной выборки; метод сопоставительного анализа; описательный метод. Научная новизна исследования состоит в сборе и классификации конструкций, описывающих невербальную симптоматику проявления эмоции радости на материале дальнеродственных славянских языков; в проведении сопоставительного анализа языковых средств изображения радости в русском и сербском языках; в осуществлении комплексного семантико-функционального описания языковых конструкций со значением эмоционального состояния радости с точки зрения их номинативных свойств и средств их создания. Достигнутые результаты сводятся к следующему: в настоящее время в науке сложилось не вполне законченное, однако достаточно конкретное определение радости, которое в целом опирается на психологическую сторону, а в лингвистике данная эмоция трактуется как получаемое человеком удовольствие; объект/событие, вызвавшие переживания; номинация конкретного субъекта. Характеризующими свойствами радости являются универсальность, доминантность, адаптация, заразительность, перенос и др.; в текстах состояние радости обозначается словоформами разных частей речи с корнем *-рад-*. Особую значимость при этом составляют глаголы действия, номинирующие проявления радости и выступающие в сочетании с соматизмами, а также глаголы эмоционального состояния. В обоих языках широко используются сочетания метафорического плана — выразители физиологических изменений, связанных с проявлением радости.

Ключевые слова: эмоциональное состояние, симптоматика эмоционального состояния, соматизмы, глаголы эмоционального состояния радости, невербальные способы выражения эмоционального состояния.

The author argues that the problem of studying the emotional state of joy in the linguistic aspect is relevant in connection with the development of sciences devoted to the study of the phenomenon “man” in its direct connection and interaction with language, as well as the widespread dissemination of research in the field of emotionality and emotivity in the works

of V.I. Shakhovsky, L. Yu. Buyanova, etc. The key component of the study is a comparative analysis of emotive constructions of the image and expression of joy in the Russian and Serbian languages. The relevance of the research is explained by the need to consider the emotion of joy based on the specific linguistic and literary and artistic practices of two languages. Main research methods: continuous sampling method, descriptive, comparative analysis method. The scientific novelty of the study lies in the collection and classification of constructs that describe the nonverbal symptoms of the manifestation of the emotion of joy based on the material of distantly related Slavic languages; in conducting a comparative analysis of linguistic means of depicting joy in the Russian and Serbian languages; in the implementation of a complex semantic-functional description of linguistic constructions with the meaning of the emotional state of joy from the point of view of their nominative properties and the means of their creation. The achieved results of the study boil down to the following: at present, science has developed an incomplete, but quite specific definition of joy; in general, the definition of this emotion is based on the psychological side, and in linguistics joy is defined as the pleasure received by a person; the object/event that caused the experience; the nomination of a specific subject. The characterizing properties of joy are universality, dominance, adaptation, contagiousness, transference, etc.; in the texts, the state of joy is indicated by word forms of different parts of speech with the root *-rad-*. Action verbs that nominate manifestations of joy and appear in combination with somatisms, as well as verbs of emotional state, are of particular importance in this case. Both languages widely use metaphorical combinations expressing physiological changes associated with the manifestation of joy.

Keywords: emotional condition, symptoms of emotional state, somatisms, verbs of the emotional state of joy, nonverbal ways of expressing emotional state.

Введение

В процессе рассмотрения структуры эмоции радости будем оперировать такими понятиями, как «эмотивность» и «эмоциональность». Остановимся подробнее на их дефинициях.

В определении краткого психолого-филологического словаря «Тысяча состояний души» эмоциональность рассматривается как «тенденция индивида к повышенному переживанию и выражению сильных эмоций — радости, гнева, печали, страха, к возбудимости, впечатлительности, лабильности» [Летягова 2006: 412]. Ту же направленность имеет определение Л. Ю. Буяновой, выделяющей второе значение, имеющее терминологический статус, — как свойство языкового знака, а именно, «его потенциальную возможность выразить факт эмоционального переживания субъектом некоторого

явления действительности, — именно того явления, которое составляет предметное (денотативное) содержание данного языкового знака» [Буянова 2016: 35].

В психологии под эмотивностью понимается «повышенная чувствительность, при которой эмоциональные реакции наступают быстро, достигают большой силы и нередко оказываются чрезмерно продолжительными», причем синонимичным понятием является эмоциональность [Блейхер 1995: 6]. Более близкой представляется точка зрения В. И. Шаховского, понимающего под эмотивностью как лингвистической категорией «имманентное свойство языка выражать психологические (эмоциональные) состояния и переживания человека через особые единицы языка и речи — эмотивы» [Шаховский 2015: 7], то есть эмотивность рассматривается именно в рамках языковых границ.

Обсуждение и результаты

Многие труды по психологии, посвященные эмоциям, не дают четкого определения радости, поскольку возникновение данной эмоции может сопровождать абсолютно любые ситуации. С точностью констатируется связь радости с моментами, доставляющими человеку как существу социальному и субъекту речи глубокое удовлетворение и уверенность, радость раскрывает потенциальные физические силы: «Порыв радости или чувство живого удовольствия сопровождаются сильным стремлением к различным бесцельным движениям и к издаванию различных звуков» [Дарвин 2009: 114]. Однако не всякое хорошее настроение является радостью — это может быть удовольствие, удовлетворение, счастье и другие позитивные эмоциональные проявления, и потому важно их отграничение от радости.

По справедливому замечанию Ю. С. Степанова, «...концепт “радость” остается плохо описанным в русской и мировой культуре» [Степанов 2004: 445]. Дается следующее определение радости: «Ощущение внутреннего комфорта, удовольствия бытия, возникшее в ответ на осознание... гармонии меня со средой, “заботы” кого-то обо мне...

и сопровождающееся моей готовностью проявить такую же заботу в отношении к другому...» [Степанов 2004: 446]. Таким образом, ученый говорит о радости применительно к «Я»-субъекту. Рассматриваемая эмоция — это своего рода приемлемое сосуществование с окружающим миром, состояние готовности субъекта к позитивным действиям по отношению к другому лицу, то есть радость является эмоцией социализированной и воспринимаемой как фундаментальная жизненная ценность (ср. рус. «живи да радуйся»).

Радость определяется как «наслаждение, внутреннее чувство удовольствия вследствие желанного случая... Радость может сочетаться с благодарностью, удовлетворением, облегчением, благодушием, весельем, счастьем, удивлением, благочестием. Может быть следствием ответной любви, успеха, осуществленной мечты» [Летягова 2006: 287]. В Словаре русского языка под редакцией А. П. Евгеньевой дано определение: «1. Чувство удовольствия, удовлетворения. 2. То, что (или тот, кто) доставляет удовольствие, дает счастье. 3. (Обычно со словом “моя”). Разг. Ласковое. Нежное обращение» [МАС 1984, т. 3: 581]. Подобное определение дает и Словарь Матицы сербской: «1. Стање онога који је радостан, осећање задовољства због каквог успеха и уопште због нечега пријатног, добро расположење, веселост. 2. Оно што изазива радосно расположење, уживање, весеље» ('1. Состояние того, кто испытывает радость, ощущение удовольствия из-за какого-либо успеха и вообще из-за чего-либо приятного. 2. То, что вызывает радостное настроение, наслаждение, весеље') [Речник... 1990, т. 5: 329–330]. Указанные значения, приводимые словарями обоих дальнеродственных языков, можно проиллюстрировать следующими примерами:

1. *Дома-то он почти не бывал, но когда приезжал — душа радовалась: достаток был во всем* [Алмазов 2007: 248]. — *Обузе је нека чудна радост. И плаче јој се — и смеје јој се. Не зна ни сама зашто...* [Сербские... 2014: 46]. 2. *Были у Андрона и радости: жена Анфиса, статная и тихая, с ласковыми умелыми руками, и сын Федюшка, ползавший по скобленному до желтизны полу* [Барышев 1986: 313]. — *Та тетка Мила је била велика радост дечакова. ...Он је*

обожавао тетку Милу и гинуо за њеним присуством [Андрић 1964: 201]; *Сенатор Стритцески, који је недавно био удао ћерку, радовао се сад, да му се и сиромашна, наглува, рођака скида са врата* [Црњански 1978b: 142]. 3. — *Я бесконечно счастлив с тобой, моя радость, — говорил он, перебирая ей пальчики.* (Чехов. Учитель словесности) [МАС 1984, т. 3: 581]. — *Благо мени, срећо моја, дошла си да ме посетиш. А, ја чула да си стигла, па те очекујем* [Богдановић 2004: 61]; *Немој, Рајка, душо! Немој, чедо материно, — немој то чинити од себе. Ево, мама је с тобом. Све ће добро бити* [Andrić].

Мы понимаем радость как чрезвычайно сильное позитивное переживание, непредсказуемое и независимое от обстоятельств, сопровождающих жизнедеятельность человека. По мнению психологов, радость обладает следующими особенностями (свойствами):

1. Универсальность — способность радости возникать при удовлетворении любых потребностей.
2. Доминантность — способность подавлять противоположные эмоции: гнев, горе, тоску, страх и др.
3. Адаптация — длительное/многократное воздействие одного и того же фактора на эмоциональный психологический фон исключает неожиданность радости.
4. Пристрастность (субъективность) — способность человека переживать данную эмоцию независимо от вызвавшей ее причины.
5. Заразительность — источник радости распространяет свое влияние на окружающую действительность, вызывая «эффект домино».
6. Удержание в памяти — эмоция радости остается ярким воспоминанием для человека, вызывая положительные реакции.
7. Иррадиация — человека начинает радовать каждый предмет и явление под влиянием эмоционального переживания.
8. Перенос — предмет, вызывающий радость, принимает на себя функции возрождения и стимуляции данной эмоции.
9. Амбивалентность — человек может одновременно испытывать радость и другую эмоцию [Ильин 2011: 79–83].

С учетом перечисленных свойств радости, на взгляд автора настоящего исследования, можно уверенно говорить о широкой направленности эмоции, о невозможности подогнать ее под определенные правила и ограничить некими психологическими рамками. Данная эмоция является разноплановой, и потому невозможно описать все возможные условия и причины ее возникновения.

Симптоматика любой эмоции связана с **физическими проявлениями и психологическим настроем** субъекта. С. Л. Рубинштейн говорит о сопровождающих эмоции физических проявлениях организма: «Широко разлитые периферические изменения, охватывающие при эмоциях весь организм, распространяясь на систему мышц лица и всего тела, проявляются в так называемых выразительных движениях (мимике — выразительные движения лица; пантомимике — выразительные движения всего тела и “вокальной мимике” — выражение эмоций в интонации и тембре голоса)» [Рубинштейн 2003: 566]. Действие эмоции начинается внутри самого организма, «радость вызывает функциональную деятельность произвольного двигательного аппарата и расширение мелких и мельчайших кровеносных сосудов» [Вилюнас 2004: 115], при этом наблюдателю со стороны может показаться, что субъект состояния несколько «не в себе», поскольку его поведение не укладывается в привычные рамки, ср.:

Николай снял пилотку и бережно прижал обвисающее тело. <...> Он ошалел от радости, когда ощутил едва уловимое биение сердца, когда, прижав щекой к запекшимся губам, почувствовал неприметное дыхание [Барышев 1986: 198]. — Петар је, тих дана, од радости, од весеља, био као полудео. Није дозвољавао жени да му сина повија [Црњански 1978b: 728].

В контексте может отсутствовать прямое описание радости посредством использования симптоматической лексики «языка тела», но речь, как правило, о выражении лица: — *Агей! Поздравляю! — расцвела англичанка [Бахревский 1988: 77]. — Радост им се оцртавала на лицу [Богдановић 2004: 57].*

Симптомы проявления радости, обнаруженные в художественной литературе на русском и сербском языках, можно представить следующим образом:

1) **дрожь в теле:** *Дрхтао сам од радости...* [Хабјановић-Ђуровић 2015: 161];

2) **ощущение покалывания:** *Втирания изменили ее не только внешне. Теперь в ней во всей, в каждой частице тела, вскипала радость, которую она ощутила, как пузырьки, колющие все ее тело [Булгаков 1984: 213].*

Очевидно, данный симптом проявляется в организме в ситуации «пресыщенности» радостью на психологическом и физиологическом уровнях. Эмоция буквально наполняет человека/животное и ищет выхода вовне, что отчасти совершается посредством дрожи;

3) **учащенное сердцебиение:** *Сердце забилося от радости: наконец-то дошли до селения! Теперь нам не страшны ни голод, ни жажда [Петров 1996: 67]. — Цару заигра срце од радости, на пољуби своју мудру жену и поведе је натраг у царски двор [Сербские... 2014: 21].*

Как было сказано, радость вызывает интенсивный приток крови к сердцу (изменение гормонального фона организма). С одной стороны, это может пойти на пользу: «Когда мы испытываем радость, все системы нашего организма функционируют легко и свободно, разум и тело находятся в расслабленном состоянии, и этот относительный физиологический покой позволяет нам восстановить затраченную энергию. <...> Радостные переживания ускоряют процесс выздоровления» [Изард 2009: 16]. С другой же стороны, в силу определенных физических параметров и психической организации человек может быть не готов к резкому изменению эмоционального состояния (например, люди пожилого возраста могут испытывать физиологический дискомфорт в случае неожиданного сообщения даже радостного известия);

4) **затруднение дыхания** (часто встречается в совокупности с предыдущим симптомом): *От ощущения легкости и необыкновенной прыгучести рождалась в груди щемлящая, затрудняющая дыхание радость. Иногда сердце обмирало, будто он падал с крутизны [Погодин 1988: 34]. — На ту помисао осетио бих како ми срце трепери, како ми се кида дах, како ме обузима благодарна радост [Хабјановић-Ђуровић 2015: 394];*

5) **слезливость**: — Семен Иванович!.. — У Саньки на глазах **выступили слезы радости**... — Да мы!.. Да если... — и умолк. Не смог выразить своих чувств и Кимка. **Глаза его тоже подернулись предательской дымкой, которая в любую минуту могла пролиться слезами радости** [Поливин 1976: 215]. — Варвара **је имала сузе у очима, од радости**, и није поглед скидала са Павла [Црњански 1978b: 341];

6) **ощущение внутренней теплоты**: — Мне кажется, Пономарев, вы становитесь всадником. У Панама от этих слов делается **горячо в груди** [Алмазов 2]. — Марија је уздрхтала. **Топла радост преплавилa је њено срце**. Заплакала је и пружила слику свекру [Богдановић 2004: 198].

На фоне радости происходит усиление обменных процессов в организме, что приводит к повышению температуры тела. Отсюда в сознании человека радость ассоциируется с чем-то теплым (даже горячим), а также мягким, приятным;

7) **жар/покраснение**:

— Чья это удивительная собака?

Вовку **кинуло в жар**. Он понял, что слава — огромная, о которой он мог только мечтать всего несколько месяцев назад, теперь сама идет к нему навстречу. <...> Он ничего не сказал, а только **покраснел от удовольствия**. Все оглянулись и посмотрели на Вовку.

— Вас э... что же... действительно Вовой зовут?! — спросил профессор.

— Да! — сказал Вовка, чувствуя, что **уши у него горят**, как огни на Ростральных колоннах.

— Говорящая собака! — выдохнула потрясенная толпа.

— Вво-вва! Вво-вва! — изнемогая от любви, простонал студентеккер.

— Да! — сказал Вовка. — Это моя собака! [Алмазов 1]. — Видиш какву **смо радост доживели!** Видиш? Она није ништа видела, а њему су очи биле раширене, а **ћосаво, доброћудно лице озарено и румено** [Andrić].

Данный симптом близок предыдущему, однако субъект может ощущать едва заметный дискомфорт, например переживание радости в окружении малознакомых/незнакомых людей;

8) **ощущение дурноты** (резкая смена эмоционального фона может повлиять на человека отрицательным образом, например, может

проявиться учащенное сердцебиение у впечатлительных людей): **Снаха занеможе од радости кад се на олујачкој стрмини, на светлом небу, указа коњаник у ком кроз сумрак и сузе познаде брата**. Не знајући шта ради, миловала је црвену коњску орму какве у Олујаџима нема. Ни после вечере није хтела да се одвоји од брата [Андрић 1965: 210]. В подобном случае возможна утрата способности здраво рассуждать, обусловленная изменением эмоционального состояния: **От радости все помутилось в голове** у Варенухи, лицо его засияло, и он, не помня, что говорит, забормотал: — Истинным... то есть я хочу сказать, ваше ве... сейчас же после обеда... [Булгаков 1984: 271];

9) **сияние/свечение** (глаз, лица):

Красноармейцевы **глаза слабо нежно светились**. В усажающей улыбке его **алела пугливая радость** [Погодин 1988: 156]. **Похудевший и постаревший учитель не сразу разглядел гостя**. А когда ему об этом сообщили, даже **просиял от радости** [Поливин 1976: 279]. — **Осећа откуцаје свог срца у врховима прстију, у очима које блистају од радости**. Са Горданиног лица зрачи нежност. Мир. Поверење. Окрепљујућа топлина младости [Богдановић 2004: 84]. **Њене зелене очи биле су светле од радости** [Црњански 1978b: 340];

10) **временная потеря голоса**: — Я лечу! Лечу-у-у! — **закричал он, и голос его от радости сорвался** [Алмазов 1987: 48]. В русском материале имеются контексты, показывающие отсутствие подобной реакции, но связанные с эмоциональным воздействием на субъект состояния:

После этих строк по лицу дедушки начинали катиться слезы, но **голос его не прерывался**, а наоборот, в нем была **такая светлая, такая летняя радость, такая сбывшаяся радость**, что и у Агея начинало пощипывать в носу [Бахревский 1988: 65]. — Чинило ми се, да ме земља не држи, **полетео би' од радости** [Хабјановић-Ђуровић 2015: 344];

11) **улыбка** (возможно, в сочетании с внутренней улыбкой):

И лягушонок, словно услышав, сделал слабое движение ногами, оттолкнулся. — Живой! — **заулыбались все** [Алмазов 1989: 65]. Толстяк **радостно ослабился**, видя, что Маргарита не сердится... [Булгаков 1984: 228]. — Гордана слуша. Не жели

да га прекине. Драго јој је да има тако умног деду. **Смешка се и ликује у себи.** Користи сваки тренутак да буде са својим [Богдановић 2004: 152];

12) **изменение выражения глаз/лица**, связанное с возникновением эмоционального переживания: **Радость загорелась в маленьких глазках Штурман Жоржа**, и она сказала, смягчая свое контрастно: — Не надо, товарищи, завидовать [Булгаков 1984: 52];

13) **пульсация крови**: **Кад би добивао, ударила му је крв у главу и поглед му се маглио од зноја и врелине.** А кад би наишао већи губитак, чинило му се да му дах стаје и срце замире (о картежнике Букусе. — С. К.) [Andrić].

Очень часто контекст дает комплексное описание эмоционального состояния радости, сочетающее обозначение нескольких телесных признаков ее проявления:

У ходнику на клупи затичу баба Смиљу. Чула је разговор и познала Гордану. Хтела је да јој пође у сусрет, али су ноге отказале. Тугу и бол је научила да подноси, са **радошћу не уме да се носи.** Сузе крену **незадрживо и савлада је слабост.** Срце **отказује**, не ради више нормално, равномерно. Или се **едва чује, или луна и прескаче.** Најављује крај [Богдановић 2004: 49].

Испытываемое эмоциональное состояние предполагает действия со стороны субъекта состояния, возможно потенциальные:

а) разнородные двигательные действия (подпрыгивания, прыжки, пляска/танец и пр.): **Вот это да! Подходящая рыбка попалась... Я сплясал на берегу дикарский танец, закуканил добычу и снова схватил удочку** [Барышев 1986: 370];

б) звуковые проявления радости, как то: крики, возгласы, смех, восклицания (без словесного сопровождения):

А удостоверившись, что двигается, владеет всем телом своим, которое было безжизненно прежде, **закричал от радости** и пал перед старцами на колени [Алмазов 2007: 26]. В то время как Наташа, **хочоха от радости**, упивалась перед зеркалом своей волшебною красой, дверь открылась... [Булгаков 1984: 225]. — Нагрнуше, тако, одмах првих дана пролећа, кроз Баварску и Аустрију, **урлајући од радости** и ломећи ђумруке путем [Црњански 1978а: 165];

в) активные действия, связанные с благодарностью за выполненную работу / доставленное известие или что-либо другое, обусловившее возникновение позитивного эмоционального состояния радости:

Кад су прошли дан и ноћ девојка се очисти од губе и оздрави. **Краљ се веома обрадује и даде му пола краљевства и кћер за жену** [Сербские... 2014: 15]. Кад стиже вест да је Исакович остао жив и да их је још много живих у Немецкој, који ће презимити у туђини, али који ће се вратити с пролећа, идуће године, **залупаше у бубње, засвираше и заиграше, уз дипле и зурле, и цело се село опи ракијом од дудиња, крстећи се и љубећи се,** над широким поплавама и баруштинама, што су расле сваки дан, све више [Црњански 1978а: 161].

Комплексное описание эмоционального состояния радости может включать глаголы двуправленного действия, а также глаголы, связанные с выражением эмоционального отношения:

— Ура! — завопил Санька, **бросаясь обнимать сияющего лейтенанта. Тот сгреб его в охапку и закружился** по комнате, тоже вопя во все горло: — Ура героям-чекистам [Поливин 1976: 194]. — Затвара полако вратанца и упућује се стазом према ораху. Старина се трза. Окреће главу и примећује је. Она му трчи у сусрет. Он устаје. **Прима је у загрљај, љуби јој косу, милује је, а она плаче.** Не може ни реч да изустити [Богдановић 2004: 47].

Заклучение

Для современной науки изучение проблемы субъектных эмоциональных состояний является одним из ведущих направлений. Лингвистика на основе психологической теории формирует научные исследования отображения человеческих эмоций в тексте посредством различных языковых конструкций. Значимым в данном аспекте является выявление и классифицирование симптоматических показателей той или иной эмоции.

Эмоциональное переживание радости может выражаться словесно и «языком тела». К симптомам проявления радости, обнаруженным в художественной литературе на сравниваемых славянских языках, относятся: дрожь в теле, жар, слезы,

учащенное сердцебиение, затруднение дыхания, ощущение внутренней теплоты, ощущение дурноты, сияние/свечение глаз, временная потеря голоса. Данный список нельзя считать полным, поскольку симптоматика рассматриваемого эмоционального состояния и номинация средств его выражения «языком тела», несомненно, не исчерпывается приведенным материалом.

Испытывая сильные эмоции, человек склонен не контролировать свои действия. При изучении художественных текстов автором были обнаружены многочисленные сопроводительные действия, связанные с проявлением радости, номинируемые с помощью глаголов поступательного движения субъекта; прикосновения; речевой деятельности, связанных со звучащей речью; эмоционального состояния, связанных со степенью его проявления; внешнего выражения отношения и др.

ИСТОЧНИКИ

Алмазов 1 — Алмазов Б. А. *Боберман-стюдебеккер*. URL: https://4italka.site/detskoe/detskaya_proza/131342/fulltext.htm (дата обращения: 12.05.2022).

Алмазов 2 — Алмазов Б. А. *Самый красивый конь*. URL: https://4italka.site/detskoe/detskaya_proza/122636/fulltext.htm (дата обращения: 20.05.2023).

Алмазов 1987 — Алмазов Б. А. *Синева*. Л.: Дет. лит., 1987. 143 с.

Алмазов 1989 — Алмазов Б. А. *А и Б сидели на трубе*. Л.: Дет. лит., 1989. 188 с.

Алмазов 2007 — Алмазов Б. А. *Святой Илья из Мурома*. М.: Яуза-пресс; Эксмо; Лепта книга, 2007. 512 с.

Барышев 1986 — Барышев М. И. *Потом была победа*. М.: Худож. лит., 1986. 416 с.

Бахревский 1988 — Бахревский В. А. *Агей*. М.: Дет. лит., 1988. 79 с.

Булгаков 1984 — Булгаков М. А. *Мастер и Маргарита*. М.: Современник, 1984. 368 с.

Петров 1996 — Петров М. Т., Обручев В. А. *Прерванное путешествие; Земля Санникова*. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1996. 352 с.

Погодин 1988 — Погодин Р. П. *Лазоревый петух моего детства*. М.: Сов. Россия, 1988. 464 с.

Поливин 1976 — Поливин Н. Г. *Корабельная сторона*. М.: Московский рабочий, 1976. 416 с.

Сербские... 2014 — *Сербские рассказы и сказки: тексты для комментированного чтения с упражнениями*. Дракулич-Прийма Д. (сост.). СПб.: КАРО, 2014. 160 с.

Андрић 1964 — Андрић И. *Панорама*. Београд: Просвета, 1964. 352 с.

Андрић 1965 — Андрић И. *Приповетке*. Нови Сад: Матица српска; Београд: Српска Књижевна Задруга, 1965. 352 с.

Богдановић 2004 — Богдановић Б. *Кућа лепих усомена*. Јазак; КЗ «Другари», 2004. 242 с.

Хабјановић-Ђуровић 2015 — Хабјановић-Ђуровић Љ. *Гора преображења*. Београд: Глобосино, Александрија, 2015. 479 с.

Црњански 1978a — Црњански М. *Сеобе I*. Београд: Нолит, 1978. 252 с.

Црњански 1978b — Црњански М. *Сеобе II*. Београд: Нолит, 1978. 464 с.

Andrić — Andrić I. *Na Drini ćuprija*. СРБ_РУС. URL: <https://serblang.ru/infos.php?c=3674&id=4044> (дата обращения: 18.05.2020).

СЛОВАРИ И СПРАВОЧНИКИ

Блейхер 1995 — Блейхер В. М. *Толковый словарь психиатрических терминов*. Воронеж: МОДЭК, 1995. 640 с.

Летягова 2006 — Летягова Т. В. *Тысяча состояний души: краткий психолого-филологический словарь*. М.: Флинта; Наука, 2006. 424 с.

МАС 1984 — *Словарь русского языка. В 4 т. Т. 3. П-Р*. Евгеньева А. П. (ред.). М.: Русский язык, 1984. 752 с.

Степанов 2004 — Степанов Ю. С. *Константы: словарь русской культуры*. М.: Академический проект, 2004. 992 с.

Речник... 1990 — *Речник српскохрватскога књижевног језика. Књ. 5. П-С (претовар — стоти)*. Друго фототипско издање. Загреб; Нови Сад: Матица српска, 1990. 1040 с.

ЛИТЕРАТУРА

Буянова 2016 — Буянова Л. Ю. *Эмотивность и эмоциогенность языка: механизмы экспликации и концептуализации*. М.: Флинта; Наука, 2016. 232 с.

Вилюнас 2004 — Вилюнас В. *Психология эмоций*. СПб.: Питер, 2004. 496 с.

Дарвин 2009 — Дарвин Ч. О выражении эмоций у человека и животных. В сб.: *Психология мотивации и эмоций*. Гиппенрейтер Ю. Б., Фаликман М. В. (ред.). М.: АСТ; Астрель, 2009. С. 107–115.

Изард 2009 — Изард К. Э. *Психология эмоций*. СПб.: Питер, 2009. 464 с.

Ильин 2011 — Ильин Е. П. *Эмоции и чувства*. СПб.: Питер, 2011. 783 с.

Рубинштейн 2003 — Рубинштейн С. Л. *Основы общей психологии*. СПб.: Питер, 2003. 713 с.

Шаховский 2015 — Шаховский В. И. *Голос эмоций в языке: вом круге homo sentiens*. М.: Либроком, 2015. 144 с.

REFERENCES

Буянова 2016 — Buianova L. Iu. *Emotivity and emotionality of language: Mechanisms of explication and conceptualization*. Moscow: FLINTA Publ.; Nauka Publ., 2016. 232 p. (In Russian)

Вилюнас 2004 — Viliunas V. *Psychology of emotions*. St. Petersburg: Piter Publ., 2004. 496 p. (In Russian)

Дарвин 2009 — Darwin Ch. On the expression of emotions in humans and animals. In: *Psikhologiya motivatsii i emotsii*. Gippenreiter Iu. B., Falikman M.V. (eds). Moscow: AST Publ.; Astrel' Publ., 2009. P. 107–115. (In Russian)

Изард 2009 — Izard K.E. *The Psychology of Emotions*. St. Petersburg: Piter Publ., 2009. 464 p. (In Russian)

Ильин 2011 — Il'in E.P. *Emotions and feelings*. St. Petersburg: Piter Publ., 2011. 783 p. (In Russian)

Рубинштейн 2003 — Rubinshtein S.L. *Fundamentals of general psychology*. St. Petersburg: Piter Publ., 2003. 713 p. (In Russian)

Шаховский 2015 — Shakhovskii V.I. *The voice of emotion in the linguistic circle of homo sapiens*. Moscow: Librokom Publ., 2015. 144 p. (In Russian)

ОБРАЗНОЕ ВЫРАЖЕНИЕ СЕМАНТИЧЕСКИХ ПРИЗНАКОВ «ЦВЕТ» И «ЗАПАХ» ДЕНДРОНИМА АКАЦИЯ В РУССКИХ ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ XIX–XXI ВЕКОВ

MARINA G. SOKOLOVA

FIGURATIVE EXPRESSION OF SEMANTIC FEATURES THE “COLOR” AND “SMELL” OF THE DENDRONYM ACACIA IN RUSSIAN POETIC TEXTS OF THE 19TH–21ST CENTURIES

**Марина Геннадьевна
Соколова**

<https://orcid.org/0000-0002-0566-9905>

► msok71@mail.ru

доктор филологических наук, профессор

Тольяттинский государственный
университет,
Российская Федерация, 445020,
Тольятти, ул. Белорусская, 14

Marina G. Sokolova

Doctor in Philology, Professor

Togliatti State University,
14, ul. Belorusskaya, Togliatti,
445020, Russian Federation

В статье рассматриваются особенности образного выражения семантических признаков «цвет» и «запах» дендронима *акация* в русских поэтических текстах XIX–XXI вв. Используются описательный метод; структурно-семантический, контекстуальный, корпусный анализ. Установлен состав образов сравнения компаративных тропов, репрезентирующих семантические признаки «цвет» и «запах»: *акация — духи, золото, купола, мед, невеста, огонь, потока, пух, слезы, снег, хмель, южанка, янтарь, белесые звезды, белая коронация, белоснежная дымка, белоснежная тайна, душистая сеть, душистый жемчуг, горячий запах, нежный дух, пахучий ворох, пряный запах, прозрачный запах, пряная волна, седая, солнечный свет* и др. Описана эволюция общепоэтических образов сравнения в аспекте их формального и лексического варьирования: словообразовательная или синонимическая замена опорного слова; пополнение новыми образами сравнения на основе семантической смежности; взаимодействие в одном контексте нескольких образных ассоциаций. Определены средства авторской индивидуализации традиционных образов сравнения за счет антропоморфных тропов (*акация, как мать, откинула серебряную пряду; акация, укрытая белым пледом, очнувшаяся ото сна* и др.), расширения метафоры конкретизирующими оборотами (*запах летит, как белый аист; улыбка; белоснежный махаон*), соединения образов сравнения разных тематических сфер (*заводопадила соццветьями; ароматы нежных струй* и др.). Установлено, что основная функциональная нагрузка выявленных образных ассоциаций связана с усилением экспрессии наглядности при передаче отличительных онтологических свойств акации — пышного цветения гроздьями и аромата. Дается представление о комплексной визуализации лексемы *акация* как важном фрагменте образного поля дендронимов в русских поэтических текстах.

Ключевые слова: дендроним акация, компаративные тропы, русская поэзия, семантический признак.

The article examines the features of the figurative expression of the semantic features “color” and “smell” of the dendronym *acacia* in Russian poetic texts of the 19th–21st centuries. The descriptive, structural-semantic, contextual, corpus analysis methods are used. The registry of images of comparative tropes representing the semantic signs of “color” and “smell” has been established: *acacia — snow, gray, fire, whitish stars, white coronation, bride, snow-white mystery, fluff, tears, gold, amber, sunlight, domes, southerner, gentle spirit, honey, molasses, hops, spicy smell, fragrant network, transparent, hot smell, perfume, spicy wave, fragrant pearls, snow-white haze*, etc. The evolution of general poetic images of comparison in terms of their formal and lexical variation is described: word-formation or synonymous replacement of the reference word; replenishment with new images of comparison based on semantic adjacency; interaction of several

figurative associations in the same context. The author defines the means of individualization of traditional images of comparison due to anthropomorphic tropes (*acacia, like a mother, threw back a silver strand; acacia, covered with a white plaid, awakened from sleep*, etc.), expansion the metaphor with concretizing turns (*the smell flies like a white stork; a smile; a snow-white swallowtail*), due to connection images of comparison of different thematic spheres (*aromas of gentle streams*, etc.). It was established that the main functional load of the identified figurative associations is correlated with the strengthening of the expression of clarity in the transmission of the distinctive ontological properties of acacia — lush flowering in clusters and aroma. The idea of the complex visualization of the acacia lexeme as an important fragment of the figurative field of dendronyms in Russian poetic texts is given.

Keywords: dendronym acacia, comparative tropes, Russian poetry, semantic feature.

Введение.

Состояние изучения вопроса

Проблема изучения функционирования дендронимной лексики в художественном тексте в аспекте языковой репрезентации перцептивных признаков привлекает пристальное внимание как лингвистов, так и литературоведов. В современных лингвистических работах наблюдается активное обращение к дендрониму *акация* с позиций «колористической визуализации» в качестве фрагмента аксиологической картины мира К. Г. Паустовского [Сивова 2020]; описания перцептивной лексики, вербализирующей различные модусы перцепции растения в рассказе А. И. Куприна «Белая акация» [Филько 2022]; репрезентанта этнокультурного концепта «природа» в творчестве писателей Донбасса [Кононченко 2022]; компонента структуры визуальных метафор в лирике В. Полозковой [Вилкова 2023].

В литературоведческих трудах дендроним *акация* рассматривается в связи с выявлением флоросимволизма и флористического кода в романах И. А. Гончарова [Шарафадина 2010; Жулькова 2014], И. С. Тургенева [Проданик 2021], вербализацией запахов («ольфакторных образов») в творчестве А. И. Куприна [Близнюк 2021], поэзии А. Фета [Сагирова 2021]. Подчеркивается сюжетообразующая функция аромата акации, способность выступать растительным маркером характера персонажей, отражением душевного состояния главного

героя; связь темы запахов с темой любви и воспоминаний.

В обозначенных работах выявляется разнообразие аспектов и подходов к изучению дендронима *акация* в пространстве художественного текста: с точки зрения лингвистики цвета и авторской аксиологии; лингвопоэтики образа акации; структурно-семантических и лингвостилистических особенностей метафор; лингвокогнитивного и этнокультурного подходов.

Проведенный анализ многочисленных публикаций демонстрирует актуальность обозначенной проблемы исследования, которая определяется важной ролью дендронима *акация* в репрезентации этнической, индивидуально-авторской языковой картины мира, в формировании сюжета художественных текстов и их идейно-тематического своеобразия.

В предлагаемом исследовании рассматривается характеристика дендронима *акация* как компонента компаративных тропов по признакам «цвет» и «запах» в русских поэтических текстах.

Цель исследования — выявить особенности образного выражения семантических признаков дендронима *акация* в русских поэтических текстах XIX–XXI вв.

Методы

Методология исследования включает описательный метод; структурно-семантический, контекстуальный, корпусный анализ. Теоретико-методологической базой является лексико-семантическое описание структуры компаративного тропа как бинарной единицы, состоящей из предмета сравнения (например, растительной реалии) и образа сравнения (опорного слова — источника ассоциативного уподобления) [Кожевникова 2009]. Кроме того, актуальным для представленной работы является подход к изучению поэтической образности с позиций парадигматичности и воспроизводимости по определенным инвариантам [Григорьев 1979; Павлович 2004].

Методика исследования основана на авторской модели анализа образных полей дендронимов в русской поэзии с позиций системно-

функционального подхода [Соколова 2017; Соколова 2019; Соколова 2020]. В предлагаемой статье реализованы следующие шаги применения данной модели: 1) установление состава образов сравнения, репрезентирующих семантические признаки «цвет» и «запах»; 2) описание эволюции общепоэтических образов сравнения, то есть их лексического и формального варьирования в русском поэтическом языке; 3) определение средств авторской индивидуализации традиционных образов сравнения.

Решение обозначенных задач позволит выявить общепоэтическую традицию и индивидуально-авторское своеобразие образного восприятия и воплощения акации в поэтических текстах, относящихся к значительным хронологическим периодам, что характеризует научную новизну предлагаемой работы.

Материалом для исследования послужили Национальный корпус русского языка (поэтический подкорпус) [НКРЯ] и литературный портал «Стихи.ру» [Стихи.ру]. Объем проанализированного материала — 495 русских поэтических текстов XIX–XXI вв., репрезентирующих тропеическое употребление лексемы *акация*.

Обсуждение. Дендроним *акация* в лексикографическом контексте

В соответствии со словарными определениями лексема *акация* включает следующие семантические признаки: «дерево или кустарник», «семейство бобовых», «душистые цветы», «белые цветы», «с желтыми цветками» [МАС 1985: 28], а также «разновидность тропических и субтропических деревьев или кустарников», «семейство мимозовых», «ценная древесина», «серебристая» [Большой толковый словарь 2008: 31]. В словаре В. И. Даля содержится дополнительная информация о том, «что на юге у нас растет и белая, и алая» акация [Даль 1863: 8].

Происхождение данной лексемы имеет несколько версий, согласно которым ее древнейшая языковая форма включает признаки «невинный», «кроткий» [Фасмер 1996: 65] или «острый», «игла» [Черных 1999: 32]. По данным энциклопедических словарей, акация имеет «рассеченные, состоящие

из множества мелких листовидных образований» листья, «многочисленные цветки в головчатых или цилиндрических кистях, прямостоячих или пониклых» [Флора СССР 1945: 11].

Состав семантических признаков дендронима *акация* в поэтических контекстах XIX–XXI вв.

Анализ собранного материала показал, что дендроним *акация* в качестве предмета сравнения компаративных тропов реализует разнообразные семантические признаки:

- «взрыв» (*взрывается цветом акация*);
- «вода» (*грозди, как водопад; грозди стекают; заводопадила акация соцветьями; плещется море акации; акация струится вниз*);
- «выбивать чечетку» (о стручках акации);
- «горбатый» (*на листьях горбатых акаций*);
- «доброжелательный» (*доброжелательным, как цвет акации*);
- «дышать» (*дыханье акаций*);
- «звук» (*акация лепет; вечер в пении белых акаций; акация становится шумной; шепелявые акации и др.*);
- «летать», «яркий» (*лепестки акации, как мотыльки*);
- «нежный» (*акация нежней; ветка акации нежной; нежна, как мама*);
- «прозрачный» (*звонко прозрачная; прозрачно зыблемые акации; прозрачное кружево*);
- «радостный» (*радость акаций*);
- «расположение у дома» (*акация, нежно желтея, касается старого дворика; заглядывать в квартиру; обнимать дом; ползти в глубь окна; прильнуть к жалюзи; проситься в окно и другие образные ассоциации*);
- «спать» (*дремлют акации*);
- «тенистый» (*волосы акации тенистей; расплесканная тень акаций*);
- «тощий» (*больные и тощие акации; костлявые акации; под сенью тощих акаций; туберкулезная акация*);
- «узорный», «сквозной» (*из ветвей сквозной горячий свет; сетка; узорная нежнейшая листва*);

- «форма соцветий» (*головка цветущей акации; свисать виноградом*);
- «ходить» (*белая акация по горodu идет*).

Однако наиболее широкую и яркую образную реализацию получают семантические признаки «цвет» («белый», «желтый», «зеленый») и «запах» («душистый»). На взгляд автора статьи, ключевая роль данных характеристик объясняется их отнесенностью к наглядно-перцептивным признакам, отражающим конкретно-чувственное восприятие растения. Следовательно, они необходимы для объективации визуального поэтического образа акации. Кроме того, признаки «цвет» и «запах» представлены в структуре словарного значения лексемы и передают специфику соответствующего денотата в объективной действительности: прежде всего обильное цветение душистыми гроздьями.

Образное выражение семантического признака «белый»

Представим образы сравнения компаративных тропов, репрезентирующие семантические признаки «цвет» и «запах» дендронима *акация* в поэтических контекстах. Семантический признак «белый» выражается следующими образными ассоциациями:

- **акация (цветки) — снег** (образ сравнения используется поэтами В. Я. Брюсовым, Б. Н. Волковым, С. И. Кирсановым, З. Морской, С. Осенним, Г. Тимошенко-Терещенко и др.): «**Акации**, опьянены закатом, / Лют нежный дух, клоня свои листки, / К ним ветер льнет, и вихрем беловатым, / Как снег, летят пахучие цветки» (В. Я. Брюсов. «Цветы роняют робко лепестки...», 1918); «Расцвела снежная, / белая **акация**» (С. И. Кирсанов. «Расцвела снежная...», 1927); «Так ослепителен, так бел / Цветущий снег **акаций**» (Б. Н. Волков. «О, да, я знаю, получив ответ...», 1935)¹.

Эволюция данного устойчивого, повторяющегося образного соответствия осуществляется за счет словообразовательной замены опорного слова и варьирования формы выражения (адъективная, субстантивная метафора, сравнение): *снег акаций,*

снежная акация; цветы, как снег, а также через пополнение новыми образами сравнения на основе семантической смежности (*иней, метель*);

- **акация (цветки) — седая** (образ сравнения применяют поэты О. Ф. Берггольц, С. И. Липкин): «и душно пахло нефтью, и дрожала / седых **акаций** вычурная тень» (О. Ф. Берггольц. «Когда я в мертвом городе искала...», 1935–1947); «Мне кажется: **акация**, как мать, / Откинула серебряную прядь» (С. И. Липкин. «В стране деревьев и цветов лесных...», 1984).

Эволюция обозначенного образа сравнения происходит посредством синонимической замены опорного слова (*седой — серебряный*);

- **акация (цветки) — огонь, жар, дым** (образная ассоциация отмечается у С. В. Барта, И. П. Уткина, А. Филимонова и др.): «И снова жар **акаций**, / И снова сердцу петь» (С. В. Барт. «Играющий на скрипке...», 1918); «И без нас зажгут огни **акаций**, / И без нас весной / Пройдет вода» (И. П. Уткин. «Ты прости, что, временем пустая...», 1928); «Ее цветы так нежны и душисты, / Кружит повсюду аромата дым» (Г. Тимошенко-Терещенко. «Аромат акаций», 2016); «И стелется дымкой хмельной аромат, / Горят ветви белым пожаром» (А. Филимонов. «Белая акация», 2017).

Выделенный образ сравнения развивается путем пополнения новыми образами сравнения на основе семантической смежности (*жар, пожар, огни, гореть*);

- **акация (цветки) — белесые звезды**: «Белесые звезды **акации** / пылали над землей» (С. Я. Красовицкий. «Багровый цветок кирпичника...», 1955–1960);
- **акация (цветки) — белая коронация**: «А на дворе **акация**, **акация** цветет / В дни белой коронации девчонка парня ждет» (В. Гордейко. «А на дворе акация, акация цветет», 2002);
- **акация (цветки) — невеста**. Образ сравнения активно используется поэтами XXI в.: «Стоит в парке **акация** — красавица белая. / Невеста нарядная, ни с кем несравненная» (Л. Фур Шефер. «Муза Акация», 2013); «Не-

веста весенняя, белой фатой / Закрыла колючие ветви, / Пока не распухнет лист кружевной / И веточки вновь не окрепли» (А. Филимонов. «Белая акация», 2017);

- **акация (цветки) — белоснежная тайна:** «Сама акация стоит / Вся в тайне белоснежной» (О. Мегель. «Белая акация», 2016);
- **акация (цветки) — белый пух (пушистый плед):** «Там акация в цвету сочная, душистая. / Жду под нею я тебя в садике своем, / Словно пух она бела, нежно-серебристая» (О. Колесникова-Гончарова. «Акация в цвету», 2017); «Все ветви в белом — это ль не весна... / Укрытая пушистым белым пледом / Акация, очнувшись ото сна, / Любуется весенним чистым небом» (Д. А. Мамонтов. «Акация», 2017);
- **акация (цветки) — белые слезы:** «Конечно, акация раньше умела плакать. / А если я ветви пыталась еще нагнуть, / то белые слезы падали мне на платье» (Н. В. Николаева. «Акация», 2020).

Образное выражение семантических признаков «желтый» и «зеленый»

Семантический признак «желтый» представлен следующими образами сравнения тропов:

- **акация (цветки) — золото** (образ сравнения используют К. Д. Бальмонт, К. Н. Батюшков, В. И. Горьковский, С. А. Есенин, М. П. Загорский, В. В. Каменский, И. П. Крешев, Л. А. Лавров, А. Н. Майков, Б. А. Садовский и др.): «Под тению черемухи млечной / И золотом блистающих акаций / Спешу восстановить алтарь и муз, и граций, / Сопутниц жизни молодой» (К. Н. Батюшков. «Под тению черемухи млечной...», 1817); «И золотых акаций сени / На мягкий луг кидают тени» (М. П. Загорский. «Он сходит в сад. Прелестный край...», 1820–1824); «Под сенью древних лип и золотых акаций / Белеют кое-где статуи нимф и граций» (А. Н. Майков. «Вхожу с смущением в забытые палаты...», 1840)².

Обозначенный образ сравнения развивается за счет варьирования формы выражения (адъективная, глагольная, субстантивная метафора):

блистать золотом, золотые акации, золотистые расцветки, злато акаций, а также взаимодействия в одном контексте нескольких образных ассоциаций (*сени золотых акаций, золотая пурга, ламп золотая акация*);

- **акация (цветки) — янтарь:** «сквозь грозди янтарных акаций» (Н. Н. Ушаков. «Профессор закончил экзамен...», 1928);
- **акация (цветки) — солнечный цвет:** «Акация желтая росла у порога / И солнечным цветом светилась немного» (Л. Павлова. «Акация желтая росла у порога», 2021);
- **акация (цветки) — купола:** «А после на серебряных ветвях / Акация желтеет куполами» (Н. Морозова. «Ароматы желтой акации», 2023).

Образная реализация семантического признака «зеленый»:

- **акация (листья) — зеленоватый полусвет:** «В зеленоватый полусвет / Прозрачно зыблемых акаций» (Андрей Белый. «Одна сижу меж вешних верб...», 1905);
- **акация — южанка:** «Акация моя, акация! / Липа — та уже вся облетела, / а наша — южанка / темно-зеленая, не тронута седной» (Я. А. Сатуновский. «Акация моя, акация...», 1976).

Образное выражение семантического признака «душистый»

Данный признак вызывает многочисленные образные ассоциации у поэтов:

- **акация — нежный дух (аромат, запах, фиам).** Образ сравнения повторяется в поэтических контекстах В. Я. Брюсова, Н. Самоний и др.: «Акации, опьянены закатом, / Льют нежный дух, клоня свои листки» (В. Я. Брюсов. «Цветы роняют робко лепестки...», 1918); «Заводопадила акация соцветьями, / Вновь разливая ароматы нежных струй» (Н. Самоний. «Ласковый май», 2011).

Семантический признак реализуется в качестве эпитета и взаимодействия в одном контексте нескольких образных ассоциаций (вода — запах);

- **акация — мед (патока, нектар, сладкий).** Образ сравнения отмечается у Г. А. Шенгели, О. А. Юрьева, А. Гапояна, А. Филимонова, Д. Войт-Попадюк, Т. Грушиной и др.: «**Акации**, как Пропилеи, встали / И древностью, и медом, и любовью / Струятся вниз» (Г. А. Шенгели. «За окнами — многоэтажный дом...», 1925); «Блаженством душащий **акаций** сладкий смрад» (О. А. Юрьев. «Мы вышли из дому, был город странно пуст...», 2011); «Мотыльком в окошко ветерок впорхнул, / Запах от **акации** принес балагур... / Патокой блаженства напоил цветов» (А. Гапоян. «Белая акация», 2016)³.

Образ сравнения развивается за счет новых ассоциаций, связанных с семантической смежностью (*мед, патока, нектар*), словообразовательной замены опорного слова (*мед — нежно-медовый*);

- **акация (цветки) — хмель (дурман).** Образ сравнения используют М. Матусовский, А. А. Тарковский, Н. Шмойлова и др.: «Белой **акации** гроздь душистые / Ночь напролет нас сводили с ума» (М. Матусовский. «Белой акации гроздь душистые», 1976); «Пошли, будто спирту хлебнули: / — **Акация** — хмель» (А. А. Тарковский. «Я в детстве боялся растений...», 1976); «Цветение **акации** поздней весной... / Дурманит своей сладостью аромат земной» (Н. Шмойлова. «Акация», 2022).

Образ сравнения репрезентируется преимущественно глагольной метафорой: *сводит с ума, дурманит, хлебнуть спирта*; и конструкцией отождествления (*акация — хмель*);

- **акация (цветки) — пряный (острый) запах (настой).** Данное образное соответствие отмечается в произведениях С. И. Липкина, Б. Ш. Окуджавы, О. Борисовой и др.: «Я мог бы вернуться в свой город родной, / Где пахнут **акации** туго и пряно» (С. И. Липкин. «Я мог бы валяться в ложбине степной...», 1945); «Все те же леса, водопады, дороги и запах **акации** острый» (Б. Ш. Окуджава. «Он был худощав и насвистывал старый, давно позабытый мотив...», 1987); «Воздух насыщен цветеньем **акаций**, / Пря-

ным настоем пленит» (О. Борисова. «Запах акации», 2012).

Эволюция данного образного соответствия осуществляется за счет словообразовательной и синонимической замены опорного слова: *пряно — пряный; пряный — острый*; взаимодействия образов сравнения разных тематических сфер (*туго — пряно пахнуть*);

- **акация (листва) — душистая сеть:** «И **акаций** листва вокруг скамейки / Сеть душистую нежно сплела, — / Это дивная рамка была» (Максим Горький. «Это дивная рамка была!..», 1892);
- **акация — прозрачный запах:** «С прозрачным запахом **акаций** / смесился холодок дождя» (В. И. Нарбут. «И в небе облако, и в сердце...», 1920);
- **акация — пахучий ворох:** «Но там, где ворох **акаций** пахучих, / В кумирне — от моста направо» (Н. С. Тихонов. «Воскресных прогулок цветная плотва...», 1922–1940);
- **акация (цветки) — горячий запах:** «Была весна, и плыл горячий запах / Еще не распустившихся **акаций** / И влажной пыли» (Э. Г. Багрицкий. «В тот вечер мы стояли у окна...», 1923);
- **акация (цветки) — ронять аромат:** «Пока цветут **акации** и клены, / Роняя аромат на тротуар» (Н. М. Коржавин. «Гуляли, целовались, жили-были...», 1944);
- **акация — духи:** «Как будто кто духи разлил / Флаконов миллионы — / Так цвет **акации** пленил / Весенний лес зеленый» (О. Мегель. «Белая акация», 2016); «**Акация**, как тонкие духи, / Повсюду сладкий запах разливала» (М. Троянович. «Моя акация», 2019).

Образное выражение синестезии признаков «цвет» и «запах»

Образы сравнения, передающие синестезию признаков «цвет» и «запах»:

- **душистые кусты — золото:** «Дриада, скрытая душистыми кустами / Златой **акации**, внимала ей не раз» (И. П. Крешев. «Ты видишь у ручья обломок ивы дикой?», 1842);

- **акация (цветки) — белая пряность:** «В белой рьяности волн, / Прячась / В белую пряность **акаций**» (Б. Л. Пастернак. «Девятьсот пятый год», 1925–1926);
- **акация (белые цветки) — нежный фимиам:** «Белые цветочки — нежный фимиам, / В белых лепесточках чувств весенних шарм» (А. Гапоян. «Белая акация», 2016);
- **акация (цветки) — пряная пенистая волна:** «А здесь цвела **акация**. И пряно / Душистых гроздьев пенистой волной / Светло тянулась к моему лицу» (М. Троянович. «Моя акация», 2019);
- **акация (аромат) — летит, как (снег, белый аист, белая улыбка, белоснежный махаон):** «Я закрывал глаза — она плыла, / И аромат летел, как белый аист, / Как снег, как белоснежный махаон, / Как белая улыбка, в сердце прямо» (М. Троянович. «Моя акация», 2019);
- **акация — жемчуг душистый:** «Смотрю с восхищеньем на жемчуг душистый, / Вдыхая цветочный бальзам» (Д. Войт-Попадюк. «Акация», 2021);
- **акация — белоснежная дымка:** «И братство пчел жужжит у каждого цветка, / Я помню сладость белоснежной дымки» (Т. Грушина-Пуга. «Акации цветут», 2022).

Отдельные устойчивые, повторяющиеся образы сравнения, передающие поэтическое восприятие акации, приобретают авторскую индивидуализацию следующими способами:

- развертывание антропоморфного тропа посредством расширяющего контекста: например, **акация (цветки) — снег:** *акация, как мать, откинула серебряную прядь; акация, укрытая белым плодом, очнувшаяся ото сна;*
- соединение образов сравнения разных тематических сфер: например, **акация — мед (патока, нектар, сладкий):** *струиться медом; пахнуть нектарной сонатой; патока блаженства; акация (цветки) — пряный (острый), нежный запах (настой):* *белая пряность — белая рьяность волн, пряная пенистая волна; заводопадила соцветьями; ароматы нежных струй; душистый жемчуг;*

акация (цветки) — огонь, жар, дым: *сладость белоснежной дымки;*

- расширение метафоры сравнительными оборотами: *запах летит, как белый аист; улыбка; белоснежный махаон.*

Выводы

Таким образом, в русских поэтических текстах XIX–XXI вв. репрезентируются разнообразные перцептивные семантические признаки дендронима *акация*, передающие представления о форме листьев, соцветий, ветвей растения, месте произрастания, обильном цветении, аромате. Среди них устойчивостью, частотной воспроизводимостью характеризуются признаки «цвет» и «запах». Наиболее яркое образное выражение получают семантические признаки «белый», «желтый», «зеленый», «душистый», которые широко реализуются как традиционными, общепоэтическими образами сравнения, так и индивидуально-авторскими ассоциациями. В состав общепоэтических образов сравнения включены: *снег, седая, огонь (жар, дым), невеста, пух, золото, нежный дух (аромат, запах, фимиам), мед, хмель (дурман), пряный запах* и др. Многие общепоэтические образные соответствия получают в поэтических контекстах авторскую индивидуализацию за счет антропоморфных тропов, расширения метафоры конкретизирующими оборотами, соединения образов сравнения разных тематических сфер. Основная функциональная нагрузка выявленных образных ассоциаций связана с усилением экспрессии наглядности при передаче авторами отличительных онтологических свойств акации. Описание перцептивных образов сравнения позволяет охарактеризовать фрагмент образного поля дендронимов в поэтических текстах, относящихся к значительным хронологическим периодам, что представляется важным в связи с необходимостью систематизации образных средств поэтического языка и выявлением их динамики.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ «Земля, как снегом, усыпана / Лепестками твоих цветов» (З. Морская. «Акация белая», 2008); «Метель цветов, нарядное монисто, / Заполонила скверы и сады»

(Г. Тимошенко-Терещенко. «Аромат акаций», 2016); «на акациях иней — / Белые гроздьи в зеленом» (С. Осенний. «Акация белая», 2021); «Белая акация летом отцвела, / снег пушистый падает, ты белым-бела» (А. Длинка. «Белая акация», 2023) и др.

² «Ряды акаций сад обстали. / В них золотой дробится свет» (Б. А. Садовской. «Ряды акаций сад обстали...», 1908); «Впервые вышел я на утренний балкон, / Была акация в расцветах золотистых» (К. Д. Бальмонт. «Прости меня, прости. Цветы дышали пряно...», 1914); «Я весь среди злата акаций / У заветно-приветных мимоз» (В. В. Каменский. «Эй, невесты — девушки — сестры», 1916); «Нужно остаться, остаться, / Чтобы вскипела месть / Золотою пургой акаций» (С. А. Есенин. «Ох, как устал и как болит нога...», 1921); «В каменных юбках плавильные печи / А электричество: ламп золотая акация» (Л. А. Лавров. «Так ты, говоришь, бригадир, из вояжа?...», 1941–1942).

³ «Красивые грозди, как водопад, / Стекают и манят нектаром» (А. Филимонов. «Белая акация», 2017); «Весь воздух сладчайшим пропах ароматом, / Свой шлейф растянув за версту, / И нежно-медовой нектарной сонатой / Акация пахнет в цветку» (Д. Войт-Попадюк. «Акация», 2021); «Акации цветут и млеют небеса, / Нектаром упиваясь их медовым» (Т. Грушина Пуга. «Акации цветут, 2022).

ИСТОЧНИКИ

НКРЯ — Национальный корпус русского языка. URL: <http://ruscorpora.ru> (дата обращения: 08.07.2024).

Стихи.ру — Стихи.ру: Российский литературный портал. URL: <https://o.stihi.ru/> (дата обращения: 08.07.2024).

СПРАВОЧНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Большой толковый словарь 2008 — *Большой толковый словарь русского языка*. Кузнецов С. А. (гл. ред.). СПб.: Норинт, 2008. 1536 с.

Даль 1863 — Даль В. И. *Толковый словарь живого великорусского языка*. В 4 ч. М.: Изд. О-ва любителей рос. словесности, учрежд. при Императ. Моск. ун-те, 1863. Ч. 1. 627 с.

МАС 1985 — *Словарь русского языка*. В 4 т. Евгеньева А. П. (ред.). М.: Русский язык, 1985. Т. 1. 696 с.

Фасмер 1996 — Фасмер М. *Этимологический словарь русского языка*. В 4 т. Т. 1. Ларин Б. А. (ред.). М.: Терра, 1996. 573 с.

Флора СССР 1945 — *Флора СССР*. В 30 т. Т. 11. Комаров В. Л. (гл. ред.). М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1945. 432 с.

Черных 1999 — Черных П. Я. *Историко-этимологический словарь современного русского языка*. В 2 т. Т. 1. М.: Русский язык, 1999. 624 с.

ЛИТЕРАТУРА

Близнюк 2021 — Близнюк В. А. Художественные функции ольфакторных включений в творчестве А. И. Куприна:

цветочные ароматы. В сб.: *Слово и текст: теория и практика коммуникации*. Сб. науч.-методич. тр. (Армавир, 18 января 2021 г.). Армавир: Армавирский гос. пед. ун-т, 2021. Вып. 13. С. 118–122.

Вилкова 2023 — Вилкова А. В. Миромоделирующая функция метафоры (на материале творчества В. Полозковой). *Отечественная филология*. 2023, (3): 36–43.

Григорьев 1979 — Григорьев В. П. *Поэтика слова: на материале русской советской поэзии*. М.: Наука, 1979. 343 с.

Жулькова 2014 — Жулькова К. А. Флоропоэтология в работах К. И. Шарафадиной (сводный реферат). *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 7: Литературоведение*. 2014, (1): 71–78.

Кожевникова 2009 — Кожевникова Н. А. Гнезда тропов русской литературы XIX–XX веков. В кн.: *Избранные работы по языку художественной литературы*. Петрова З. Ю. (ред.). М.: Знак, 2009. С. 601–604.

Кононченко 2022 — Кононченко Ю. А. Этнокультурный концепт «природа» в поэтической картине мира писателей Донбасса. *Ученые записки Петрозаводского государственного университета*. 2022, (1): 36–42.

Павлович 2004 — Павлович Н. В. *Язык образов: парадигмы образов в русском поэтическом языке*. 2-е изд., испр. и доп. М.: Азбуковник, 2004. 527 с.

Проданик 2021 — Проданик Н. В. Семиотический код флоры, его функция, принципы и поэтика в романе И. С. Тургенева «Отцы и дети». *Слово. Текст. Контекст*. 2021, (2): 53–58.

Сагирова 2021 — Сагирова Э. М. Ольфакторная поэтика лирики А. А. Фета. В сб.: *Слово в зеркале истории языка. Сб. тезисов IV Всерос. науч. чтений с междунар. участием (Набережные Челны, 2 июня 2021 г.)*. Набережные Челны: Набережночелнинский гос. пед. ун-т, 2021. Вып. 2. С. 81–83.

Сивова 2020 — Сивова Т. В. Растительный мир в художественной аксиологии К. Г. Паустовского: акация в аспекте индивидуально-авторской колористической визуализации. В сб.: *Русистика и компаративистика. Сб. науч. тр. по филологии*. М.: Книгодел, 2020. С. 133–144.

Соколова 2017 — Соколова М. Г. Динамика образа клена в лирике С. А. Есенина: лингвопоэтический аспект. *Русистика без границ*. 2017, (4): 35–40.

Соколова 2019 — Соколова М. Г. Развитие семантических признаков дендронима *тополь* в поэтическом языке XIX–XX веков. *Балтийский гуманитарный журнал*. 2019, 1 (26): 148–152.

Соколова 2020 — Соколова М. Г. *Эволюция конституентов образных полей дендронимов в русской поэзии XVIII–XX веков: системно-функциональный подход*. Тольятти: Изд-во ТГУ, 2020. 184 с.

Филько 2022 — Филько Н. Н. Перцептивная лексика в художественном пространстве рассказа А. Куприна «Белая акация». В сб.: *Слово и текст: теория и практика коммуникации*. Сб. науч.-методич. тр. Армавир: Армавирский гос. пед. ун-т, 2022. С. 250–252.

Шарафадина 2010 — Шарафадина К. А. Незамеченный флоромотив романной трилогии Гончарова. В кн.: Доманский В. А., Кафанова О. Б., Шарафадина К. И. *Литература в синтезе искусств*. В 3 т. Т. 1. СПб.: СПГУТД, 2010. С. 198–213.

REFERENCES

- Близнюк 2021 — Blizniuk V. A. Artistic functions of olfactory inclusions in the works of A. I. Kuprin: Floral aromas. In: *Slovo i tekst: teoriia i praktika kommunikatsii: sbornik nauchno-metodicheskikh trudov (Armavir, 18 ianvaria 2021 g.)*. Armavir: Armavirskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet Publ., 2021. Iss. 13. P. 118–122. (In Russian)
- Вилкова 2023 — Vilko A. V. The world-modeling function of metaphor (based on the material of V. Polozkova's creativity). *Otechestvennaia filologiya*. 2023, (3): 36–43. (In Russian)
- Григорьев 1979 — Grigor'ev V. P. *The poetics of the word: Based on the material of Russian Soviet poetry*. Moscow: Nauka Publ., 1979. 343 p. (In Russian)
- Жулькова 2014 — Zhul'kova K. A. Floropoethology in the works of K. I. Sharafadina (summary abstract). *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaia i zarubezhnaia literatura. Seriya 7: Literaturovedenie*. 2014, (1): 71–78. (In Russian)
- Кожевникова 2009 — Kozhevnikova N. A. Nests of tropes of Russian literature of the 19th–20th centuries. In: *Izbrannye raboty po iazyku khudozhestvennoi literatury*. Petrova Z. Iu. (ed.). Moscow: Znak Publ., 2009. P. 601–604. (In Russian)
- Кононченко 2022 — Kononchenko Iu. A. The ethnocultural concept of “nature” in the poetic picture of the world of Donbass writers. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2022, (1): 36–42. (In Russian)
- Павлович 2004 — Pavlovich N. V. *The language of images: Paradigms of images in the Russian poetic language*. 2nd ed. Moscow: Azbukovnik Publ., 2004. 527 p. (In Russian)
- Проданик 2021 — Prodanik N. V. The semiotic code of the plant world, its functions, principles and poetics in I. S. Turgenev's novel “Fathers and children”. *Slovo. Tekst. Kontekst*. 2021, (2): 53–58. (In Russian)
- Сагирова 2021 — Sagirova E. M. Olfactory poetics of A. A. Fet's lyrics. In: *Slovo v zerkale istorii iazyka: sbornik tezisov IV Vserossiiskikh nauchnykh chtenii s mezhdunarodnym uchastiem (Naberezhnye Chelny, 2 iunia 2021 g.)*. Naberezhnye Chelny: Naberezhnochelnyinskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet Publ., 2021. Iss. 2. P. 81–83. (In Russian)
- Сивова 2020 — Sivova T. V. The plant world in K. G. Pautovsky's artistic axiology: Acacia in the aspect of individual author's coloristic visualization. In: *Rusistika i komparativistika: sbornik nauchnykh trudov po filologii*. Moscow: Knigodel Publ., 2020. P. 133–144. (In Russian)
- Соколова 2017 — Sokolova M. G. Dynamics of the maple image in S. A. Yesenin's lyrics: A linguopoetic aspect. *Rusistika bez granits*. 2017, (4): 35–40. (In Russian)
- Соколова 2019 — Sokolova M. G. The development of semantic features of the dendronym *poplar* in the poetic language of the 19th–20th centuries. *Baltiiskii gumanitarnyi zhurnal*. 2019, 1 (26): 148–152. (In Russian)
- Соколова 2020 — Sokolova M. G. *Evolution of constituents of figurative fields of dendronyms in Russian poetry of the 18th–20th centuries: System-functional approach*. Tolyatti: Tol'iattinskii gosudarstvennyi universitet Publ., 2020. 184 p. (In Russian)
- Филько 2022 — Fil'ko N. N. Perceptual vocabulary in the artistic space of A. Kuprin's short story “White Acacia”. In: *Slovo i tekst: teoriia i praktika kommunikatsii: sbornik nauchno-metodicheskikh trudov*. Armavir: Armavirskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet Publ., 2022. P. 250–252. (In Russian)
- Шарафадина 2010 — Sharafadina K. A. The unnoticed floral motif of Goncharov's novel trilogy. In: Domanskii V. A., Kafanova O. B., Sharafadina K. I. *Literatura v sinteze iskusstv*. In 3 vols. St. Petersburg: Sankt-Peterburgskii gosudarstvennyi universitet promyshlennykh tekhnologii i dizaina Publ., 2010. Vol. 1. P. 198–213. (In Russian)

ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ ИЗ КОМЕДИИ А. С. ГРИБОЕДОВА «ГОРЕ ОТ УМА» (НА ФОНЕ СЛОВАЦКОГО И АНГЛИЙСКОГО ПЕРЕВОДОВ)

KRISTINA NOVAKOVA, EKATERINA S. STOLIAROVA
PROVERBS AND IDIOMS FROM THE COMEDY "WOE FROM WIT" BY ALEXANDER GRIBOYEDOV
(AS COMPARED TO SLOVAK AND ENGLISH TRANSLATIONS)

Кристина Новакова

<https://orcid.org/0000-0002-9703-9459>

► novak.kristi@gmail.com
преподаватель

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Kristina Novakova

Lecturer

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg,
199034, Russian Federation

**Екатерина Сергеевна
Столярова**

<https://orcid.org/0009-0006-7335-2818>

► st121453@student.spbu.ru
магистрант

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Ekaterina S. Stoliarova

Master Student

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg,
199034, Russian Federation

Статья посвящена вопросу передачи русских пословиц и поговорок из комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» на словацком и английском языках. Целями исследования являются сопоставление текста на русском языке и художественных переводов данного текста на иностранные языки, а также стилистическая характеристика паремиологических и фразеологических единиц. В качестве исходного материала были использованы пьеса А. С. Грибоедова «Горе от ума» на русском языке, опубликованная в 1987 г. в издательстве «Советский писатель», и варианты ее переводов 1986 и 2017 гг. на словацкий и английский языки соответственно. Применялись такие методы исследования, как компаративный и дескриптивный анализ текстов, а также стилистическое комментирование и системно-функциональный анализ. Установлено, что чаще всего семантика пословиц и поговорок передается посредством методов описательного перевода и калькирования. Это влияет на афористичность и экспрессивность паремии и фразеологизма. Однако стоит отметить, что переводчики в художественных переводах также пытаются сохранять ритмическую организацию текста, не применяя такие способы перевода, как эквивалент или частичное соответствие. Отмечено разовое использование псевдопословичного перевода в британском варианте. Теоретическую базу настоящей работы составляют труды востоковеда Г. Л. Пермякова, который впервые ввел в научный лексикон понятие «паремиологический минимум», и филолога А. В. Федорова, заложившего основы теории художественного перевода в СССР.

Ключевые слова: Грибоедов, пословица, поговорка, перевод, словацкий язык, английский язык.

The article is devoted to the adaptation of proverbs and idioms of Russian origin in the Slovak and English versions of the comedy "Woe from Wit" by Alexander Griboyedov. The purpose of the study is the comparison of the Russian text to its translations into foreign languages alongside the stylistic characteristics of paremiological and phraseological units. The source material is the original Russian text "Gore ot uma", published in 1987 by Publishing house "Sovetskii pisatel", and its translations made in 1986 and 2017 in Slovak and English, respectively. The research methods include comparative and descriptive text analysis, as well as stylistic commentary and functional analysis. The article demonstrates that the translators most often convey the semantics of proverbs and idioms through descriptive and word-for-word translation. This affects the aphorism and expressiveness of the expressions. However, it is worth noting that the translators tried to maintain the rhythmic organization of the text, despite the fact that such translation methods as equivalent or partial correspondence are not used. The study also reveals the one-time use of a "pseudo-proverb" translation in the English

version. The theoretical basis of the article is inspired by the works of orientalist G. L. Permyakov, who was the first to introduce the concept of “paremiological minimum” into the scientific lexicon, and philologist A. V. Fedorov, who laid the foundations for the theory of literary translation in the USSR.

Keywords: Alexander Griboyedov, proverb, idiom, translation, Slovak language, English language.

Введение

Пословицы и поговорки являются украшением речи носителей того или иного языка, с их помощью человек может выразить свое мнение или добавить экспрессивности речи. Они используются в публицистике, в речи известных личностей, в том числе государственных лиц; в повседневной жизни обыватель, иногда неосознанно, употребляет их для описания различных ситуаций. До сих пор имеются разные точки зрения на статусы пословицы и поговорки. В рамках данной работы авторы опираются на мнение исследователей, которые не ставят знака равенства между пословицей, или паремиологической единицей (далее — ПЕ), и поговоркой, или фразеологической единицей (далее — ФЕ) [Пермяков 1988; Бредис, Ломакина, Мокиенко 2019; Котова 2010].

Целью данной статьи является выявление пословиц и поговорок в комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» и анализ их передачи при переводе на словацкий и английский языки. В ходе работы будут даны стилистические характеристики контекстных реализаций пословиц и поговорок в интернет-пространстве.

Применены методы дескриптивного и компаративного анализа, а также стилистическое комментирование и метод системно-функционального анализа.

Актуальность и новизна исследования обусловлены тем, что в рамках сопоставительной паремиологии и фразеологии, которая все больше привлекает внимание ученых, будет проанализирована возможность передачи содержания русских пословиц при переводе их на словацкий и английский языки.

По выявлению пословиц и поговорок в исходном и переводных текстах и их сопоставлению будут рекомендованы в первую очередь такие

методы перевода, которые способствуют более полной передаче смысла пословичного и фразеологического изречения с сохранением его афористичности и метафоричности.

На этапе рассмотрения перевода пословиц авторы статьи опирались на работы исследователей в области переводоведения — А. В. Федорова [Федоров 2002], В. С. Виноградова [Виноградов 2001] и В. Н. Комиссарова [Комиссаров 1999].

Пословицы и поговорки отобраны методом сплошной выборки из пьесы А. С. Грибоедова «Горе от ума» (Г.) [Грибоедов 1987], рассмотрены их варианты в художественных переводах на словацкий (GSL) [Gribojedov 1986] и английский (GEN) [Griboyedov 2017].

Передача паремиологических единиц в словацком и английском текстах

Пословица *Блажен, кто верует, тепло ему на свете!* (Г., действие 1, явление 7, с. 68) встречается в «Русско-немецко-польском словаре активных пословиц» [Walter et al. 2014] и «Словаре русской фразеологии» (историко-этимологическом справочнике) А. К. Бириха, В. М. Мокиенко, Л. И. Степановой [Бирих, Мокиенко, Степанова 1998]. Как указывает В. М. Мокиенко, данное выражение «восходит к Библии. В Евангелии от Марка воскресший Иисус говорит своим ученикам: “Кто будет веровать и креститься, спасен будет; а кто не будет веровать, осужден будет” (Мк 16, 16). Тем самым верующим обещается после смерти вознестись на небо» [Walter et al. 2014: 37].

В словацком варианте применен метод описательного перевода, чтобы фраза была корректно воспринята носителем данного языка: *Šťastný, kto verí, netrápia ho mory!* / букв.: Счастливым, кто верит, его не беспокоит ночной кошмар! (GSL, s. 21). Несмотря на то что пословица имеет библейское происхождение, автор перевода не стал обращаться к христианским источникам.

Британский историк и журналист Б. Парес также не опирается на конкретную цитату из Библии или словаря, а калькирует фразу, то есть почти дословно ее воспроизводит: *Thrice blessed who believes; believing warms the heart* / букв.: Трижды блажен, кто верует; вера согревает сердце (GEN, p. 46).

Следующая поговорка *Грех не беда, молва не хороша* (Г., действие 1, явление 5, с. 63) присутствует как минимум в трех словарях: во втором томе «Пословиц русского народа» В. И. Даля [Даль 1989b], «Большом словаре русских пословиц» (далее — БСРПл) В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитиной, Е. К. Николаевой [Мокиенко, Никитина, Николаева 2010] и «Ходячих и метких словах» М. И. Михельсона [Михельсон 1896]. У В. И. Даля приведены два похожих варианта: *Грех не беда, да слава не хороша* [Даль 1989b: 230], где он указывает авторство А. С. Грибоедова, и *Грех не беда, молва не хороша. Что-то скажут на улице!* [Даль 1989b: 178] (без указания авторства). В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина и Е. К. Николаева ссылаются и на В. И. Даля, и на М. И. Михельсона, и на А. С. Грибоедова: *Грех не беда — [да] молва (слава) не хороша* [Мокиенко 2010: 220]. У М. И. Михельсона поговорка полностью соответствует варианту из комедии, за исключением знака пунктуации — тире вместо запятой: *Грех не беда — молва не хороша* [Михельсон 1896: 81].

В словацком языке фраза подверглась дескриптивному переводу: *Hriech nie je strašný, zlo je v klebetách* / букв.: Грех не страшен, зло — в сплетнях (GSL, s. 17). В публицистических текстах данный вариант перевода к текущему моменту не применялся. Однако употребляется антоним *Čo je pravda, nie je hriech* / букв.: То, что правда, не грех [Záturecký 1896: 45]. Например, поговорку удалось обнаружить в словацком интернет-издании *Sme* в разделе *Blog* в заголовке и в самом тексте в сокращенном варианте: *Pravda nie je hriech?* / букв. Правда не грех?¹

В английском тексте поговорка была переведена следующим образом: *It's not the doing wrong; it's what they say that matters* / букв.: Дело не в том, что это неправильно; то, что они говорят, это имеет значение (GEN, p. 38). В словарях и неформальной коммуникации фраза не употребляется. В данном примере вследствие отсутствия поговорочной параллели или аналога использован метод описательного перевода. В итоге в английском языке, как и в словацком, фраза потеряла свою афористичность и экспрессивность.

Пословица *Злые языки страшнее пистолета* (Г., действие 2, явление 11, с. 95) встречается

в БСРПл [Мокиенко, Никитина, Николаева 2010: 1014], «Русско-немецко-польском словаре активных пословиц» [Walter et al. 2014: 358] и «Словаре русской фразеологии» [Бирих 1998: 650]. Данную поговорку носитель русского языка может использовать в следующем значении: 'кто-то со злобой и особой язвительностью о чем-то или о ком-то говорит, и это может впоследствии навлечь страдания, в том числе на самого говорящего' [Walter et al. 2014, Серов 2005]. Также существует поговорка *Злые (дурные) языки* [Мокиенко, Никитина 2007: 770], значение которой корреспондирует с поговоркой.

В словацком языке переводчик применил метод калькирования: *Ach, zlé jazyky horšie od pištole* / букв.: Ах, злые языки страшнее пистолета (GSL, s. 47). При этом в третьем выпуске тетрадей паремнографа (далее — ТП 3) представлен похожий вариант: *Zlý jazyk veľa zla narobí* / букв.: Злой язык принесет много зла [Котова, Сергиенко, Тарараева 2017: 277] (ответили шесть информантов, но примеров контекстной реализации не найдено ни на 2017 г., ни на 2024 г.). В словаре словацкого паремнографа А. П. Затурского зафиксированы поговорки *Zlý jazyk moc zlého narobí* / букв.: Злой язык может много плохого натворить [Záturecký 1896: 53] и *Zlý jazyk od jedovatého hada horší* / букв.: Злой язык хуже ядовитой змеи [Záturecký 1896: 53]. Представленный вариант не найден в публицистических текстах. Однако существует фразеологизм *Zlé jazyky hovoria, že...* / букв.: Злые языки говорят, что..., который часто употребляется в значении 'идут слухи, что...'².

В «Русско-немецко-польском словаре активных пословиц» В. М. Мокиенко приводит русскую поговорку, которая является синонимом поговорки, представленной А. С. Грибоедовым: *Язык без костей, а кости ломают* [Walter et al. 2014: 280]. Данную поговорочную параллель удалось зафиксировать в словаре А. П. Затурского: *Jazyk nemá kosti, ale kosti láme* / букв.: Язык не имеет костей, но кости ломает [Záturecký 1896: 53]. В ТП 3 [Котова, Сергиенко, Тарараева 2017: 97–98] исследователи, проводя социолингвистический паремнологический эксперимент, добавили эту поговорку, однако ни один из информантов не предложил

продолжение пословицы, как в словаре А. П. Загурского.

В рассматриваемом переводе на английский язык *Alas! Malicious tongues are worse than pistol shot!* / букв.: Увы! Злые языки хуже, чем выстрел из пистолета (GEN, р. 96), также использован метод калькирования. В английском языке существует пословица, которая частично передает смысл паремии из пьесы: *Words have wings and cannot be recalled*. Данная фраза является пословичной параллелью к русской фразе: *Слово не воробей, вылетит — не поймаешь* [Котова, Колпакова 2018: 177; Кузьмин, Шадрин 1996: 241].

Пословичное выражение *И дым Отечества нам сладок и приятен* (Г., действие 1, явление 7, с. 69) знакомо носителю русского языка не только благодаря А. С. Грибоедову. Данное изречение «перекочевало» в русский язык по самой популярной версии из латыни: *Et fumus patriae est dulcis*. — *И дым отечества нам сладок* [Бабичев, Боровский 1988: 231]. Лексикограф Н. Т. Бабичев и филолог-классик Я. М. Боровский указывают, что источником изначально были стихи из «Писем с Понта» Овидия. Латинская пословица была использована в качестве эпиграфа к журналу «Российский музей» (1792–1794) [Бабичев, Боровский 1988].

В «Словаре русской фразеологии» (историко-этимологическом справочнике) авторы дают следующее объяснение ПЕ: «На родине все дорого, все мило — даже неприятные вещи» [Бирих, Мокиенко, Степанова 1998: 177].

В словацком варианте фраза переведена с применением метода калькирования: *Dym otčiny — aj ten nám býva milý, sladký!* / букв.: Дым отечества нам также ласков, сладок! (GSL, s. 23). При этом в словацком языке есть часто употребляемая пословица *Všade dobre, ale doma najlepšie* / букв.: Везде хорошо, но дома лучше всего [Záturský 1896: 105].

В английском переводе встречается фраза в следующем виде: *Even your country's smoke, how sweet it is, how homely* / букв.: Даже дым твоей страны, как он сладок, как уютен (GEN, р. 50). В английском и словацком языках снова не оказалось эквивалента или аналога. Однако в двух словарях («Большом англо-русском фразеологическом словаре» А. В. Кунина [Кунин 1984] и в «Русско-английском

словаре пословиц и поговорок» С. С. Кузьмина, Н. Л. Шадрин [Кузьмин, Шадрин 1996]), а также в книге «Тетради паремииографа. Выпуск 4» [Котова, Колпакова 2018] обнаружены следующие пословицы *East or west, home is best* / букв.: Между востоком и западом лучшее — это дом [Котова, Колпакова 2018: 48; Кузьмин, Шадрин 1996: 31, 251; Кунин 1984: 392] и *Home is home though it's never so homely* / букв.: Дом есть дом, даже если никогда не был домашним [Кунин 1984: 392; Кузьмин, Шадрин 1996: 31]. Пословица *East or west, home is best* имеет в русском языке пословичные параллели *В гостях хорошо, а дома лучше* или *Спасибо этому дому, пойдем к другому* [Котова, Колпакова 2018: 48; Кузьмин, Шадрин 1996: 31, 251]. Вторая английская пословица также не передает полный смысл, однако исходя из дословного перевода все же могла использоваться, но с применением переводческих приемов. Таким образом, Б. Парес применил метод описательного перевода.

Пословица *Послушай! Ври, да знай же меру* (Г., действие 4, явление 4, с. 137) входит в паремииологический уровень Г. Л. Пермякова [Пермяков 1988: 165] и встречается в «Русско-славянском словаре пословиц с английскими соответствиями» [Котова 2000: 91] и «Тетрадах паремииографа. Выпуск 8» [Котова и др. 2023: 257]). Данная ПЕ выглядит следующим образом: *Врать ври, да знай же меру*.

В словацком и английском текстах фраза была калькирована: *Počúvaj! Klam, no poznaj mieru* / букв.: Послушай! Ври, но знай меру (GSL, s. 86) и *Look here! Talk nonsense, but in moderation* / букв.: Послушайте! Говорите глупости, но в меру (GEN, р. 168). В обоих языках не удалось зафиксировать ее применение ни в словарях, ни в публицистике.

Следующая пословица *Свежо предание, а верится с трудом* (Г., действие 2, явление 2, с. 77) присутствует в БСПЛ [Мокиенко, Никитина, Николаева 2010: 717]. При этом нет указания на авторство А. С. Грибоедова.

В словацком варианте использован метод описательного перевода: *Hoc spomienka je svieža, ťažko uveriť* / букв.: Хотя воспоминания свежи, (в это) трудно поверить (GSL, s. 32). Соответственно данная фраза не указана в справочных материалах,

а также не применяется в качестве устойчивого выражения в интернет-пространстве. Близкое значение в словацком языке имеет пословица *Reči sa hovoria a chlieb sa je* / букв.: Слова говорят, а хлеб едят [Záturecký 1896: 53]. Данная ПЕ означает, что нельзя верить всему, что говорится.

В английском тексте пословица представлена следующим образом: *Tis hard to credit now, though fresh is its renown* / букв.: Сейчас трудно поверить, хотя слава свежа (GEN, p. 80). Фразу не удалось найти в словарях, однако есть пример контекстной реализации на сайте, посвященном Тарасу Шевченко (без авторства)³.

При переводе пословицы Б. Парес применил перестановку частей фразы и добавил наречие *now* и союз *though*. Использован метод описательного перевода.

Служить бы рад, прислуживаться тошно (Г., действие 2, явление 2, с. 76) представлена у И. М. Снегирева [Снегирев 2014: 364], сразу в двух томах В. И. Даля [Даль 1989а: 221; Даль 1989b: 152], в работе М. И. Михельсона [Михельсон 1896: 406] и совместной работе В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитиной, Е. К. Николаевой [Мокиенко, Никитина, Николаева 2010: 829].

В словацком языке на текущий момент не существует пословичной параллели известной русской паремии. Переводчик представил следующий вариант: *Slúžiť — to hej, no hnusí sa mi prisluhovať* / букв.: Служить — да, но мне противно прислуживать (GSL, s. 31).

В английском варианте переводчик калькирует фразу *To serve — all right; servility — disgusting* / букв.: Служить — хорошо, прислуживать — отвратительно (GEN, p. 62). При дословном переводе пословицы на словацкий и английский языки теряется ее метафоричность, но при этом переводчики попытались сохранить ритмическую организацию.

В первом действии третьего явления дочь Фамусова, Софья, произносит фразу *Счастливые часов не наблюдают* (Г., действие 1, явление 3, с. 58). Данное изречение удалось найти в книге литературоведа и фразеолога М. И. Михельсона «Русская мысль и речь» [Михельсон 1912] и «Русско-немецко-польском словаре активных

пословиц» [Walter et al. 2014]. М. И. Михельсон делает отметку о том, что смысл данного выражения аналогичен поговорке *Коротать время* [Михельсон 1912: 358], что означает ‘приятно его проводить, не замечать из-за удовольствия, как оно быстро проходит’. При этом, по Далю, данная поговорка входит в состав другой пословицы: *На что и клад, коли в семье лад. Советно жить — время коротать* [Даль 1989а: 339].

А. С. Грибоедов при помощи фразы, сказанной Софьей, отмечает, что героиня очень влюблена в секретаря своего отца, Молчалина, поэтому не замечает, как идет время. Исследователи Н. С. Ашукин и М. Г. Ашукина в совместном труде «Крылатые слова: литературные цитаты, образные выражения» отмечают, что данная фраза могла быть взята писателем из произведения «Пикколомини» немецкого поэта И. Ф. Шиллера: *Die Uhr schlägt keinem Glücklichen. — Счастливому часы не бьют* [Ашукин, Ашукина 1955].

Выражение активно используется в публицистике, что продемонстрировали Н. С. Ашукин и М. Г. Ашукина в своем труде, приведя пример из газеты «Вечерняя Москва».

В словацком варианте калькирована пословица *Šťastní sa na hodiny neďívajú* / букв.: Счастливые (люди) не смотрят на часы (GSL, s. 12). Передан ее точный смысл.

В английском варианте фраза была переведена следующим образом: *Who notes, in happiness, how time is flying* / букв.: Кто замечает в счастье, как время летит (GEN, p. 28). Б. Парес не нашел пословичную параллель в английском языке, однако применил прием экспликации английской пословицы *Time flies* [Кунин 1984]. Переводчик расширил исходный вариант пословицы, чтобы передать полный смысл ПЕ. Полученный вариант можно назвать псевдопословицей, так как сделана попытка и передать смысл высказывания, и сохранить ритмичность.

Следующие выражения не были замечены в словарях паремиографов, но имеют признаки пословиц: устойчивость, структуру целостного предложения, употребительность, нравоучительный характер, афористичность, экспрессивность [Бредис, Ломакина, Мокиенко 2019; Котова 2010].

В ходе работы при выделении данных фраз авторы настоящего исследования опирались на труды Н. С. Ашукина, М. Г. Ашукиной [Ашукин, Ашукина 1955] и В. В. Серова [Серов 2005].

А судьи кто? (Г., действие 2, явление 5, с. 86) — *No kto sú sudcovia?* / букв.: Но кто судьи? (GSL, s. 40) — *Who are our judges?* / букв.: Кто наши судьи? (GEN, p. 82). Фраза Чацкого активно применяется в публицистических текстах на тему несправедливости судебной деятельности. Например, в известном интернет-издании «Дилетант» поговорку использовали в качестве заголовка, а темой статьи является судебное дело 1924 г., проходившее в Ленинграде⁴.

Ба! Знакомые всё лица (Г., действие 4, явление 14, с. 152) — *Každá tvár je známa!* / букв.: Каждое лицо знакомо (GSL, s. 100) — *Bah! Known faces all too human* / букв.: Ба! Известные лица слишком человечны (GEN, p. 194). Данная фраза выражает реакцию Фамусова на Софью и Чацкого. Примером контекстной реализации является использование поговорки в заголовке статьи, опубликованной в российской газете «Труд»⁵. В словацком и английском вариантах поговорки не зафиксированы.

Карету мне, карету! (Г., действие 4, явление 14, с. 156) — *Hej, kočiš! Koč, a šibni kone!* / букв.: Эй, кучер! Вези, да обуздай лошадей! (GSL, s. 103) — *My carriage here! My carriage!* / букв.: Мою карету сюда! Мою карету! (GEN, p. 200). Фразу Чацкого в качестве заголовка использовали сразу в нескольких интернет-изданиях, например, в газете «Труд»⁶; в песне «Лето» российской группы «Зоопарк» есть следующие строки: *Скорей карету мне, карету, а впрочем, подойдет и квас*⁷.

Таким образом, при работе с русскими поговорками из комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» словацкий и британский переводчики чаще всего применяли методы описательного перевода и калькирования. Отмечен один перевод посредством псевдопословичного соответствия в английском языке. Некоторые из выявленных поговорок активно применяются в публицистических текстах в русском сегменте Интернета, однако выражения на словацком и английском языке практически не используются в неформальной коммуникации.

Передача фразеологических единиц в словацком и английском текстах

Поговорка может являться частью пословицы, чаще всего это словосочетание, которое можно расширить до ПЕ. При отборе ФЕ авторы статьи в первую очередь опирались на «Большой словарь русских поговорок» (далее — БСРПг) В. М. Мокиенко и Т. Г. Никитиной [Мокиенко, Никитина 2007].

Фразеологизм *взгляд и нечто* (Г., действие 4, явление 4, с. 139) отмечен в БСРПг [Мокиенко, Никитина 2007: 84] и «Словаре русской фразеологии» [Бирих, Мокиенко, Степанова 1998: 80]. В речи носитель русского языка может использовать данное выражение, когда кто-то рассказывает о чем-либо, например о книге, лекции, поверхностно, малосодержательно, не вдаваясь в подробности [Мокиенко, Никитина 2007].

При использовании описательного метода переводчику не удалось передать семантику фразеологизма на словацком языке: *na črtu, úryvok, či na stať o voláčom* / букв.: за репортаж, отрывок или статью о чем-то (GSL, s. 88).

В британском тексте фраза была переведена методом калькирования: “Something” and “A View” / букв. «Нечто» и «Взгляд» (GEN, p. 172), но с перестановкой слов.

Следующая поговорка — *времен Очаковских и покоренья Крыма* (Г., действие 2, явление 5, с. 87). В сборнике Н. С. Ашукина и М. Г. Ашукиной [Ашукин, Ашукина 1955: 13], словаре М. И. Михельсона [Михельсон 1912: 100] и БСРПг [Мокиенко, Никитина 2007: 105] дан вариант *времен очаковских и покоренья Крыма* со значением ‘используется, когда говорят о чем-то давно прошедшем’.

В обоих вариантах перевода применен описательный метод: *z čias dobývania Kryma, Očakova* / букв.: Со времен завоевания Крыма, Очакова (GSL, s. 40) и *The Siege of '88, the Conquest of Crimea* / букв.: Осада 88-го, завоевание Крыма (GEN, p. 82), однако Б. Парес, будучи историком, сделал указание на историческое событие в Российской империи.

Выражение *Герой не моего романа* (Г., действие 3, явление 1, с. 102) взято из диалога Чацкого с Софьей:

Чацкий: *Лицом и голосом герой...*

София: *Не моего романа.*

Данную фразу впоследствии в своих трудах отметили М. И. Михельсон [Михельсон 1896: 72] и В. М. Мокиенко [Мокиенко, Никитина 2007: 115].

В словацком языке диалог Чацкого и Софьи выглядит следующим образом:

Čackij: *tvárou i hlasom — bohatier... /* букв.: Лицом и голосом — герой...

Sofia: *No nie je môj typ /* букв.: Но не в моем вкусе (GSL, s. 55). В справочных материалах нет указания на их диалог, однако переводчик применил употребительное выражение, которое можно обнаружить, например, на форуме BIRDZ⁸, где неоднократно используют фразу *No nie je môj typ*, или в немного измененном варианте: *Nie som jeho typ /* букв.: Я не в его вкусе⁹.

В тексте перевода фраза *In face and voice the hero quite, but not of my romance /* букв.: Лицом и голосом герой вполне, но не моего романа (GEN, p. 108) была калькирована. В английском языке данная фраза также не применяется, однако существует устойчивое выражение *not my cup of tea* [Кунин 1984: 189], что означает ‘кому-то не нравится другой человек, чтобы с ним начинать или продолжать романтические отношения’.

Фразеологизм *завиральные идеи* (Г., действие 2, явление 3, с. 81) можно найти в БСРПг [Мокиенко, Никитина 2007: 264], где отмечены две его дефиниции: ‘1) ложные идеи; 2) запутанные нелепые мысли’. Полная фраза: *Пожалуйста, при нем не спорь ты вкривь и вкось, и завиральные идеи эти брось* (Г., действие 2, явление 3, с. 81).

В словацком варианте автор применил метод описательного перевода: *a o názoroch bludných nehovor /* букв.: и не говори о заблуждениях (GSL, s. 35), но фраза потеряла афористичность.

Б. Парес же для перевода подобрал сочетание *wild ideas*, а полный перевод фразы выглядит следующим образом: *And drop these wild ideas: I'm sure they're utter trash /* букв.: И отбросьте эти дикие идеи: я уверен, что они полная чушь (GEN, p. 70). В данном случае переводчик применил дескриптивный метод.

С чувством, с толком, с расстановкой (Г., действие 2, явление 1, с. 74) взята из фразы *Читай*

не так, как пономарь, а с чувством, с толком, с расстановкой. Данная поговорка отмечена в БСРПг [Мокиенко, Никитина 2007: 742]. Используется как ироничное выражение, когда нужно что-то говорить или делать неторопливо и с полным пониманием дела.

В обоих вариантах перевода фраза была калькирована: *lež s citom, zreteľne a bez náhlenia /* букв.: но с чувством, ясно и без спешки (GSL, s. 29) и *But feelingly, with sense and clearly /* букв.: Но с чувством, со смыслом и ясно (GEN, p. 58). Контекстные реализации в данных языках не выявлены.

Поговорка *Французик из Бордо* (Г., действие 3, явление 22, с. 131), замеченная в БСРПг [Мокиенко, Никитина 2007: 704], была также калькирована: *Francúzik z Bordeaux /* букв.: Французик из Бордо (GSL, s. 78) и *A Frenchy from Bordeaux /* букв.: Француз из Бордо (GEN, p. 158).

Таким образом, устойчивых выражений в словарях и примеров контекстной реализации в Интернете при переводе ФЕ с русского языка на словацкий и английский обнаружено не было. Переводчики чаще всего обращались к методу описательного перевода, а также калькированию.

Выводы

При рассмотрении словацкого художественного перевода авторы настоящего исследования опирались на труд Я. Ференчика, чей перевод был представлен в 1986 г. в издательстве Tatran. На английский язык произведение переводилось не один раз. В статье рассмотрен перевод 1925 г. британского историка и журналиста Б. Пареса. Переводчики в первую очередь хотели передать точный смысл пословиц и поговорок, а также сохранить ритмичность и стихотворную организацию текста. В большинстве случаев они применили метод описательного перевода и калькирование, что позволило передать смысловое содержание ПЕ и ФЕ, но при этом фразы потеряли метафоричность. На примере выявленных выражений необходимо отметить, что не были использованы такие способы перевода, как полное пословичное и частичное соответствие [Виноградов 2001].

Некоторые пословицы и поговорки удалось обнаружить в публицистических текстах в российском сегменте Интернета. Чаще всего фразы из пьесы А. С. Грибоедова применяли в качестве заголовков к основному тексту. Отмечены случаи использования фразы *Карету, мне карету* (Г., действие 4, явление 14, с. 156) в песне «Лето» группы «Зоопарк». В словацком языке зафиксировано использование одного выражения полностью: *Nie je môj typ / букв.: Но не в моем вкусе*. В англоязычной интернет-среде использование фраз обнаружить не удалось, кроме единственного случая с переведенной цитатой: *Свежо предание, а верится с трудом* (Г., действие 2, явление 5, с. 85) — *Tis hard to credit now, though fresh is its renown / букв.: Сейчас трудно поверить, хотя слава свежа* (GEN, р. 80), в статье, посвященной творчеству украинского поэта Тараса Шевченко.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Nie je pravda, že... *Pravda*. 2024. URL: <https://blog.sme.sk/heczei/nezaradene/pravda-nie-je-hriech-2> (дата обращения: 28.06.2024).

² *Krátky slovník slovenského jazyka 4*. 2023. URL: <https://slovník.juls.savba.sk/?w=jazyk&s=exact&c=Jab7&cs=&d=kssj4&d=psp&d=ogs&d=sssj&d=orter&d=scs&d=sss&d=peciar&d=hs sj&d=bernolak&d=nounb&d=orient&d=locutio&d=obce&d=riezviska&d=un&d=pskfr&d=pskcs&d=psken#> (дата обращения: 28.06.2024).

³ *Taras Shevchenko*. URL: <https://www.t-shevchenko.name/en/Prose/Artist/2.html> (дата обращения: 22.04.2024).

⁴ А судьи кто? *Дилетант*. 2022. URL: <https://dilettant.media/articles/45350472/> (дата обращения: 16.05.2024).

⁵ Ба! Знакомые все лица. *Труд*. 2021. URL: https://www.trud.ru/article/20-08-2021/1406381_ba_znakomye_vse_litsa.html (дата обращения: 16.05.2024).

⁶ Карету мне, карету. *Труд*. 2000. URL: https://www.trud.ru/article/09-10-2000/13200_karetu_mne_karetu.html (дата обращения: 16.05.2024).

⁷ Лето — Зоопарк. *Репродуктор*. URL: <https://reproduktor.net/gruppa-zoopark/leto/> (дата обращения: 16.05.2024).

⁸ *Birdz*. URL: <https://www.birdz.sk/forum/nie-si-mojtyp/23844tema.html> (дата обращения: 26.06.2024).

⁹ Nie som jeho typ? *Modry konik*. URL: <https://www.modrykonik.sk/forum/zadveraminasichspalni/nie-som-jeho-typ/> (дата обращения: 26.06.2024).

ИСТОЧНИКИ

Грибоедов 1987 (Г.) — Грибоедов А. С. *Сочинения в стихах*. Л.: Советский писатель, 1987. 512 с.

Gribojedov 1986 (GSL) — Gribojedov A. S. *Útrapy z rozumu. Z ruského originálu Gore ot uma, Gosudarstvennoje izdatelstvo chudožesvennoj literatury, Moskva, 1952. Bratislava: Tatran, 1986. 104 s.*

Gribojedov 2017 (GEN) — Gribojedov A. *Woe from Wit*. Montpelier: Russian Life Books, 2017. 206 p.

СЛОВАРИ И СПРАВОЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Ашукин, Ашукина 1955 — Ашукин Н. С., Ашукина М. Г. *Крылатые слова: литературные цитаты, образные выражения*. М.: Гос. изд-во худож. лит-ры, 1955. 668 с.

Бабичев, Боровский 1998 — Бабичев Н. Т., Боровский Я. М. *Словарь латинских крылатых слов: 2500 единиц*. Боровский Я. М. (ред.). М.: Рус. яз., 1998. 960 с.

Бирих, Мокиенко, Степанова 1998 — Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. *Словарь русской фразеологии: историко-этимологич. справочник*. СПб.: Фолио-Пресс, 1998. 704 с.

Даль 1989а — Даль В. И. *Пословицы русского народа: В 2 т. Т. 1*. Шолохов М. (вступ. слово). М.: Худож. лит-ра, 1989. 431 с.

Даль 1989б — Даль В. И. *Пословицы русского народа: В 2 т. Т. 2*. Аникин В. (послел.). М.: Худож. лит-ра, 1989. 447 с.

Котова 2000 — Котова М. Ю. *Русско-славянский словарь пословиц (с английскими соответствиями)*. Дмитриев П. А. (ред.). СПб.: Изд-во С.-Петербурга. ун-та, 2000. 356 с.

Котова и др. 2023 — Котова М. Ю., Боева Н. Е., Гусева О. В., Раина О. В., Сергиенко О. С. *Тетради паремнографа. Выпуск 8: Паремнологический минимум русских пословиц 2022 года: учеб.-методич. пособие для студентов*. Котова М. Ю. (ред.). СПб.: Медианапир, 2023. 560 с.

Котова, Колпакова 2018 — Котова М. Ю., Колпакова А. А. *Тетради паремнографа. Выпуск 4: Английские пословичные параллели русских пословиц паремнологического минимума (на фоне болгарских, словацких и чешских пословиц): учеб. пособие для студентов*. СПб.: Филол. фак. СПбГУ, 2018. 188 с.

Котова, Сергиенко, Тарараева 2017 (ТП 3) — Котова М. Ю., Сергиенко О. С., Тарараева О. Н. *Тетради паремнографа. Выпуск 3: Словацкие пословичные параллели русских пословиц паремнологического минимума*. Котова М. Ю. (ред.). СПб.: Политехника-принт, 2017. 286 с.

Кузьмин, Шадрин 1996 — Кузьмин С. С., Шадрин Н. Л. *Русско-английский словарь пословиц и поговорок: 500 единиц*. СПб.: МИК, Лань, 1996. 352 с.

Кунин 1984 — Кунин А. В. *Большой англо-русский фразеологический словарь*. М.: Рус. яз., 1984. 944 с.

Михельсон 1896 — Михельсон М. И. *Ходячие и меткие слова*. СПб.: Тип. Импер. Акад. Наук, 1896. 598 с.

Михельсон 1912 — Михельсон М. И. *Русская мысль и речь: свое и чужое: опыт русской фразеологии: сборник образных слов и иносказаний*. СПб.: АО «Брокгауз — Ефрон», 1912. 1149 с.

Мокиенко, Никитина 2007 (БСРПг) — Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. *Большой словарь русских поговорок*. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007. 784 с.

Мокиенко, Никитина, Николаева 2010 (БСРПл) — Мокиенко В. М., Никитина Т. Г., Николаева Е. К. *Большой словарь русских пословиц*. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2010. 1024 с.

Серов 2005 — Серов В. В. *Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений: более 4000 ст.* М.: Локид-Пресс, 2005. 667 с.

Снегирев 2014 — Снегирев И. М. *Русские народные пословицы и притчи.* М.: Ин-т рус. цивилизации, 2014. 528 с.

Walter et al. 2014 — Walter H., Mokienko V., Komorowska E., Kusal K. *Русско-немецко-польский словарь активных пословиц (с иноязычными параллелями и историко-культурологическими комментариями).* Greifswald-Szczecin, 2014. 433 с.

Záturecký 1896 — Záturecký A. P. *Slovenská přísloví, pořekadla a úsloví.* V Praze: Nákladem České akademie císaře Františka Josefa, 1896. 389 p.

ЛИТЕРАТУРА

Бредис, Ломакина, Мокиенко 2019 — Бредис М. А., Ломакина О. В., Мокиенко В. М. Пословица в современной лингвистике: определение, статус, функционирование. *Вестник Московского университета. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация.* 2019, (3): 34–43.

Виноградов 2001 — Виноградов В. С. *Введение в переводоведение: обичи и лексические вопросы.* М.: Изд-во ИОСО РАО, 2001. 224 с.

Комиссаров 1999 — Комиссаров В. Н. *Современное переводоведение. Курс лекций.* М.: ЭТС, 1999. 192 с.

Котова 2010 — Котова М. Ю. *Лекции по сопоставительной славянской паремиологии: учеб. пособие для магистрантов.* СПб.: Филол. фак. СПбГУ, 2010. 170 с.

Пермяков 1988 — Пермяков Г. Л. *Основы структурной паремиологии.* М.: Наука, 1988. 236 с.

Федоров 2002 — Федоров А. В. *Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы).* М.: Филология три; СПб.: Филол. фак. СПбГУ, 2002. 416 с.

REFERENCES

Бредис, Ломакина, Мокиенко 2019 — Bredis M. A., Lomakina O. V., Mokienko V. M. Proverb in modern linguistics: Definition, status, functioning. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriiia 19. Lingvistika i mezhkul'turnaia kommunikatsiia.* 2019, (3): 34–43. (In Russian)

Виноградов 2001 — Vinogradov V. S. *Introduction to translation studies: General and lexical issues.* Moscow: IOSO RAO Publ., 2001. 224 p. (In Russian)

Комиссаров 1999 — Komissarov V. N. *Modern translation studies. Course of lectures.* Moscow: ETS Publ., 1999. 192 p. (In Russian)

Котова 2010 — Kotova M. Yu. *Lectures on comparative Slavic paremiology: Textbook a manual for undergraduates.* St. Petersburg: Filologicheskii fakul'tet Sankt-Peterburgskogo universiteta Publ., 2010. 170 p. (In Russian)

Пермяков 1988 — Permyakov G. L. *Fundamentals of structural paremiology.* Moscow: Nauka Publ., 1988. 236 p. (In Russian)

Федоров 2002 — Fedorov A. V. *Fundamentals of the general theory of translation (linguistic problems).* Moscow: Philology three Publ.; St. Petersburg: Filologicheskii fakul'tet Sankt-Peterburgskogo universiteta Publ., 2002. 416 p. (In Russian)

ОТ СЛОВ К ОБРАЗАМ: МЕТАФОРИЧЕСКИЙ ЭКФРАСИС В ТВОРЧЕСТВЕ ВИКТОРА ПЕЛЕВИНА

ALINA V. PIMENOVA

FROM WORDS TO IMAGES: METAPHORICAL EKPHRASIS IN THE WORKS OF VICTOR PELEVIN

**Алина Вадимовна
Пименова**

<https://orcid.org/0009-0000-0769-3610>

► pimenowa.alina2016@yandex.ru

аспирант

Санкт-Петербургский государственный
университет,
Российская Федерация, 199034,
Санкт-Петербург, Университетская
наб., 7–9

Alina V. Pimenova

Postgraduate Student

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg,
199034, Russian Federation

Статья посвящена исследованию метафорического экфрасиса в романах писателя-современника Виктора Пелевина, одного из ключевых представителей постмодернистской литературы. В художественном тексте метафора в экфрасисе наряду с функцией визуализации выполняет роль элемента, структурирующего события в рамках «фрейма видения». Под метафорическим понимается такой тип экфрасиса, в котором метафора занимает доминантную позицию в создании визуального образа, участвующего в построении экфрасического нарратива и организации смысла текста. На основе лингвокогнитивного подхода, разработанного Дж. Лакоффом и М. Джонсоном, а также логической теории метафоры Дж. Миллера был проанализирован ряд примеров метафорического экфрасиса в романах Пелевина «Generation “П”» (1999), «Бэтман Аполло» (2013) и «Путешествие в Элевсин» (2023). В каждом из этих текстов метафорический экфрасис формирует поэтические образы, которые, будучи одним из элементов многослойного нарратива, способствуют раскрытию концептуального и философского содержания текстов и служат одним из элементов выражения авторского индивидуального стиля. Анализ материала показывает, что ключевой особенностью метафорического экфрасиса является субъективация, то есть обусловленность изображения позицией героя или повествователя. В зависимости от точки зрения наблюдателя и акта наблюдения (репрезентированный/нерепрезентированный) метафорический экфрасис может выполнять функции от простого изображения аналогии до раскрытия психологии персонажей. Визуальный дискурс в творчестве Пелевина занимает вполне оформившуюся нишу, поэтому метафорический экфрасис становится ключевым средством, участвующим в создании многослойных образов, которые не только визуализируют сюжет, но и способствуют формированию литературной кинематографичности.

Ключевые слова: изображение, метафора, образ, текст, лингвокогнитивный, экфрасис.

The article is dedicated to the study of metaphorical ekphrasis in the novels of contemporary writer Victor Pelevin. In literary texts, metaphor in ekphrasis represents not only an element of visual imagery creation but also a means of organizing events within the frame of vision. Metaphorical ekphrasis is defined as a type in which metaphor occupies a dominant position in creating a visual image that participates in constructing the ekphrastic narrative and organizing the text's meaning. Based on the linguocognitive approach developed by G. Lakoff and M. Johnson, as well as J. Miller's logical theory of metaphor, a series of examples of metaphorical ekphrasis in Pelevin's novels "Generation P" (1999), "Batman Apollo" (2013), and "Journey to Eleusis" (2023) were analyzed. In each of these texts, metaphorical ekphrasis forms poetic images that, being one of the elements of a multi-layered narrative, contribute to the revelation of the conceptual

and philosophical content of the texts and serve as an element of the expression of the author's individual style. The analysis shows that a key feature of metaphorical ekphrasis is subjectivization, i. e., the dependence of the depiction on the position of the hero or the narrator. Depending on the observer's viewpoint and the act of observation (represented/unrepresented), metaphorical ekphrasis can perform functions ranging from a simple depiction of analogy to revealing the psychology of characters. The visual discourse in Pelevin's work occupies a well-defined niche, making metaphorical ekphrasis a key tool in creating multi-layered images that not only visualize the plot but also contribute to the formation of literary cinematography.

Keywords: imagery, metaphor, image, text, linguocognitive, ekphrasis.

Введение

Творчество Виктора Пелевина, одного из самых загадочных писателей XXI в., автора более 20 романов, среди которых «Чапаев и Пустота» (1996), «Generation “П”» (1999), «Empire V» (2006), «S.N.U.F.F.» (2011), «Transhumanism Inc.» (2021), является ярким примером постмодернистской литературы, в которой переплетаются элементы сатиры, философии, мифологии и научной фантастики. Пелевин мастерски использует культурные коды и возможности языковых игр, создавая уникальные и запоминающиеся миры, которые отражают основы современного общества и его внутренние противоречия.

Проза Пелевина, обладающая подчеркнутой выраженной визуальностью и кинематографичностью, не раз становилась предметом режиссерского внимания: в 2006 г. Виктор Гинзбург выпускает экранизацию романа «Generation “П”», в 2015 г. на экранах появляется «Мизинец Будды» Томаса Пембертона по мотивам романа «Чапаев и Пустота», в 2020 г. Гинзбург экранизирует еще один роман писателя — «Empire V». Кинематографичность текстов Пелевина складывается из ряда характеристик и сквозных тем, одну из которых формирует концептуальная метафора *жизнь как кино*. По словам И. А. Мартыановой, «...*Кино*, как симулякр действительности, вписывается им [Пелевиным] в длинный концептуальный ряд: *виртуальная реальность, компьютерный мир, мираж, сон* (нередко *сон наркотический или лунатический*)» [Мартыанова 2016: 115], значение которого реализуется через включение в текст художественных

приемов, имеющих текстообразующий потенциал. Особое место в списке средств выражения концептуального значения метафоры *жизнь как кино* занимает метафорический экфрасис.

Экфрасис относится к одному из наиболее исследованных направлений. В зарубежной науке классическими работами по изучению экфрасиса стали труды Дж. Хеффернана [Heffernan 1991], У. Митчела [Mitchell 1994], Дж. Холландера [Hollander 1995], Р. Уэбба [Webb 1999], в отечественных исследованиях — работы Н. В. Брагинской [Брагинская 1977], Л. Геллера [Геллер 1997] и др. В художественном тексте экфрасис выполняет функции от отвлеченного описания визуального объекта, имеющего коммуникативное значение, до лирического отступления и метафоры. Метафоричность экфрасиса позволяет получить доступ к разным слоям текста, обнаружить авторскую интенцию и наличие ассоциаций, возникающих на пересечении авторского и читательского опыта. Ввиду данных особенностей экфрасиса представляется целесообразным рассматривать это явление в рамках лингвокогнитивной теории и вслед за В. А. Миловидовым понимать его как вербальное описание изобразительного произведения искусства, функционирующего в качестве «нарратива смыслопорождения» не только в сознании героя или рассказчика художественного текста, но и в сознании читателя [Миловидов 2015]. Когнитивный аспект подчеркивает первостепенную роль контекста, читательского опыта и ассоциативного поля в понимании вербального включения визуального образа и позволяет увидеть, как читатель взаимодействует с текстом в процессе рецепции.

Метафора в экфрасисе обыкновенно понимается как составляющий элемент визуального образа и поэтому часто рассматривается в контексте интермедийной и интерсемиотической интерпретации экфрастического описания. Между тем метафора может участвовать в формировании экфрастического нарратива, организующего смысловое и концептуальное пространства текста. Каков характер художественной метафоры в вербальных изобразительных включениях? Что такое метафорический экфрасис? Почему метафорический

экфрасис можно рассматривать как вербальную репрезентацию визуальной метафоры? В поисках ответов на эти и другие вопросы обратимся к творчеству Виктора Пелевина — одного из самых таинственных писателей XXI в. На материале трех романов, написанных в относительно разные периоды жизни, — «Generation П» (1999), «Бэтман Аполло» (2013) и «Путешествие в Элевсин» (2023) — проанализируем ряд метафорических образов, позволяющих получить представление об особенностях метафорического экфрасиса в художественном литературном тексте.

Состояние изучения вопроса. Методы

Историю экфрасиса как художественного приема связывают с развитием греческой риторики, где экфрасис как детальное описание видимого мира использовался в качестве одного из упражнений при совершенствовании ораторского мастерства [Webb 1999: 11]. Несмотря на продолжительную историю существования явления, определение экфрасиса было сформулировано только в XX в. в рамках литературоведения. Как форма словесного описания визуального объекта экфрасис выражает интермедийные отношения, связывающие изображение и вербальный текст, где изображение выступает в роли денотата, передаваемого и интерпретируемого с помощью вербального кода. В процессе словесного описания происходит отбор языковых средств, которые формируют образ, комплексно воздействующий на читателя. По мнению Н. В. Брагинской, такое воздействие экфрасиса объясняется особенностями его восприятия — читатель, погруженный в художественное пространство текста, в процессе рецепции становится практически на позицию зрителя [Брагинская 1977: 259]. В результате экфрасис не только обогащает текст визуальными образами, но и расширяет диапазон его восприятия и понимания.

По мнению Скотта, неотъемлемым свойством экфрасиса является диалогичность [Scott 1994]. Диалогический экфрасис в качестве отдельного вида выделяет Брагинская, отмечая, что экфрасис — это «любое описание произведения искусства; описания, включенные в какой-либо жанр, то есть

выступающие как тип текста, и описания, имеющие самостоятельный характер и представляющие собой некий художественный жанр» [Брагинская 1977: 264]. В понимании Брагинской диалогический экфрасис восходит к архаической форме коммуникации, конструирующейся на основе восприятия другого текста. Рассуждая о диалогических возможностях экфрасиса, Брагинская идет вслед за идеями О. М. Фрейденберг, исследовавшей экфрасис в контексте архаической метафоры как «изображение изображения» [Фрейденберг 1978: 195].

Метафора, включенная в экфрастическое описание, относится сразу к двум негомогенным областям искусства — вербальному и визуальному, становясь темой, организующей экфрастический нарратив. Тип экфрасиса, в котором доминантой создания визуального образа выступает метафора, далее будем именовать метафорическим. Ввиду того что экфрасис представляет вербальную репрезентацию произведения изобразительного искусства, метафора в экфрасисе часто является переосмыслением исходной визуальной метафоры.

Изучение визуальных метафор началось в конце XX в. [Gianetti 1972; Kennedy 1982; Clifton 1983; Forceville 1996]. Ключевые работы раннего этапа исследования были сконцентрированы вокруг материала рекламных текстов и направлены на поиск приемлемых методов анализа. Одним из первых теоретиков, предложивших исследовать визуальные метафоры в рамках когнитивного подхода, был Ч. Форсвилль. Согласно Форсвиллю, в основе любой метафоры независимо от средств ее выражения лежит невербальный образ, который в сознании человека формируется как ментальная структура (*mental image*) [Forceville 2008: 273–274].

Экфрасис в художественном тексте имеет двойную референцию, представляя образ через сочетание вербального и визуального кодов. Поэтому метафора в экфрастическом описании отчасти является смешанным типом, в котором соединяются значения визуального образа и его вербального описания.

В основе методологии настоящего исследования лежит лингвокогнитивный подход, который опирается на понимание метафоры как средства, позволяющего выразить одну область опыта

в терминах другой. Ключевые положения подхода представлены в книге Дж. Лакоффа и М. Джонсона «Метафоры, которыми мы живем» (1980). По мнению авторов, метафоры являются не только способом выражения мысли, но и ментальными конструктами, активирующими работу сознания и структурирующими нашу деятельность [Лакофф, Джонсон 2004: 148]. Облеченные в вербальную и/или невербальную форму метафоры выражают ситуативно обусловленное значение, которое концептуализируется в сознании в виде когнитивных структур. Подобный принцип понимания метафоры требует для анализа использования ряда научных методов. В настоящей работе порядок проведения исследования метафорического экфрасиса осуществляется в соответствии со структурным, семантико-контекстуальным и семантико-когнитивным методами.

Первый этап анализа включает выявление основных компонентов метафоры. В основу структуры метафоры положена схема, разработанная Дж. Миллером на принципах логической теории Аристотеля: «*S* похоже на *P* по признаку *R*», где *S* — референт (исходная область); *P* — релят (то, с чем исходная область соотносится); *R* — признак сходства. Представленная схема используется на этапе распознавания и реконструкции метафорического образа. На этапе интерпретации применяется семантико-контекстуальный метод, который учитывает не только ценность контекста, но и роль лингвистической и экстралингвистической информации в формировании метафорического значения. Поскольку в экфрасисе визуальная метафора репрезентирована вербальными средствами, актуализация значения метафорического образа подразумевает выявление грамматических, синтаксических, семантических и стилистических средств, акцентирующих внимание читателя на ключевых деталях, формирующих метафорический нарратив. Метод семантико-когнитивного анализа используется на этапе обобщения и выявления концептуального значения. Когнитивистика рассматривает язык с позиции категоризации и концептуализации опыта и позволяет получить представление об особенностях авторского индивидуального стиля.

Метафорический нарратив

Обращаясь к описанию визуального образа, писатель включает его в центр вербального нарратива, имманентного авторскому «я», поэтому метафоры, которые автор вводит в текст через описание экфрасиса, маркированы субъективной модальностью. Мотивировка использования такого приема может как быть случайной, так и являться частью авторского замысла, отвечающего художественным задачам. В творчестве Пелевина характерным примером метафорического экфрасиса с явно выраженной субъективной модальностью служит вербальная репрезентация клипа про пепси-колу в романе «Generation “П”». Главный герой романа, выпускник Литературного института, Вавилен Татарский проходит путь постижения азов рекламного бизнеса, с одной стороны, через восприятие, а с другой — через создание ряда броских слоганов, плакатов и клипов, включающих метафорическое изображение рекламных продуктов. Клип про пепси-колу, центральный маркетинговый продукт конца XX в., в сознании целого поколения стал одной из визитных карточек переходной эпохи, в которой доминирующими чертами оказались материальные ценности и визуальный дискурс. В романе Пелевина изображение клипа метафорически переосмысливается и становится не просто рассказом об образе, а «образом образа»:

Прошло десять лет, и этот мир стал входить — сначала осторожно и с вежливой улыбкой, а потом все увереннее и смелее. Одной из визитных карточек оказался клип, рекламирующий «Пепси-колу», — клип, который, как отмечали многие исследователи, стал поворотной точкой в развитии всей мировой культуры <...>. В нем сравнивались две обезьяны. Одна из них пила «обычную колу» и в результате оказалась способна выполнять некоторые простейшие логические действия с кубиками и палочками. Другая пила пепси-колу. Весело ухая, она отъезжала в направлении моря на джипе в обнимку с девицами, которые явно чихать хотели на женское равноправие (когда приходится тесно общаться с обезьянами, лучше просто не думать о подобных вещах, потому что равноправие и неравноправие будут одинаково тяжелы для души) [Пелевин 1999: 10].

В эпизоде речь идет об изображении клипа пепси-колы, имеющего реальный референт в культуре, поэтому в классификации Е. В. Яценко данное экфразистическое описание относится к миметическому типу [Яценко 2011: 50]. В видеоролике действующие лица, две обезьяны, сопоставляются по употреблению обычной колы и пепси-колы. Ключевой посыл рекламы можно сформулировать следующим образом: если будешь пить пепси-колу, жизнь станет лучше и счастливее. В видеоролике эта мысль акцентируется рекламным слоганом в виде субтитров: BE YOUNG, HAVE FUN, DRINK COLA, репрезентация которых отсутствует в тексте Пелевина.

Изложение клипа, данное Татарским, включено в нарратив романа и поэтому целиком зависимо от героя. Этим обусловлено включение в экфразистическое описание характерных для слога героя средств выражения субъективной модальности, передающих ироническое отношение нарратора к изображению. Во-первых, слово *девицы* в художественном контексте эмоционально окрашено и имеет значение с пренебрежительным оттенком. Во-вторых, фразеологизм *чихать хотели* передает значение безразличия и пренебрежения к кому/чему-либо [Мокиенко, Никитина 2007: 740]. Безразличие и пренебрежение к духовным ценностям, вошедшие в мир с новой культурой и ставшие одним из атрибутов нового поколения, иронически комментируются во вставной конструкции последнего предложения, эксплицирующего позицию автора (*когда приходится тесно общаться с обезьянами, лучше просто не думать о подобных вещах, потому что равноправие и неравноправие будут одинаково тяжелы для души* [Пелевин 1999: 10]). Ироническое переосмысление клипа в романе формирует поэтический образ, метафорическое значение которого не совпадает со значением визуальной метафоры исходного рекламного ролика, в котором пепси-кола очеловечивает обезьяну, становясь символом беззаботной и счастливой жизни.

Визуальные метафоры как изображения, в которых для передачи абстрактного концептуального содержания используются графические средства, встречаются в кинематографе, изобразительном

искусстве, живописи, текстах рекламы [Forceville 1996]. Подобно вербальным метафорам, визуальные являются выражением аналогии между двумя различными областями явлений, сопоставляемых по одному или нескольким критериям. Лингвокогнитивная теория рассматривает метафору как двуполярную структуру, в которой один источник находится в чувственном опыте, а другой на основе общего признака отсылает к универсальным ценностям. Что общего между обезьяной на джипе и счастливой жизнью в рекламном ролике про пепси-колу? Ответ становится очевидным, если обратиться к феномену «американской мечты», в основе которого лежит идея о равенстве людей, их духовном и материальном благополучии. В рамках рекламы лучшей будущей жизни западными медиа второй половины XX в. активно пропагандировалось приобретение материальных ценностей, позиционирующихся как один из атрибутов успешной жизни. Передавая содержание клипа через призму сознания одного из персонажей, Пелевин сематизирует ключевую фигуру рекламного ролика — человека, который, подобно обезьяне, рефлекторно перенимает элементы чужой культуры, не задумываясь об их значении. Поэтому в контексте романа клип с обезьяной на джипе концептуализируется в значении метафоры обезличенного материальными ценностями мира и расчеловечивания нового поколения, в котором люди уподобляются обезьянам.

Пользуясь логической теорией Дж. Миллера, метафорическую модель образа можно представить в виде схемы, включающей следующие компоненты: *человек нового поколения похож на обезьяну из американского клипа по признаку слепого подражания*. Вербальное инкорпорирование визуальной метафоры в текст формирует метафорический нарратив, который в романе разворачивается благодаря включению концептуального значения метафоры в описание образа русского человека: *Для нас важно только то, что окончательным символом поколения «П» стала обезьяна на джипе* [Пелевин 1999: 10]; *Именно этот клип дал понять большому количеству прозябавших в России обезьян, что настала пора пересаживаться в джипы и входить к дочерям человеческим* [Пелевин 1999: 11]; *Но если*

на каком-нибудь фуршете окажешься или в обществе, так просто как с обезьяной говорят [Пелевин 1999: 167]; Яркий ретро-галстук с развратной обезьянкой на пальме выбивался из-под его пиджака и розовым языком растилялся по ковру [Пелевин 1999: 181]. В метафорическом экфрасисе Пелевина находит свое воплощение метафора человек — это обезьяна в значении «потерянное поколение 90-х годов, оказавшееся под влиянием двух культур». Неслучайно в названии романа буквально сочетаются англоязычное слово “generation” (поколение) и русская буква «П».

Каждая метафора, как вербальная, так и визуальная, формально коренится в сигналах, воспринимающихся читателем/зрителем. На первом этапе происходит распознавание метафорического образа. С помощью органов чувств сенсорные сигналы доводятся до сознания и обрабатываются воображением. Затем они осмысливаются и соотносятся с существующими знаниями из интеллектуальной сферы абстракции, в которой хранятся концептуальные представления. В этом состоит процесс метафоризации, значит, при исследовании метафоры важно разграничивать области, которые Лакофф и Джонсон обозначили источником (*source domain*) и целью (*target domain*) [Лакофф, Джонсон 2004]. В концептуальных метафорах область источника включает чувственные элементы, репрезентированные графическими и/или вербальными средствами, которые воспринимаются индивидуально, а область цели, как правило, представляет общепонятное содержание, закрепленное в сознании в виде коллективного и культурно обусловленного опыта. Однако для понимания метафоры, включенной в художественное пространство, интерпретации связи между областью источника и областью цели оказывается недостаточно, решающую роль в понимании метафоры играет контекст.

О типах экфрасиса в романах Пелевина

Метафорический экфрасис в текстах Пелевина представлен через описание рекламных плакатов, портретов, изображение бытовых и мифологических картин, фрагментов фильмов, видеоклипов

и других визуальных объектов. Характерными особенностями метафорического экфрасиса являются структурная разнородность и различия в способах передачи не только изображения, но и акта наблюдения, которые условно позволяют разделить вербальные репрезентации визуальной метафоры на две группы.

Первую группу составляют прямые или косвенные указания на произведения изобразительного искусства, имеющие реальный или вымышленный референт, без репрезентации акта их непосредственного наблюдения. Такой тип описания часто используется для того, чтобы провести аналогию между элементом/сценой романа и сюжетом произведения визуального искусства. Понимание метафорического образа в данном случае основывается на нарративных особенностях экфрасиса. В произведении визуального искусства с помощью вербальных средств выделяются один или несколько «намекающих» компонентов в качестве темы картины, которые сопоставляются с элементами сюжета романа. В итоге композиционно формируются две части видения — «здесь» и «там», предполагающие через художественное восприятие читателя соотнесение двух образов по общим признакам. Важно подчеркнуть, что передача подобной аналогии всегда маркирована субъективной позицией героев текста или автора-повествователя. Поскольку описание визуальной метафоры включено в нарративное пространство текста, значение метафорического экфрасиса выходит за рамки визуальной метафоры и формируется благодаря художественному контексту. Так, в романе «Бэтман Аполло» в диалоге героев появляется упоминание сюжета картины, позволяющего провести метафорическую аналогию между обрядом инициации юного вампира, который, выпив специальную жидкость, должен совершить переход в загробный мир, и изображением кормления козленка молоком на картине, будто бы висевшей над смертным одром Сталина. Упоминание картины в комнате Сталина одним из героев позволяет провести параллели с историческими и политическими реалиями, вписывая личные истории героев в более широкий контекст:

— Пей, — сказал Энлиль Маратович.

Локи поднес черный флакон к моему рту.

— Это как у товарища Сталина, — сказал он сюсюкающим неискренним голосом, — висела над смертным одром такая картина. Где козленка кормят из бутылочки молоком... [Пелевин 2022: 52].

К этой же группе экфрастических описаний относятся отсылки к типичным сценам и ситуациям кинематографа, формирующие метафорический образ на основе связанных с киноаллюзией и иронически переосмысленных ассоциаций:

То, что я принял за узкий стол, было на самом деле гробом. И сразу стало ясно, для кого он предназначен. Мне вспомнился гангстерский фильм, где члена мафии, ожидающего ритуального повышения в иерархии, вводят в комнату собраний, чтобы пустить ему пулю в затылок, — и за секунду до выстрела он успевает это понять... [Пелевин 2022: 48].

Вторая группа описаний характеризуется совмещением репрезентации визуального произведения искусства с изображением процесса наблюдения. С одной стороны, наблюдение может ограничиваться восприятием и вербальным описанием деталей визуального объекта, с другой стороны, герой текста может самостоятельно или в диалоге с другими лицами анализировать и интерпретировать метафорическое значение увиденного. Тип экфрасиса, в котором представлено одно из объяснений символического содержания произведения искусства, именуют толковательным [Даманский 2013: 251]:

Я пошел дальше, стараясь не слишком задерживаться у барельефов. Но и не слишком спешил, чтобы не обидеть Порфирия безразличием. Придворный — почти канатный плясун.

— Ага. Погрузка на корабли... Так... Это ведь ты держишь кормило, господин?

— Да.

— А что, корабельщику его нельзя было доверить?

— В метафоре, Маркус, важна не буквальная достоверность, а точность в передаче смысла. Я не держал кормовое весло на галере, конечно. Смысл в том, что я направлял ход событий [Пелевин 2023: 374–375].

У Пелевина метафорический экфрасис имеет систематический характер и регулярно появляется на страницах художественных текстов. В романе «Generation “П”» основу экфрастических описаний составляют рекламные ролики, в которых метафорически изображается современная герою культура. По словам Л. Д. Бугаевой: «...Использование экфрасиса, в качестве которого выступают рекламные клипы, превращает весь роман в подобие просмотра телепрограммы, время от времени прерываемого рекламными паузами — вставными текстами. Тексты-экфрасисы объединены с основным текстом телеметафорой жизни и, как *mise en abyme*, сообщают относительность всему повествованию» [Бугаева 2010: 101]. Относительность и условность — одна из ключевых черт художественного мира Пелевина, поэтому визуальная метафора в текстах писателя охватывает не только предметы, существующие в окружающем героев пространстве, но и образы их фантазии:

Татарскому вдруг пришла в голову возможная рекламная концепция для мухоморов. Она основывалась на смелой догадке, что высшей формой самореализации мухомора как гриба является атомный взрыв — нечто вроде светящегося нематериального тела, которое обретают некоторые продвинутые мистики. А люди — вспомогательная форма жизни, которую мухомор использует для достижения своей высшей цели, подобно тому как люди используют плесень для приготовления сыра. Татарский поднял глаза на оранжевые стрелы заката, и поток его мыслей прервался [Пелевин 1999: 46].

Подобная картина складывается в романе «Бэтман Аполло», где проблематика реальности/ирреальности рассматривается в контексте фантастической вселенной, управляемой вампирами и богиней Иштар. Вербальные включения визуальных образов в виде описаний живописных картин и видеофильмов размывают границу между реальностью, загробным миром и воображением. В результате события романа, по словам одного из героев, больше напоминают кино или реалити-шоу: *Но тогда в этом не было элементов реалити-шоу, — сказал Калдавашкин. — А нам нужно именно непрерывное реалити-шоу, блещущее всеми огнями гламура и дискурса — но не в студии,*

а на тех самых улицах, где ходят зрители. Которое позволит наконец участвовать в реалити-шоу всем тем, кто искренне презирает этот жанр [Пелевин 2022: 199]. Кинематографический дискурс, пронизывающий пространство романа, демонстрирует погружение героев в сферу иллюзий и неопределенности, где кино становится метафорой жизни: *Я никогда не был собой. Я даже не знал, кто показывает это кино — и кому. И вся моя жизнь прошла в эпицентре этого грандиозного обмана. Она сама была этим обманом. С самой первой минуты* [Пелевин 2022: 353].

В романе «Путешествие в Элевсин» метафорический экфрасис приобретает специфический контекст, связанный с представлением о мире в рамках мысленного эксперимента [Бугаева 2023]. Здесь использование метафор позволяет обращаться к вопросам, касающимся взаимопонимания между человеческим разумом и искусственным интеллектом. Проблема реальности/ирреальности решается через метафорическое изображение мира как текста, сгенерированного компьютерным алгоритмом, способным визуализировать любую картинку человеческой фантазии.

Заключение

В творчестве Виктора Пелевина метафорический экфрасис не только обогащает визуальное восприятие текста, но и служит одним из ключей к пониманию смысла. Проанализировав романы «Generation “П”», «Бэтман Аполло» и «Путешествие в Элевсин», можно сделать вывод, что для писателя метафорический экфрасис является важным инструментом, участвующим в создании художественных миров как симуляров реальности, где каждое изображение становится носителем концептуального значения.

В выбранных для анализа романах выявлено систематическое использование вербальных описаний визуальных метафорических образов, что свидетельствует о значимости метафорического экфрасиса как одного из ведущих способов структурирования художественного нарратива и организации смысла текста. Метафорический экфрасис обладает подчеркнuto выраженными

стилистическими особенностями, включающими средства выражения субъективной модальности, которые в рамках лингвокогнитивного подхода обнаруживаются благодаря поэтапному анализу метафорических образов.

Пелевин мастерски соединяет элементы вербального и визуального искусства, создавая нарративы, в которых экфрасис используется для переосмысления исходных визуальных образов и служит средством авторской оценки современных социальных, культурных и философских реалий. Подчеркивая значение визуальных образов в формировании читательского восприятия, он создает условные миры, которые продолжают волновать и вдохновлять читателей, предоставляя им возможность для критического осмысления современной действительности.

ИСТОЧНИКИ

- Пелевин 1999 — Пелевин В. О. *Generation «П»*. Рассказы. М.: ВАГРИУС, 1999. 304 с.
 Пелевин 2022 — Пелевин В. О. *Бэтман Аполло*. М.: АСТ, 2022. 544 с.
 Пелевин 2023 — Пелевин В. О. *Путешествие в Элевсин*. М.: Эксмо, 2023. 480 с.

СЛОВАРИ

- Мокиенко, Никитина 2007 — Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. *Большой словарь русских поговорок*. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007. 784 с.

ЛИТЕРАТУРА

- Брагинская 1977 — Брагинская Н. В. Экфрасис как тип текста (к проблеме структурной классификации). В сб.: *Славянское и балканское языкознание. Карпато-восточнославянские параллели. Структура балканского текста*. Судник Т. М., Цивьян Т. В. (ред.). М.: Наука, 1977. С. 259–283.
 Бугаева 2010 — Бугаева Л. Д. Экфрасис в романе Пелевина «Generation “П”». *Мир русского слова*. 2010, (3): 93–101.
 Бугаева 2023 — Бугаева Л. Д. Искусственный интеллект и Виктор Пелевин. *Исследовательский журнал русского языка и литературы*. 2023, 11 (2): 11–27.
 Геллер 1997 — Геллер Л. На подступах к жанру экфрасиса. Русский фон для нерусских картин (и наоборот). *Wiener Slawistischer Almanach*. 1997, (44): 151–179.
 Даманский 2013 — Даманский В. А. Портретная живопись в романе М. Ю. Лермонтова «Княгиня Лиговская». *Вестник Русской христианской гуманитарной академии*. 2013, 14 (4): 243–252.

- Лакофф, Джонсон 2004 — Lakoff D., Johnson M. *Metaphors We Live By* [1980]. Пер. с англ. А. Н. Баранова. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
- Мартыанова 2016 — Mart'yanova I. A. Кинометафора жизни современной русской прозы. *Мир русского слова*. 2016, (1): 113–118.
- Миловидов 2015 — Milovidov V. A. Нарратология экфрасиса. В сб.: *Нарратология и компаративистика*. Виноградов И. А. (ред.). М.: РГГУ, 2015. С. 177–185.
- Фрейденберг 1978 — Freidenberg O. M. Образ и понятие. Метафора. В сб.: Фрейденберг О. М. *Миф и литература древности*. М.: Наука, 1978. С. 180–205.
- Яценко 2011 — Yatsenko E. V. «Любите живопись, поэты...». Экфрасис как художественно-мировоззренческая модель. *Вопросы философии*. 2011, (11): 47–58.
- Clifton 1983 — Clifton N. R. *The figure in film*. Newark: University of Delaware Press, 1983. 394 p.
- Forceville 1996 — Forceville Ch. *Pictorial Metaphor in Advertising*. London; New York: Routledge, 1996. 233 p.
- Forceville 2008 — Forceville Ch. *Pictorial and multimodal metaphor in commercials*. In: *Go Figure! New Directions in Advertising Rhetoric*. Armonk: M. E. Sharpe Inc., 2008. P. 272–310.
- Gianetti 1972 — Gianetti L. Cinematic metaphors. *Journal of Aesthetic Education*. 1972, 6 (4): 49–61.
- Heffernan 1991 — Heffernan J. A. W. Ekphrasis and representation. *New Literary History*. 1991, 22 (2): 297–316.
- Hollander 1995 — Hollander J. *The Gazer's Spirit: Poems Speaking to Silent Works of Art*. Chicago: University of Chicago Press, 1995. 392 p.
- Kennedy 1982 — Kennedy J. M. Metaphor in Pictures. *Perception*. 1982, 11 (5): 589–605.
- Mitchell 1994 — Mitchell W. J. T. *Picture Theory: Essays on Verbal and Visual Representation*. Chicago: University of Chicago Press, 1994. 462 p.
- Scott 1994 — Scott G. F. *The Sculptured Word: Keats, Ekphrasis, and the Visual Arts*. Hanover: University Press of New England, 1994. 224 p.
- Webb 1999 — Webb R. Ekphrasis ancient and modern: The invention of a genre. *Word & Image*. 1999, 15 (1): 7–18.
- Бураева 2023 — Bugaeva L. D. Artificial intelligence and Victor Pelevin. *Issledovatel'skii zhurnal russkogo iazyka i literatury*. 2023, 11 (2): 11–27. (In Russian)
- Геллер 1997 — Geller L. On the Verge of the Ekphrastic Genre. Russian Background for Non-Russian Paintings (and Vice Versa). *Wiener Slawistischer Almanach*. 1997, (44): 151–179. (In Russian)
- Даманский 2013 — Damanskii V. A. Portrait Painting in the Novel “Princess Ligovskaya” by M. Y. Lermontov. *Vestnik Russkoi khristianskoi gumanitarnoi akademii*. 2013, 14 (4): 243–252. (In Russian)
- Лакофф, Джонсон 2004 — Lakoff D., Johnson M. *Metaphors We Live By* [1980]. Transl. from Engl. by A. N. Baranova. Moscow: Editorial URSS Publ., 2004. 256 p. (In Russian)
- Мартыанова 2016 — Mart'yanova I. A. Film Metaphor of Life in Contemporary Russian Prose. *Mir russkogo slova*. 2016, (1): 113–118. (In Russian)
- Миловидов 2015 — Milovidov V. A. Narratology of ekphrasis. In: *Narratologiya i komparativistika*. Vinogradov I. A. (ed.). Moscow: Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet Publ., 2015. P. 177–185. (In Russian)
- Фрейденберг 1978 — Freidenberg O. M. Image and Concept. Metaphor. In: Freidenberg O. M. *Mif i literatura drevnosti*. Moscow: Nauka Publ., 1978. P. 180–205. (In Russian)
- Яценко 2011 — Yatsenko E. V. “Love Painting, Poets...”: Ekphrasis as an Artistic and Worldview Model. *Voprosy filosofii*. 2011, (11): 47–58. (In Russian)
- Clifton 1983 — Clifton N. R. *The figure in film*. Newark: University of Delaware Press, 1983. 394 p.
- Forceville 1996 — Forceville Ch. *Pictorial Metaphor in Advertising*. London; New York: Routledge, 1996. 233 p.
- Forceville 2008 — Forceville Ch. Pictorial and multimodal metaphor in commercials. In: *Go Figure! New Directions in Advertising Rhetoric*. Armonk: M. E. Sharpe Inc., 2008. P. 272–310.
- Gianetti 1972 — Gianetti L. Cinematic metaphors. *Journal of Aesthetic Education*. 1972, 6 (4): 49–61.
- Heffernan 1991 — Heffernan J. A. W. Ekphrasis and representation. *New Literary History*. 1991, 22 (2): 297–316.
- Hollander 1995 — Hollander J. *The Gazer's Spirit: Poems Speaking to Silent Works of Art*. Chicago: University of Chicago Press, 1995. 392 p.
- Kennedy 1982 — Kennedy J. M. Metaphor in Pictures. *Perception*. 1982, 11 (5): 589–605.
- Mitchell 1994 — Mitchell W. J. T. *Picture Theory: Essays on Verbal and Visual Representation*. Chicago: University of Chicago Press, 1994. 462 p.
- Scott 1994 — Scott G. F. *The Sculptured Word: Keats, Ekphrasis, and the Visual Arts*. Hanover: University Press of New England, 1994. 224 p.
- Webb 1999 — Webb R. Ekphrasis ancient and modern: the invention of a genre. *Word & Image*. 1999, 15 (1): 7–18.

REFERENCES

- Брагинская 1977 — Braginskaia N. V. Ekphrasis as a text type (to the problem of structural classification). In: *Slavianskoe i balkanskoe iazykoznanie. Karpato-vostochnoslavianskie paralleli. Struktura balkanskogo teksta*. Sudnik T. M., Tsvyvan T. V. (eds). Moscow: Nauka Publ., 1977. P. 259–283. (In Russian)
- Бураева 2010 — Bugaeva L. D. Ekphrasis in Pelevin's novel “Generation ‘P’”. *Mir russkogo slova*. 2010, (3): 93–101. (In Russian)

ЯЗЫКОВОЕ И КОГНИТИВНОЕ РАЗВИТИЕ СТУДЕНТОВ В РАМКАХ ДИСЦИПЛИНЫ «РУССКИЙ ЯЗЫК И КУЛЬТУРА РЕЧИ»: 10 ШАГОВ К ПОКОРЕНИЮ СЛОЖНЫХ ТЕКСТОВ (ЧАСТЬ 2)*

MARINA YU. SIDOROVA

LINGUISTIC AND COGNITIVE DEVELOPMENT OF STUDENTS WITHIN THE COURSE OF RUSSIAN LANGUAGE AND SPEECH CULTURE: 10 STEPS TO MASTERING COMPLEX TEXTS (PART 2)

Марина Юрьевна Сидорова

<https://orcid.org/0000-0002-0071-3073>

► sidorovadoma@mail.ru

доктор филологических наук, доцент

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Российская Федерация, 119991, Москва, Ленинские горы, 1

Marina Yu. Sidorova

Doctor in Philology, Associate Professor

Lomonosov Moscow State University, 1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation

В статье демонстрируется и обосновывается методика языкового и когнитивного развития студентов в курсе «Русский язык и культура речи», нацеленная на взаимосвязанное формирование трех необходимых групп компетенций: 1) соотнесение текста с вербализованным в нем фрагментом действительности; 2) работа с текстами уровня сложности, возрастающего при достижении совершеннолетия и переходе к высшему профессиональному образованию (включая не только лингвистическую, но и психологическую готовность к восприятию таких текстов); 3) готовность к реализации прав и обязанностей гражданина РФ, круг которых также растет по мере взросления обучаемых. Ущербность этих компетенций, не формируемых на этапе среднего образования, служит, по нашему мнению, основным препятствием к успешному обучению в вузе и самореализации студенческой молодежи в современном обществе. В качестве решения проблемы предлагаются 10 методических шагов (каждый из них проиллюстрирован на примере конкретного задания или заданий), позволяющих преодолеть лингвистические и психологические барьеры освоения сложных текстов. Мотивация учащихся обеспечивается актуальностью и разнообразием анализируемых текстов (от материалов экзамена в ГИБДД до лирической поэзии) и соблюдением диалектического принципа движения по спирали, от простого к сложному, с возвращением к уже изученному материалу на очередном «витке» развития. Достоинством предлагаемого подхода является возможность «подверстать» к указанным трем направлениям формирования компетенций все традиционные и необходимые в курсе русского языка и культуры речи виды деятельности (работа со словарем, групповая дискуссия и т. п.). Из трех параметров сложности текста (синтаксическая, лексическая, коммуникативная) основное внимание в статье уделяется первому. Оригинальная методика автора, основанная на функционально-коммуникативной грамматике русского языка и данных современной психолингвистики, успешно апробирована на различных факультетах МГУ имени М. В. Ломоносова и реализована в учебном пособии «Трудных текстов больше нет».

* См. Часть 1: Сидорова М. Ю. Языковое и когнитивное развитие студентов в рамках дисциплины «Русский язык и культура речи»: 10 шагов к покорению сложных текстов (часть 1). Мир русского слова. 2024 (2): 85–95. <https://doi.org/10.21638/spbu30.2024.210>

Статья публикуется в авторской редакции.

See the Part 1: Sidorova M. Yu. Linguistic and Cognitive Development of Students within the Course of Russian Language and Speech Culture: 10 Steps to Mastering Complex Texts (Part 1). Mir russkogo slova. 2024 (2): 85–95. <https://doi.org/10.21638/spbu30.2024.210> (In Russian)

Ключевые слова: русский язык, культура речи, сложность текста, высшее образование, методика.

The article demonstrates and substantiates the methodology of linguistic and cognitive development of students in the course “Russian language and culture of speech”, aimed at the interrelated formation of three necessary groups of competencies: 1) correlation of the text with the fragment of reality verbalized in it; 2) work with texts of a level of complexity that increases upon reaching adulthood and transition to higher professional education (including not only linguistic, but also psychological readiness to perceive such texts); 3) readiness to realize the rights and obligations of a citizen of the Russian Federation, the range of which is also growing as the students grow up. The inadequacy of these competencies, which are not formed at the stage of secondary education, serves, in our opinion, as the main obstacle to successful university studies and self-realization of students in modern society. The motivation of students is ensured by the relevance and diversity of the analyzed texts (from the materials of the traffic police exam to lyrical poetry) and compliance with the dialectical principle of movement in a spiral, from simple to complex, with a return to the already studied material at the next “round” of development. The advantage of the proposed approach is the ability to “adjust” to the specified three areas of competence formation all traditional and necessary activities in the course of the Russian language and culture of speech (working with a dictionary, group discussion, etc.). Of the three parameters of text complexity (syntactic, lexical, communicative), the main attention in the article is paid to the first. The author’s original methodology, based on the functional and communicative grammar of the Russian language and the data of modern psycholinguistics, has been successfully tested at various faculties of Lomonosov Moscow State University and implemented in the textbook “There are no more difficult texts”.

Keywords: Russian language, speech culture, text complexity, higher education, teaching methods.

Введение

В первой части статьи мы представили общую концепцию формирования навыков извлечения смысла из сложных текстов в курсе русского языка и культуры речи — концепцию, нацеленную на преодоление лакун в лингвистической и когнитивной готовности студентов не только к освоению программы высшего образования, но и ко взрослой жизни в целом. Во второй части мы продолжим двигаться по намеченному пути, демонстрируя, что сложность текста должна быть для воспринимающего субъекта не просто объектом отторжения или преодоления, но и предметом рефлексии над формой, содержанием и функцией текстов.

Пошаговые методические рекомендации: текстовый материал, работа с ним, вопросы для обсуждения

Шаг 4. Показываем различия в построении текстов на одну тему, в зависимости от стратегии автора и типа текста. **Нам потребуются:** тексты с той же референтной ситуацией, что уже рассмотренные нами, но отличающиеся от них по указанным параметрам.

Регламент экзамена по вождению мотоцикла, проанализированный в первой части статьи, является «посланием» от государства (в лице ГИБДД) к «кандидату в водители» с сообщением требований, которые нужно выполнить, чтобы сдать экзамен. Есть и другие тексты на ту же тему — рекомендации и советы для сдающих экзамен, размещаемые на сайтах автошкол. Они имеют другого адресанта сообщения и другую коммуникативную задачу — помочь человеку в выполнении установленных государством требований, предостеречь от ошибок, выделить самое важное, подсказать правильные действия. В данном случае позиция адресанта по отношению к адресату другая: он не предъявляет требования, он как бы заодно с экзаменуемым, на его стороне. Кроме того, отношения между отправителем и получателем сообщения в этом случае менее официальные. Наша задача — эксплицитировать эти различия и показать, как они отражаются на языковом облике текстов. В нашем учебном пособии «Трудных текстов больше нет» [Сидорова 2024] нами сопоставляются два таких текста в оппозиции тексту регламента. Здесь же мы разберем для примера только один.

При выполнении этого упражнения надо:

Проехать на мотоцикле между конусами за линией, остановиться и заглушить мотоцикл, затем спешиться;

Откатить мотоцикл задним ходом в «гараж», проведя его между конусами и так, чтобы он не выходил за пределы «гаража»;

Поставить мотоцикл на подножку, отпустить его, чтобы было видно, что подножка выставлена нормально и мотоцикл не падает;

Сесть на мотоцикл, убрать подножку, завести двигатель и выехать из «гаража».

Наши рекомендации:

Не забывайте включать нейтраль перед тем, как будете толкать мотоцикл в «гараж».

На втором этапе, когда будете откатывать мотоцикл, находитесь от мотоцикла внутри поворота. Держите мотоцикл одной рукой за руль, другой за багажник.

Будьте внимательны, когда выставляете подножку. Если мотоцикл упадет, то экзамен будет не сдан. Не забудьте ее убрать перед выездом из «гаража». <https://hochumoto.ru/>

Автор этого текста описывает ситуацию более простым, обыденным языком, чем это сделано в регламенте: вместо *мототранспортное средство — мотоцикл*, вместо *выключить двигатель — заглушить мотоцикл*, вместо *обозначенное место (парковки) — «гараж»*. Нейтральную передачу он называет *нейтраль*, применяет критерий *нормально*, характерный для неофициальных ситуаций. Кроме того, он делает «картинку» более конкретной, зримой, использует больше предметных деталей, например, упоминает конусы, которыми в реальности отмечаются линии и места, указанные в регламенте. Он делит текст на две части. В первой — упрощенное изложение регламента, во второй — рекомендации: автор данного текста предлагает экзаменуемому удобный способ выполнения упражнения там, где регламент «умалчивает», как именно надо действовать, а сообщает только о том, какой результат должен быть получен. Удерживать мотоцикл в равновесии рекомендуется держа его *одной рукой за руль, другой за багажник*, удобная сторона конкретизируется как *внутри поворота* по отношению к мотоциклу.

Описываемую последовательность действий автор текста разбивает на более дробные фрагменты и передает их более короткими предложениями, чем в регламенте, для простоты восприятия. Автор текста явно опирается на свой опыт, расставляя акценты и управляя вниманием адресата: *не забывайте, будьте внимательны, не забудьте* — эти слова говорят о том, что такие ошибки имели место в его практике. Наконец, в этом тексте автор как бы попеременно встает на три **субъектных позиции**:

1) свою, опытного человека, предугадывающего ошибки ученика (при этом он говорит как бы не от себя, а от всей автошколы, что повышает его авторитетность: *наши рекомендации*);

2) позицию ученика, который выступает не как третьеличный «кандидат в водители», а как адресат, к которому вежливо обращаются на Вы;

3) позицию экзаменатора (*чтобы было видно кому?* — экзаменатору, т. е. ученик должен не просто правильно выполнить упражнение, но обеспечить, чтобы эта правильность была зафиксирована наблюдателем).

Таким образом, задача автора — объяснить, как следует выполнять упражнение, и предостеречь ученика от типичных ошибок — выполняется путем выбора и сочетания более простых и ориентированных на адресата языковых средств и особой структуризации текста.

Другой вариант подобного задания — сопоставление статей законов РФ с их изложением на различных сайтах, в интернет-СМИ и т. п. (статьи при этом берутся максимально актуальные для молодежи, например, посвященные возрасту вступления в брак или нарушению правил продажи алкогольной продукции несовершеннолетним). Как правило, в интернет-пересказах статей законов, наряду с упрощением текста, встречаются неоднозначные формулировки, неточности, потеря части информации, что обнаруживается в сопоставлении. Подобное задание дает повод показать студентам, что не всякий текст можно «безболезненно» упростить, что к любому упрощенному пересказу нормативного акта следует относиться с осторожностью — начинать надо с оригинального текста, потом, на его основе, можно обращаться к профессионалам за интерпретацией.

Шаг 5. На новом уровне возвращаемся к синтаксической сложности текста. Вводим и отрабатываем на разных типах текста понятия **информативной емкости** текста и предложения и **этажности** предложения, учим студентов строить «этажные» (иерархические) схемы предложения (исчезновение этих схем из школьного курса русского языка — колоссальная потеря не только для языкового, но и для когнитивного развития детей).

Нам потребуются: два текста одного автора, радикально отличающиеся по этим параметрам.

Начинаем, как всегда, с элементарного — с демонстрации того, что Л. Н. Толстой, с именем которого обычно ассоциируется понятие о сложном, длинном, «бесконечном» предложении, писал предложениями той длины и сложности, которых требовали коммуникативные параметры текста. Подсчитываем количество предложений и слов во фрагменте из «Азбуки для детей», которую Л. Н. Толстой создал для крестьянской школы (*В домике этом жили три медведя. Один медведь был отец, звали его Михаил Иванович. Он был большой и лохматый. Другой была медведица. Она была поменьше, и звали ее Настасья Петровна* — 5 предложений, 30 слов), и из романа «Война и мир» (например, от слов *В месяц грабежа французского войска в Москве и спокойной стоянки русского войска под Тарутином... до Существенное отношение сил изменилось, и наступление стало необходимым* — 4 предложения, 194 слова).

Информативная емкость и **этажность** объясняются как два количественных параметра, отражающих способы «упаковки» информации в предложения. Фактически здесь мы работаем с понятиями полипредикативности, полупредикативности и синтаксической синонимии, не терминологизируя их для студентов-нефилологов.

Информативная емкость указывает на количество событий (фактов, ситуаций, положений дел), названных в предложении. Ситуации могут быть названы отдельными частями сложного предложения, глагольными формами — причастиями, деепричастиями, инфинитивами, а также существительными, которые обозначают всю ситуацию в целом (*Ты отвечаешь за покупку цветов для учительницы*) или один из компонентов ситуации (*Ты отвечаешь за цветы для учительницы*).

Мы показываем, что одну и ту же ситуацию можно оформить по-разному, в зависимости от желания автора, например: *Волки от испуга скушали друг друга* (К. Чуковский) = *Волки, испугавшись, скушали друг друга* = *Испуганные волки скушали друг друга* = *Волки скушали друг друга, потому что испугались* = *Волки испугались и скушали друг друга*; В 1896 году Анри Беккерель,

работая с соединениями урана, открыл явление радиоактивности = В 1896 году Анри Беккерель, *работавший с соединениями урана, открыл явление радиоактивности* = В 1896 году Анри Беккерель *при работе с соединениями урана открыл явление радиоактивности* = В 1986 году Анри Беккерель открыл явление радиоактивности, *когда работал с соединениями урана* = В 1896 году Анри Беккерель *работал с соединениями урана и открыл явление радиоактивности*. В каждом из этих предложений информативная емкость — 2, но в некоторых из них две ситуации поставлены в равноправные отношения (два глагола соединены союзом **и**), а в остальных выстроены в два этажа с помощью подчинительных отношений (одна ситуация представлена как главная, другая как второстепенная).

Выбор способа выражения ситуации — в руках автора: он должен использовать тот способ, который лучше всего соответствует его намерению, не нарушает грамматическую правильность и не создает неоднозначность. Здесь к работе со сложными текстами «подверстывается» ортология (от пунктуационных правил до правил построения предложений с деепричастным оборотом). Особое внимание уделяется неоднозначности, которая возникает при обозначении ситуации существительным (*Нам предложили продать две машины* — Мы будем продавать машины или их нам продадут?) [Сидорова, Белая 2011], и предложениям с союзным словом *который*, где на роль главного слова для *который* есть два претендента (**Нашим патрульным катером было задержано судно в Черном море, которое не подчинилось приказу остановиться*).

Двигаясь по диалектической спирали, мы напоминаем студентам о том, что трудность для восприятия представляют конструкции с дистантным расположением главных членов, выделяя при этом случай, когда подлежащее и сказуемое (субъект главной ситуации и его признак) значительно отделены друг от друга обозначениями других ситуаций. Например, между ними может находиться длинный причастный оборот, относящийся к подлежащему, или ряд предложно-падежных форм существительных, составляющих дополнительную

предикацию: *Щелочноземельные металлы при нагревании в атмосфере водорода образуют солеподобные гидриды MH_2* . Здесь между подлежащим *металлы* и сказуемым *образуют* не просто располагаются 5 слов — они относятся к другой предикации. Для обработки таких конструкций требуется развитый упреждающий синтез, внимание, память, ингибиторный контроль. Наша когнитивная система работает и может испытать перегрузку. То же самое, если подлежащее сильно отдалено от начала предложения другими словами, особенно когда они выражают дополнительную предикацию. Мы ждем, ждем, когда же появится главный участник ситуации, главное лицо или предмет, о котором сообщается в предложении, а его все нет: *При нагревании суспензии основного карбоната в автоклаве в атмосфере углекислого газа может образоваться светло-зеленый порошок кислой соли $Ni(HCO_3)_2$* — от начала предложения до сказуемого — 11 слов, до подлежащего *порошок* — 14.

Констатирование данных проблем не должно приводить студентов к мысли, что следует полностью избегать подобных построений. Правильная формулировка: ими не надо злоупотреблять. Если можно сказать или написать проще, надо так сделать.

Этажность предложения фиксирует отношения между названными в предложении событиями (фактами): равноправие или зависимость одного события от другого. Чем больше этажей в предложении, тем оно сложнее.

Обучение составлению этажных схем предложения начинается с выбора главного события (предикации) — уже это вызывает у современных выпускников школы проблему. Еще труднее им определить отношения между основной предикацией и остальными — равноправные (сочинительные) или подчинительные, а если подчинительные, то последовательные или параллельные.

Поэтому начинать следует с простейшего случая — предложения *Один медведь был отец, звали его Михаил Иванович*, где сообщаются два равноправных факта: его информативная емкость — 1, этажность — 2 (рис. 1).

Рис. 1

Затем переходим к предложению *Учителя преподавал нам математику, звали Михаил Иванович* — тоже два факта, но между ними отношения подчинения: информативная емкость — 2, этажность — 2 (рис. 2).

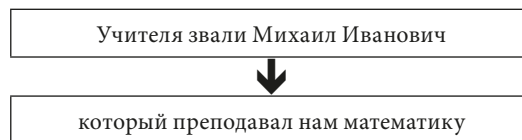

Рис. 2

Продолжим усложнение структуры: *У медведя, который жил в домике, стоявшем в лесу, была жена (ее звали Настасья Петровна)*. Здесь 4 факта (информативная емкость — 4) выстроены в 3 этажа (рис. 3).

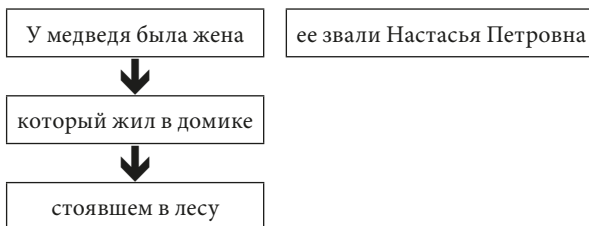

Рис. 3

Навсегда запомнившегося мне, хотя прошло уже много лет, учителя, который преподавал нам математику, когда я учился в Новосибирске, звали Михаил Иванович — информативная емкость этого предложения равна 5, этажность — 3. То есть 5 фактов выстраиваются в 3 этажа (рис. 4).

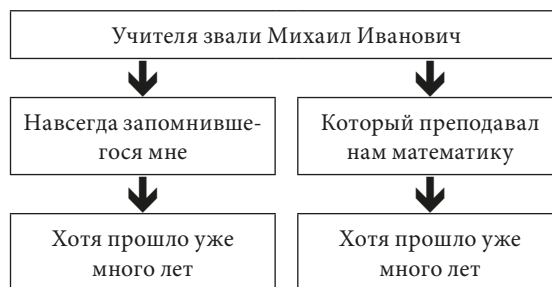

Рис. 4

Понятно, что это далеко не предел. Студенты легко найдут в произведениях Толстого и Достоевского примеры предложений с информативной емкостью 20 и более.

Далее можно попробовать рассчитать информативную емкость не только предложения, но и текста или фрагмента текста. Для этого количество названных ситуаций делится на количество предложений. Чем больше полученное значение, тем больше информативная емкость и сложнее текст. Чтобы поддерживать интерес учащихся, меняем тип текста. Сравниваем фрагменты учебников по географии [Герасимова, Неклюкова 2010] и по русскому языку [Баранов и др. 2015] для 6 класса:

«География», с. 3: Перед современной географией стоят совершенно другие задачи. Выяснить, как и какие природные процессы создают горы и равнины; как изменяется рельеф Земли; какие общие закономерности влияют на таяние ледников, рост деревьев, расположение городов и т. п.; не только исследовать и описать всю поверхность Земли, но и объяснить, почему она устроена именно так, а не иначе — вот задачи современной географии. География должна также предвидеть, прогнозировать изменения в природе, особенно те, которые могут произойти в результате деятельности людей, отвечать на вопрос о том, как лучше использовать богатства природы, чтобы она не обеднела, а ее запасы не истощились. Информативная емкость этого текста — 8.

«Русский язык», с. 34: Текст — это речевое высказывание, в котором предложения связаны общей темой, общей мыслью. Текст может иметь заглавие. По форме тексты могут быть устными и письменными. По виду речи — монологическими и диалогическими. По типу речи тексты делятся на повествование, описание, рассуждение. Устойчивые разновидности текстов — это жанры (заявление, информационная заметка, письмо и т. д.) Информативная емкость — 1,17.

Получается, что у авторов двух учебников для шестого класса разные представления об уровне сложности текста, оптимальном для адресата этого возраста и для изложения их учебных предметов. С точки зрения длины предложений, разветвленности и этажности их структуры эти

тексты различаются аналогично: учебник географии сложнее по всем параметрам.

Шаг 6. Знакомим студентов с компьютерными инструментами определения сложности русского текста. Указываем, что при их использовании нужно иметь в виду следующее: а) некоторые из этих программ ориентированы на расчет сложности текстов только определенного типа (например, рекламных текстов или веб-сайтов); б) они работают на разных принципах и могут давать разные результаты по одному тексту; в) ряд этих инструментов использует формулы сложности текста (читабельности), изначально созданные для английского языка, которые плохо адаптированы к русскому.

Для наглядной демонстрации сказанного можно обработать приведенный выше пример из школьного учебника географии с помощью инструментов «Текстометр» [Лапошина, Лебедева 2021] <https://textometr.ru>, по которому он будет характеризоваться как «достаточно простой текст, подойдет для возраста 11–12 лет (5–6 класс)», и Plainrussian.ru, где мы получим совсем другой результат, неадекватность которого исследуемому материалу видна невооруженным глазом: «Достаточно сложно читать. 1–3 курсы ВУЗа (так на сайте — М. С.) (возраст примерно 17–19 лет)». Различие в результатах обусловлено тем, что, в отличие от создателей первого инструмента, оригинального, разработчики второго опирались на 5 англоязычных формул, которые плохо адаптированы не только для русского языка, но и для российской системы образования. Тем не менее для нас и эти данные могут сыграть позитивную роль как мотиваторы для студентов, интересующихся компьютерными технологиями.

Шаг 7. Формируем ценностное отношение к сложности и простоте текста. Возвращаемся к тому, что русский язык — это инструмент реализации прав и обязанностей гражданина РФ, и развиваем эту мысль: русский язык — это еще и инструмент формирования, образования, воспитания гражданина РФ. Перед государством и обществом должна стоять цель — дать людям достойное образование, учить их мыслить и выражать свои мысли и чувства в текстах, сложность которых

соответствует сложности этих мыслей и чувств (без этого невозможен ни научно-технический, ни культурный, ни нравственный прогресс человечества), а не упрощать тексты до уровня «любого человека».

В самом деле, если человек привыкает читать только очень простые тексты, он отучается использовать мозг для решения задачи по получению из текста смысла, а значит ослабляет свой интеллект, ибо интеллект — это способность использовать мозг для решения задач, как гласит одно из его классических определений [Bingham 1937; Gardner 1993]. Вступает в действие первое правило нейропластичности [Shors et al. 2012] — «Используй или потеряешь» (Use it or lose it). Здесь уместно сопоставление с ребенком, который уже умеет есть твердую пищу, а его продолжают кормить пюре с ложечки. Каждый трудный текст — это тренировка нашего мозга: преодолевая такие тексты, мы развиваем навыки, которые помогут нашей когнитивной системе защитить нас, если кто-то захочет нас обмануть или нами манипулировать, дадут ей возможность быстро и точно принять решение на основе полученной информации, когда это будет нужно. Именно такое отношение к восприятию сложных текстов следует прививать студентам (параллельно с обучением их технике регулирования сложности порождаемого текста), а не надежду, что «все обойдется» и они смогут закончить вуз, сделать успешную карьеру и в целом состояться в жизни, не читая сложных текстов, или кто-то упростит для них все сложные тексты до удобоваримого уровня. Здесь уместно вспомнить и другое классическое определение интеллекта как способности достигать **сложных** целей в **сложных** средах [Goertzel 2006]. См. также [Minsky 1985; Nakashima 1999].

Здесь же следует провести мысль о том, что русский язык как государственный предназначен не только для передачи инструкций от бизнеса клиентам, оформления исков в суд, ответов госслужащих на заявления граждан и т. п. Согласно ст. 68 п. 1 Конституции Российской Федерации, «Государственным языком Российской Федерации на всей ее территории является русский язык как язык государствообразующего народа,

входящего в многонациональный союз равноправных народов Российской Федерации». Это значит, что русский язык в функции государственного не теряет функции хранения, передачи и умножения культурных ценностей, нравственных принципов и в целом ментальности русского народа, не освобождается от своей роли носителя высших духовных смыслов, оценок и идей, представлений об общественном устройстве и взаимодействии человека и общества, которые свойственны этому народу. А такие понятия, как *совесть*, *честь*, *справедливость*, *дружба* и т. п., далеко не являются простыми, они гораздо сложнее, чем многие научные термины.

Можно ли требовать, чтобы они обсуждались и передавались в «упрощенных текстах»? Можно ли упрощать тексты о русской истории — сложной и противоречивой, не теряя при этом важных смыслов? Конечно, каждый учебный текст должен соответствовать возрасту обучаемого. Но вспомним наш пример с учебником географии: если тексты такой сложности убрать из школы и начать их читать только на первых курсах вуза, получат ли школьники адекватные представления о сложности внешнего мира и разовьют ли они свой разум до такой степени, чтобы приступить к профессиональному образованию? Это вопросы предназначены для обсуждения со студентами и методически «убивают двух зайцев». Во-первых, мы обучаем аудиторию пользоваться вопросно-ответным методом как способом рассуждения (и дискуссии как коллективного рассуждения) и анализа текста в его соотношении с вербализуемой в нем действительностью. Во-вторых, приучаем к тому, что уровень сложности текста и в целом выбор языковых средств и приемов его построения — это предмет размышления, принятия решений, а не автоматизма. Этой идеи — что они сами могут делать свой текст разным (более или менее сложным, более или менее выразительным и т. п.) — в голове у вчерашних школьников нет. Они имеют тенденцию воспринимать использованный ими способ выражения как единственно возможный. А крайне важно, чтобы они осознали, что у них есть выбор не только что говорить или писать, но и как.

Шаг 8. Рассматриваем синтаксическую сложность текста как художественный прием. **Нам потребуются:** одно литературное произведение, в котором для решения художественной задачи происходит переключение с коротких и простых синтаксических структур на более длинные и развернутые (например, рассказ Б. Екимова «Живые помощи», где «разным синтаксисом» дублируется описание бомбардировок фашистской авиацией Сталинграда, которое дается то глазами главного героя в детстве, то в его воспоминаниях на закате дней), и два литературных произведения одного автора, одно из которых написано «простым синтаксисом», а второе — «сложным». Например, стихотворения-рекламы, в которых В. Маяковский призывает своих современников читать два журнала — литературное издание «Лев» и научно-популярное — «Знание — сила».

Шаг 9. Осваиваем субъектный и предикатный анализ текста и анализ отношений на примере законов и других нормативных документов. **Нам потребуются:** несколько статей разной сложности из законов, имеющих касательство к профессиональной сфере студентов или их возрасту.

Обсуждаем: что делать читателю, если сложность описываемых в законах объектов и отношений приводит к сложности текста закона или если авторы нормативных актов чрезмерно усложняют текст, не задумываясь о его читабельности? Мы не можем никак повлиять на эти факторы. Но мы можем приучить себя к внимательному и аккуратному анализу подобных текстов. Этот навык требует тренировки, но, когда он развит, будет работать по отношению ко всем «запутанным» официально-деловым документам.

Навык чтения синтаксически сложных текстов развивается тремя видами упражнений: 1) субъектный анализ, 2) предикатный анализ, 3) анализ отношений.

Субъектный анализ — выявление всех субъектов (производителей действий, носителей признаков), которые названы в предложении. **Предикатный анализ** — обнаружение всех признаков (предикатов), которые приписываются субъектам. Это могут быть действия, качества, оценки, состояния, количественные характеристики и пр. **Анализ**

отношений — определение того, в каких отношениях между собой находятся сообщения о разных субъектах и их признаках в составе предложения (разные ситуации, названные в предложении). Это могут быть отношения по времени (последовательность или одновременность), отношения в пространстве, целевые, условные, причинные, уступительные, сопоставительные отношения.

Покажем, как это работает, на примере статьи ФЗ «Об обращении лекарственных препаратов»: *Экспертиза лекарственных средств проводится комиссией экспертов экспертного учреждения, назначенной его руководителем, на основании задания на проведение экспертизы лекарственного средства, выданного уполномоченным федеральным органом исполнительной власти.*

Субъектный анализ: в этом предложении студенты должны найти три действующих субъекта — *уполномоченный федеральный орган исполнительной власти, руководитель экспертного учреждения и комиссия экспертов.*

Предикатный анализ — какие действия выполнят эти субъекты:

- уполномоченный федеральный орган исполнительной власти *выдает задание;*
- руководитель экспертного учреждения *назначает комиссию экспертов;*
- комиссия *проводит экспертизу.*

Анализ отношений выполняется в проекции на линейную структуру предложения (последовательность действий в реальности сопоставляется с последовательностью сообщений о них). В данной статье «все наоборот»: сначала сообщается о том действии, которое совершается последним (*комиссия проводит экспертизу*), а действие, с которого все начинается (*орган исполнительной власти выдает задание*), названо последним. Связующим звеном между действиями трех субъектов является *задание* как условие выполнения экспертизы: орган государственной власти его выдает, а комиссия экспертов, назначенная руководителем учреждения, его выполняет.

Отдельного рассмотрения требует случай, если субъект не назван в предложении. Возможны следующие варианты: а) его можно восстановить по контексту; б) действие или другой признак

относятся ко всем возможным субъектам, к любому субъекту; в) указание на субъект не является юридически значимым; г) в документе неточность или ошибка. Например, в ст. 69 п. 1 Закона «Об обращении лекарственных препаратов» названы два субъекта: производитель лекарственного препарата (он произвел препарат, издал инструкцию, обязан возместить вред) и пострадавшие граждане. Но не названо, кто *причинил вред*, кто *применял* лекарственный препарат (сами граждане? медицинские работники?), кто *ввел* недоброкачественный препарат *в гражданский оборот* и кто должен *доказывать*:

Производитель лекарственного препарата обязан возместить вред, причиненный здоровью граждан вследствие применения лекарственного препарата, если доказано, что:

1) *лекарственный препарат применялся по назначению в соответствии с инструкцией по применению лекарственного препарата и причиной вреда явился ввод в гражданский оборот недоброкачественного лекарственного препарата;*

2) *вред здоровью причинен вследствие достоверной информации, содержащейся в инструкции по применению лекарственного препарата, изданной производителем лекарственного препарата.*

Шаг 10. Учимся видеть мир профессиональными глазами через призму учебного текста. Студенты возвращаются, обогащенные новыми знаниями и навыками анализа текста, к тому, с чего начинали — реконструкции мира, стоящего за текстом. **Нам потребуются:** фрагменты учебников, в которых для «доступа» к референту (лучше всего — зрительно воспринимаемому) необходим не просто анализ языкового облика текста, но анализ, учитывающий особенности профессионального языка и картины мира специальности.

Для геологов таким фрагментом может быть описание одного из слоев свиты (отложения одного возраста, накопившиеся в определенных условиях) в учебнике по стратиграфии: *Песчаники зелено-серые, темно-зелено-серые мелкозернистые, среднемелкозернистые тонкогоризонтально- и крупнокослоистые полевошпато-кварцево-граувакковые с примесью вулканокластического материала с хлоритовым, иногда кальцитовым*

поровым и пленочным цементом, с многочисленными известковыми конкрециями различной формы, часто в виде конкреционных прослоев.

В этом описании обращает на себя внимание обилие сложных прилагательных, включающих от 2 до 4 частей и называющих дифференциальные признаки горных пород — цвет, состав, текстуру, структуру. Они образованы по специальным правилам, и понять этот текст может только тот, кто с этими правилами знаком. Порядок следования этих прилагательных тоже не случаен, он содержит дополнительное сообщение об условиях и истории формирования пород. Сложность текста опять же обуславливается его коммуникативным предназначением. Наука должна компактно передавать большой объем знаний: она максимально использует все средства языка, чтобы сделать это, активизируя даже то, что в обыденном языке не востребовано.

Сложность такого текста определяется не количеством «незнакомых слов» — их можно посмотреть в специальном словаре, а особыми правилами оперирования языковыми единицами. Эти правила (порядок компонентов в сложных прилагательных, точное количественное значение суффиксов и лексемы *примесь* и т. п.) прописываются в учебниках по специальности: «... Существует несколько способов наименования породы смешанного гранулометрического состава. Первый способ заключается в констатации факта присутствия обломков разной размерности. При этом на первом месте указывается размерность фракции, содержание которой в породе меньше: например, название “песчаник мелко-среднезернистый” означает, что в его составе преобладает среднезернистая фракция (размер обломков 0,25–0,5 мм), а количество мелкозернистой (0,1–0,25 мм) фракции сокращено. Второй способ заключается в применении в словах суффиксов: *-ист, -ов, -ный*. Суффикс *-ист* означает незначительную примесь, в пределах 15–25 %; суффикс *-ов* и *-ный* — содержание до 25–50 %. Сравните: *песчаник алевритовый* (содержание алевритовой фракции 25–50 %) и *песчаник алевритистый* (содержание алевритового материала 15–25 %). Если содержание материала с размерностью другого класса составляет менее 15 %, то используют слово “примесь”: фраза “песчаник

с примесью гравия» означает, что содержание обломков размером от 1 до 10 мм составляет не более 15 %» [Недоливко 2006: 25].

Неспециалисту идея, что суффикс может выражать точное процентное значение, покажется нонсенсом. Даже для химика окажется неожиданным то, насколько точно количественно определяется здесь слово «примесь». Это важная черта научного языка, усложняющая его восприятие профанами: каждая специальность не только «добавляет» новые единицы к общеязыковому словарю (*грауваковский, алевритовый, конкреция, гранулометрический, вулканокластический*), не только «переосмысливает» общеязыковые слова, придавая им новые значения и формы (*цемент, прослой* вместо *прослойка*), но и вводит свои правила оперирования языковыми единицами, отражающие научные интересы данной дисциплины и ее методы. В сложном прилагательном геолог прочитывает не только качественные, но и количественные смыслы: «Например, “шауконит-полевошпат-кремневые кварцевые песчаники” (кварца более 60 %, остальные компоненты — примеси, содержащиеся по отдельности более 5 %), “слюдисто-полевошпатовые глауконит-кремнево-кварцевые песчаники” (обломков глауконита, кремнистых пород и кварца по отдельности больше 20 %, а слюды и полевых шпатов менее 20 %, но более 5 %). Во всех случаях названия компонентов располагаются в порядке увеличения их содержания» [Гмид и др. 2009: 10].

Все в естественно-научном тексте подчинено одной задаче: для автора — передать в слове данные научных наблюдений, для читателя — научиться наблюдать так же, как и автор, и описывать и осмысливать свои наблюдения с помощью тех языковых средств — слов и конструкций, которые нужны, чтобы влиться в профессиональное сообщество, начать думать и говорить как ученые определенной специальности [Сидорова, Хапчаев 2021]. В конечном итоге получается, что правила построения научного (в том числе учебного) текста — это правила перевода наблюдаемого мира в словесную форму, а для чтения такого текста требуется умение «обратного перевода». Поскольку уровень детализации научных наблюдений больше, а уровень их осмысления глубже, чем

в обыденной жизни, науке и нужны особые правила построения текста. Например, геолог должен не только **знать**, как называется, чем характеризуется и как образуется та или иная текстура горной породы, он должен **видеть** ее в конкретном образце и прикреплять правильное слово (термин) к наблюдаемому объекту. А медик должен научиться для локализации органов человека и их частей оперировать оппозициями, которые мы не используем в общелитературном языке и которые не используют физики, химики и геологи: кверху, или краниально — книзу, или каудально; кпереди, или вентрально — кзади, или дорсально; кнутри, или медиально — кнаружи, или латерально; проксимально — дистально (ближе или дальше к тому месту, где конечность прикрепляется к телу). Вместо горизонтальной и вертикальной плоскостей он будет не просто использовать три (*сагиттальная, фронтальная, горизонтальная*), но и учитывать дополнительную условность для употребления этих терминов: при приложении их к телу человека имеется в виду его вертикальное положение (хирург должен привыкнуть «видеть» человека именно таким образом, хотя на операции будет все время наблюдать его в лежачем положении). Таким образом, как ни парадоксально, когда мы учим читать научный текст, мы учим студентов и видеть мир как ученые их специальности.

Выводы

1. Освоение сложных текстов на этапе высшего образования необходимо как для освоения учебных предметов, так и для личностного развития. В метапредметном плане оно способствует развитию интеллекта. В предметном — дает выход на важнейшую составляющую образования — научную картину мира (общую и специальную), которая существует, совершенствуется и передается в научном сообществе и от него обществу в целом в виде текстов.

2. Освоение синтаксически сложных текстов в предложенной методике достигается путем формирования переносимых (по Дж. Брунеру) навыков анализа синтаксических структур. Эти навыки являются переносимыми (т. е. могут

использоваться студентами в любой аналогичной ситуации), поскольку формируются на основе достижений современной функционально-коммуникативной грамматики и психолингвистики.

3. У современного курса «Русский язык и культура речи» должна быть концепция, отвечающая студенту на вопрос «Чему мы научимся и зачем?», а не мозаичная структура из ортологических знаний и сведений об идеальном устройстве функциональных стилей. Мы предлагаем концепцию, объединяющую все знания и умения, которые реально вместить в лимит отпущенных на нашу дисциплину часов, единым вектором — снятия трудностей восприятия устного и письменного текста, с которыми вчерашние школьники приходят в университет и во взрослую жизнь. Это снятие трудностей способно увеличить скорость и глубину усвоения текстов, облегчить это усвоение, сделать его более сознательным и привлекательным и тем самым стимулировать учащихся к получению информации из более качественных, надежных (и заведомо более сложных текстов), чем блоги, социальные сети, шпаргалки к экзаменам, выложенные в интернете, и т. п. В конечном счете, это вопрос не только повышения качества образования, но и информационной безопасности нации.

ЛИТЕРАТУРА

- Баранов и др. 2015 — Баранов М. Т., Ладыженская Т. А., Тростенцова Л. А., Ладыженская Н. В., Григорян Л. Т., Кулибаба И. И. *Русский язык. 6 класс. В 2 ч. Ч. 1*. М.: Просвещение, 2015. 191 с.
- Герасимова, Неклюкова 2010 — Герасимова Т. П., Неклюкова Н. П. *География. 6 класс*. М.: Дрофа, 2010. 174 с.
- Гмид и др. 2009 — Гмид Л. П., Белоновская Л. Г., Шибина Т. Д., Окнова Н. С., Ивановская А. В. *Методическое руководство по литолого-петрографическому и петрохимическому изучению осадочных пород-коллекторов*. СПб.: ВНИГРИ, 2009. 160 с.
- Лапошина, Лебедева 2021 — Лапошина А. Н., Лебедева М. Ю. Текстометр: онлайн-инструмент определения уровня сложности текста по русскому языку как иностранному. *Русистика*. 2021, 19 (3): 331–345.
- Недоливко 2006 — Недоливко Н. М. *Исследование керна нефтегазовых скважин: учеб. пособие*. Томск: Изд-во ТПУ, 2006. 170 с.
- Сидорова 2024 — Сидорова М. Ю. *Трудных текстов больше нет*. М., 2024. (в печати).
- Сидорова, Белая 2011 — Сидорова М. Ю., Белая Е. В. О синтаксической неоднозначности полипредикативных конструкций в русском языке (в сопоставлении с французским). *Мир русского слова*. 2011, (1): 9–16.
- Сидорова, Хапчаев 2021 — Сидорова М. Ю., Хапчаев Ш. Ю. Почему коммуникативно-функциональный подход к обучению иностранцев языку специальности обязан быть когнитивно-функциональным. *Русский язык за рубежом*. 2021, (1): 64–71.
- Bingham 1937 — Bingham W. V. *Aptitudes and aptitude testing*. New York: Harper & Brothers, 1937. 390 p.
- Gardner 1993 — Gardner H. *Frames of Mind: Theory of multiple intelligences*. New York: Fontana Press, 1993. 463 p.
- Goertzel 2006 — Goertzel B. *The Hidden Pattern*. Boca Raton, Florida: Brown Walker Press, 2006. 470 p.
- Minsky 1985 — Minsky M. *The Society of Mind*. New York: Simon and Schuster, 1985. 340 p.
- Nakashima 1999 — Nakashima H. AI as complex information processing. *Minds and machines*. 1999, (9): 57–80.
- Shors et al. 2012 — Shors T. J., Anderson M. L., Curlik D. M., Nokia M. S. Use it or lose it: How neurogenesis keeps the brain fit for learning. *Behavioural Brain Research*. 2012, 227 (2): 450–458.

REFERENCES

- Баранов и др. 2015 — Baranov M. T., Ladyzhenskaia T. A., Trostentsova L. A., Ladyzhenskaia N. V., Grigorian L. T., Kulibaba I. I. *Russian language. 6 klass. In 2 ch. Ch. 1*. Moscow: Prosvetsheniye Publ., 2015. 191 p. (In Russian)
- Герасимова, Неклюкова 2010 — Gerasimova T. P., Nekliukova N. P. *Geography. 6 klass*. Moscow: Drofa Publ., 2010. 174 p. (In Russian)
- Гмид и др. 2009 — Gmid L. P., Belonovskaia L. G., Shibina T. D., Oknova N. S., Ivanovskaia A. V. *Methodological guide to the lithological, petrographic and petrochemical study of sedimentary reservoir rocks*. St. Petersburg: Vserossiiskii neftianoi nauchno-issledovatel'skii geologorazvedochnyi institut Publ., 2009. 160 p. (In Russian)
- Лапошина, Лебедева 2021 — Laposhina A. N., Lebedeva M. Yu. Textometer: An online tool for determining the level of complexity of a text in Russian as a foreign language. *Rusistika*. 2021, 19 (3): 331–345. (In Russian)
- Недоливко 2006 — Nedolivko N. M. *Core research of oil and gas wells*. Tomsk: Tomskii pedagogicheskii universitet Publ., 2006. 170 p. (In Russian)
- Сидорова 2024 — Sidorova M. Yu. *No more difficult texts*. Moscow, 2024. (In print). (In Russian)
- Сидорова, Белая 2011 — Sidorova M. Yu., Belaia E. V. On the syntactic ambiguity of polypredicative constructions in the Russian language (in comparison with French). *Mir russkogo slova*. 2011, (1): 9–16. (In Russian)
- Сидорова, Хапчаев 2021 — Sidorova M. Yu., Kharpchaev Sh. Yu. Why the communicative and functional approach to

teaching foreigners the language of the specialty must be cognitive and functional. *Russkii iazyk za rubezhom*. 2021, (1): 64–71. (In Russian)

Bingham 1937 — Bingham W.V. *Aptitudes and aptitude testing*. New York: Harper & Brothers, 1937. 390 p.

Gardner 1993 — Gardner H. *Frames of Mind: Theory of multiple intelligences*. New York: Fontana Press, 1993. 463 p.

Goertzel 2006 — Goertzel B. *The Hidden Pattern*. Boca Raton, Florida: Brown Walker Press, 2006. 470 p.

Minsky 1985 — Minsky M. *The Society of Mind*. New York: Simon and Schuster, 1985. 340 p.

Nakashima 1999 — Nakashima H. AI as complex information processing. *Minds and machines*. 1999, (9): 57–80.

Shors et al. 2012 — Shors T.J., Anderson M.L., Curlik D.M., Nokia M.S. Use it or lose it: How neurogenesis keeps the brain fit for learning. *Behavioural Brain Research*. 2012, 227 (2): 450–458.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ ОБУЧЕНИЯ РКИ НА ПРИМЕРЕ ТЕМАТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ «ИГРУШКИ»

LYUDMILA V. KOTANE

LINGUISTIC METHODS OF TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE ON THE EXAMPLE
OF THE THEMATIC GROUP "TOYS"

**Людмила Викторовна
Котане**

<https://orcid.org/0009-0005-3247-7676>

► ludmila.kotane@yandex.com

аспирант, преподаватель

Владимирский государственный
университет,
Российская Федерация, 600000,
Владимир, ул. Горького, 87

Lyudmila V. Kotane

Postgraduate Student, Lecturer

Vladimir State University,
87, ul. Gor'kogo, Vladimir,
600000, Russian Federation

Настоящая статья носит практико-ориентированный характер. Рассматриваются возможные векторы применения лексики, входящей в тематическую группу «Игрушки», в процессе обучения детей русскому языку как иностранному на элементарном и базовом уровнях: при изучении алфавита, освоении навыка чтения, изучении грамматического материала (существительные и прилагательные мужского и женского рода, притяжательные местоимения, спряжение глаголов), а также при пополнении лексической базы. Подчеркивается значимость эмоциональной вовлеченности учащихся в познавательный процесс и обеспечение этого условия за счет выбора описываемых приемов на основе лексем, относящихся к тематической группе (ТГ) «Игрушки». В качестве языкового материала используются две тематические области типологии ТГ «Игрушки» — искусственные и виртуальные игрушки. Предложены методические приемы составления заданий по темам «Внешность», «Характер», и показана возможность применения слов и фраз-распространителей для конкретизации и описания игрушки/объекта. Кроме того, приводятся примеры заданий, разработанных на базе лексики тематической области «Виртуальные игрушки», которые нацелены на освоение винительного, творительного и предложного падежей, форм прошедшего времени. В настоящей статье автор делится результатами, полученными от внедрения экспериментального курса РКИ, включающего перечисленные лингвистические приемы. Курс проходили дети в возрасте 9–11 лет в языковой школе в Латвии (родной язык обучаемых — латышский). По традиционной программе обучались 16 учеников и 16 — по программе «Учим русский язык, играя в “Майнкрафт”». Для оценки эффективности освоения РКИ, кроме оценки навыков говорения, чтения, письма и понимания, автором вводятся дополнительные критерии — лингвистические *soft skills* (мягкие языковые навыки): скорость реакции/ответа, уверенность в процессе коммуникации, использование распространителей. Результаты показали, что при относительно равном успешном освоении учебной программы в группах по программе, основанной на базе лексики компьютерной игры, обучаемые лучше запоминают лексику и грамматические конструкции русского языка, а также более уверенно говорят и с большей вовлеченностью принимают участие в коммуникативных ситуациях.

Ключевые слова: тематическая группа, типология, игрушки, лингвистические приемы, компьютерные игры, задания РКИ, виртуальные игрушки, методический эксперимент.

This article is practice-oriented and discusses the possible vectors of using the vocabulary included in the thematic group “Toys” in teaching children Russian as a foreign language at the elementary and basic levels: when learning the alphabet, mastering reading skills, studying

grammatical material (masculine and feminine nouns and adjectives, possessive pronouns, conjugation of verbs), as well as when replenishing the lexical base. The importance of the emotional involvement of students in the cognitive process and the provision of this condition through the choice of the described techniques based on lexemes related to the thematic group (TG) “Toys” are emphasized. As a language material, two thematic areas of the typology of the TG “Toys” are used, artificial and virtual. The article proposes methodological methods for compiling tasks on the topics “Appearance”, “Character” and shows the possibility of using words and phrases-distributors to concretize and describe a toy/object. In addition, examples of tasks developed on the basis of the vocabulary of the thematic area “Virtual Toys” are given, which are aimed at mastering the accusative, instrumental and prepositional cases, past tense forms. In this article, the author shares the results of an experimental course of Russian as a foreign language, using the linguistic techniques listed above. The course was held in a language school in Latvia for children aged 9–11 (the native language of the students is Latvian). 16 students were studying according to the traditional program and 16 were studying according to the program “Learning Russian by playing Minecraft”. To assess the effectiveness of mastering Russian as a foreign language, in addition to assessing the skills of speaking, reading, writing and understanding, the author introduces additional criteria, linguistic soft skills (soft language skills): reaction/response speed, confidence in the communication process, the use of distributors. The results showed that with a relatively equal successful mastering of the curriculum in groups based on the program based on the vocabulary of a computer game, students better remember the vocabulary and grammatical structures of the Russian language, and also speak more confidently and take part in communicative situations with greater involvement.

Keywords: thematic group, typology, toys, linguistic techniques, computer games, Russian as a foreign language, virtual toys, methodical experiment.

Введение

На взгляд автора статьи, типология тематической группы (ТГ) «Игрушки» включает в себя три тематических области (ТО): естественные, искусственные и виртуальные игрушки. К естественным игрушкам относятся любые предметы природного происхождения, а также предметы быта, окружающие ребенка, используемые для осуществления игровой деятельности. ТО «Искусственные игрушки» составляют предметы, созданные специально как средство для достижения игровых целей — развлечения, обучения, социализации, познания мира. К третьей тематической области — «Виртуальные игрушки» — относятся денотации

всех явлений и процессов, происходящих в виртуальной среде компьютерных игр.

Игрушки присутствуют в жизни каждого человека и несут в себе яркую эмоциональную составляющую, что дает возможность взглянуть на них как на богатый ресурс для применения, в частности для освоения русского языка как иностранного (РКИ).

Несомненно, очень важно эмоционально вовлечь обучаемого в образовательный процесс, поскольку это приводит к лучшему запоминанию. Тему эмоционального вовлечения рассматривали такие ученые, как Т. У. Бьюкенен (T. W. Buchanan), Р. Адольфс (R. Adolphs), Э. А. Кенсингер (E. A. Kensingger), Р. Дж. Гарофф-Итон (R. J. Garoff-Eaton), М. Чархаби (M. Charkhabi), М. Арсалиду (M. Arsalidou). Е. Е. Николаева в своей работе «Психофизиология. Психологическая физиология с основами физиологической психологии» пишет, что информация, связанная у обучаемого с переживанием (или ассоциацией переживания) личного опыта, лучше запоминается. Исследователь назвала этот феномен эффектом личной адресности [Николаева 2017: 352]. Влияние эмоций на процессы запоминания и припоминания изучали такие специалисты, как Р. И. Розовская и И. В. Печенкова. Результаты их исследования работы головного мозга и влияния эмоционально окрашенных объектов на процессы удержания информации в рабочей и долгосрочной памяти подчеркивают важность эмоционального вовлечения обучаемого и организации условий обучающего процесса, которые коррелируются с контекстом эмоционально окрашенных переживаний у обучаемых [Розовская и др. 2014: 37]. Проблеме мотивации при изучении детьми дошкольного и школьного возраста русского языка как иностранного посвящены работы Д. М. Кривоборской [Кривоборская 2016], З. Н. Никитенко [Никитенко и др. 2017] и М. Чархаби [Charkhabi et al. 2019]. Актуальную тему использования компьютерных игр-квестов, видеоигр и игровых образовательных технологий в качестве методов активного обучения в РКИ раскрывают: А. С. Горшунова [Горшунова 2019], Е. Б. Коломейцева и С. А. Шмалько-Затиная [Коломейцева, Шмалько-Затиная 2021], А. В. Матохина,

Н. В. Харламова, О. А. Шабалина, Е. А. Куликов [Матохина и др. 2017].

С учетом заложенного в игрушки потенциала, который обусловлен эмоциональной окраской, сопровождающей игровую деятельность, актуальность темы статьи заключается в исследовании возможностей применения лексем ТГ «Игрушки» в сфере изучения РКИ.

Цели и задачи

Целями настоящей статьи является исследование и описание векторов использования тематической группы «Игрушки» в качестве материала для обучения РКИ детей.

Основные задачи состоят в следующем:

- 1) выделить механизмы возникновения связи позитивного эмоционального отклика и качества усвоения учебного материала;
- 2) описать приемы обучения РКИ на примере тематической области «Искусственные игрушки»;
- 3) описать приемы обучения РКИ на примере тематической области «Виртуальные игрушки»;
- 4) проанализировать опыт преподавания курса РКИ с использованием лексической базы игры «Майнкрафт» и со следованием стандартной программе.

Состояние изучения вопроса

Благодаря исследованиям работы мозга и процессов запоминания [Buchanan, Adolphs 2002] на сегодняшний день ученые и педагоги доказали, в частности, важность эмоциональной вовлеченности в процесс обучения. Согласно принципу специфичности кодирования долговременной памяти, который впервые был сформулирован Э. Тульвингом, «эффективность запоминания материала возрастает, если контекст воспроизведения соответствует контексту ситуации запечатления материала» [Tulving, Thomson 1973].

Существующие экспериментально-психологические исследования показывают, что материал с эмоциональной окраской (изображения, слова, фразы, тексты), как правило, лучше воспроизводится из долговременной памяти, чем нейтрально окрашенный материал [Buchanan, Adolphs 2002].

Разработки Э. А. Кенсингер и Р. Дж. Гарофф-Итон продемонстрировали, что репрезентация деталей лучше проходит по стимулам с эмоциональной окраской. Причем если разделять валентность эмоций на положительную, нейтральную и негативную, то лучше вспоминается положительно окрашенный материал (для автобиографической памяти), и показатели запоминания для объектов с нейтральной эмоцией выше, чем для объектов с негативной [Kensinger, Garoff-Eaton, Schacter 2006; Kensinger, Schacter 2008].

Р. И. Розовская и ее коллеги в статье «фМРТ-исследования удержания в рабочей памяти изображений эмоциональной валентности» делают следующий вывод: «Эмоциональная валентность изображений оказывает существенное влияние на эффективность рабочей памяти: успешность выполнения задания выше всего для нейтральных изображений при минимальном времени ответа и ниже всего для негативных изображений при максимальном времени ответа» [Розовская и др. 2014: 37].

Таким образом, видим, что эмоционально окрашенные объекты остаются в памяти человека более устойчиво. Причем для удержания информации в рабочей памяти лучше выбирать нейтрально заряженные стимулы, а в долговременной — стимулы с положительной окраской. Отметим, что именно долговременная память важна для устойчивого запоминания лексики и конструкций на иностранном языке. Для изучения русского языка как иностранного на начальных уровнях большое значение имеет эмоциональное восприятие материала обучающимися. При запоминании новой лексики РКИ на основе лексики тематической группы «Игрушки» также происходит синхронизация пережитого эмоционального опыта и изучаемого материала, что отвечает принципу Тульвинга.

Лингвистические приемы обучения РКИ на примере тематической области «Искусственные игрушки»

В тематической области «Искусственные игрушки» выделяется десять лексико-семантических групп (ЛСГ). Для более эффективного решения

задач выбраны ЛСГ «Сюжетно-образные игрушки» и «Игрушки-успокоители».

Сюжетно-образные игрушки — это те игрушки, которые определяют сюжет игры и отвечают задачам развития мышления, речи, воображения. К ЛСГ «Игрушки-успокоители», в частности, относятся денотаты, обозначающие мягкие игрушки.

Далее приведены несколько вариантов заданий, позволяющих использовать игрушки в качестве методического материала для изучения РКИ на начальном уровне для детей дошкольного и младшего школьного возраста.

1) Использование притяжательных местоимений: мой/моя, твой/твоя, его, ее.

Описание. Дети приносят на занятие по две игрушки. Игрушки желательно подобрать таким образом, чтобы название одной было женского рода, а второй — мужского.

- Каждый представляет свои игрушки: *Это моя кукла. Это мой самолет.*
- Все игрушки складываются в центр стола. Происходит инициация мини-диалогов: каждый из участников берет на выбор игрушку и спрашивает кого-то из группы: *Это твоя игрушка (твоя кукла / твой самолет)?* Ребенок, которому задали вопрос, отвечает полным предложением: *Да, это моя кукла* или, показывая на хозяина игрушки: *Нет, это его/ее кукла.*

2) Использование распространителей:

- имен прилагательных в именительном падеже для описания игрушки; знакомство с окончаниями имен прилагательных в мужском и женском роде.

Описание методического приема. Задание формулируется таким образом, чтобы оно включало грамматический компонент — названия игрушек женского и мужского рода; количественный компонент — дети должны подобрать два распространителя; лексический — следует выбирать прилагательные, описывающие внешние и личностные характеристики. Набор прилагательных составляется учителем согласно выбранным заранее игрушкам: *красивый, умный, большой, маленький, пушистый, мягкий, быстрый, добрый, злой, хитрый*; по цветам: *красный, синий, желтый* и т. д.

Ход задания. Каждый ребенок выбирает по две игрушки так, чтобы название одной игрушки было в женском роде, а второй — в мужском. Далее из набора имен прилагательных, которые могут описывать игрушку, дети выбирают по два распространителя: *Это добрая и красивая лиса. Это синий и быстрый самолет*;

- распространителей в творительном падеже.

Описание. К набору игрушек учитель готовит фразы-распространители в творительном падеже. Примеры: *с большим/маленьким носом, с длинным/коротким хвостом, с доброй улыбкой, с голубыми глазами, с черными глазами, с длинными ушами, с золотыми волосами.*

1. Ученики по очереди выбирают игрушку из центра стола и произносят фразу, описывающую ее: *Это кукла с голубыми глазами, это заяц с длинными ушами* и т. д. 2. В процессе инициации мини-диалогов дети просят друг у друга по очереди: *Дай мне, пожалуйста, куклу с голубыми глазами.* — *Спасибо. Дай мне, пожалуйста, собаку с большим носом.* 3. Организуется игра «Угадай игрушку». Один ребенок садится спиной к другим детям и игрушкам. Другой ребенок берет одну из игрушек со словами: «Что это за игрушка?» Первый ребенок должен задавать уточняющие вопросы, на которые можно ответить «да» или «нет»: *Это синий самолет? Это кукла с золотыми волосами? Это злой волк? Это кукла с книгой?* 4. Нужно рассказать о своей игрушке: кто это, какой/какая?

Игрушки обладают множеством разноплановых характеристик, поэтому легко позволяют освоить конструкции с распространителями. Поскольку игрушка всегда представляет собой эмоционально значимый предмет, то, естественно, возникает желание конкретизировать ее описание. Например, в значение слова *кукла* не входят дополнительные характеристики, и появляется потребность в уточнении: *кукла с золотыми волосами, кукла с голубыми глазами, маленькая кукла с большими глазами.* Кроме того, существуют типовые игрушки, например кукла Барби, конструктор «Лего». В этом случае достаточно одного названия-определителя. Однако при наличии нескольких типовых игрушек требуются уточнения: *кукла Барби с темными волосами.*

Лингвистические приемы обучения РКИ на примере тематической области «Виртуальные игрушки»

Согласно типологии, к тематической области «Виртуальные игрушки» относится все то, что происходит в виртуальной среде компьютерных игр [Словарь геймера; Словарь компьютерных терминов; Словарь компьютерных терминов и интернет-сленга; Список игровых терминов]. Выделяется три ЛСГ: 1) жанры (*бродилки, стратегии, симуляторы, шутеры*); 2) игровые персонажи (*босс, твинк, хитер*); 3) дополнительные средства в игре (*ачивка, сет, хилка*).

Рассмотрим четыре вектора использования тематической области «Виртуальные игрушки» в РКИ для начального уровня:

1. Изучение алфавита. Для знакомства с русским алфавитом можно подбирать лексемы из тематической области «Виртуальные игрушки»: *а — ачивка; б — блок, босс; г — гринд; с — сет, скин; х — хилка* и т. п. Большинство этих слов являются англицизмами и созвучны названиям и терминам среды геймеров на большинстве языков. Так, методом интуитивного чтения обучающиеся легко осваивают русский алфавит. Замечено на практике, что при подобном подходе преодолевается психологическое напряжение, которое часто встречается у студентов при виде «необычных и чужих» букв кириллицы, что, в свою очередь, сокращает время на освоение навыка чтения на русском языке.

2. ТО «Игровые персонажи» помогает в освоении:

а) лексического материала по темам «Внешность» и «Характер» (имена существительные и прилагательные);

б) грамматического материала (окончания имен прилагательных мужского и женского рода в именительном падеже):

Максвелл (Don't Starve), По3 (робот, Inscription), босс — какой? — большой, маленький, умный, сильный, великий;

королева (Don't Starve), леду (Little Nightmares) — какая? — большая, умная, сильная, красивая;

в) коммуникативных навыков в диалогах (чтение и разыгрывание). Обучающиеся читают

диалоги от лица персонажей и затем разыгрывают аналогичные диалоги между собой.

3. ТО «Жанры» может служить для освоения грамматического материала по теме «спряжение глаголов», для изучения настоящего и прошедшего времени глаголов, а также глаголов движения:

- игра-бродилка: *глаголы движения (идти-ходить, ехать-ездить, лететь-летать, плыть-плавать, бежать-бегать)*;
- игра-стратегия: *строить, покупать, продавать, воевать, открывать*. Можно вводить возвратные глаголы: *торговаться, встречаться, сражаться*;
- игра-шутер: *бежать-бегать, искать, стрелять* и т. п.

4. Пополнение лексического запаса на примере игры «Майнкрафт». Используя названия денотатов данного симулятора, преподаватель получает возможность объяснять темы с базовой лексикой (животные, погода, цвета; названия географических, архитектурных объектов, мест; дом и помещения в нем). Закрепить знание данного лексического материала помогает просмотр фрагментов стримов, которые широко представлены на онлайн-видеоплатформах.

Приведем несколько примеров заданий на базе лексики игры «Майнкрафт»:

1. Задание на **освоение винительного падежа**. Даются подписанные изображения предметов, и обучающиеся по очереди отвечают полным предложением на вопрос **Что крафтит Стив?** (Стив — главный персонаж игры «Майнкрафт»). Одна из самых частотных лексем игры — глагол *крафтит/скрафтит* (от англ. craft — «ремесло», «умение»). Применяется геймерами в значении «создать, сделать»; создавать разные предметы путем комбинирования имеющихся у игрока ресурсов): *Стив крафтит кирпичи, факел, броню, молоко, хлеб, торт, меч, вагонетку*. Далее можно усложнить это задание и попросить дополнить ответы именами прилагательными: *Стив крафтит алмазную кирку, вкусный торт, острый меч, крепкие кирпичи* и т. п.

2. Освоение прошедшего времени на базе частотных глаголов игры. Необходимо образовать прошедшее время, используя слова: *я, ты, он, она,*

мы, вы, они + построить, исследовать, сделать, майнить, сварить.

3. Освоение предложного падежа (функция «место»). Обучающиеся получают карточки с изображениями географических мест (биомов): пустыни, леса, пляжа, моря, горы, джунглей, болота, поляны, саванны. Ученики задают друг другу вопрос: *Где ты заспавнился?* Ответы даются полным предложением: *Я заспавнился в/на...* (русифицированный вариант английского глагола *spawn* — «порождать»; *спавниться* — появляться, возрождаться. Англицизм был заимствован из компьютерных игр, где участники после неудачи могут «возродиться»).

4. Задание на **образование простого словосочетания «глагол + существительное»** путем соотнесения по смыслу:

1) строить	a) удочку, кирку
2) делать	b) дом
3) майнить (добывать)	c) алмазы, железо
4) исследовать	d) снеговика
5) восстановить	e) на лодке
6) трейдиться	f) урон
7) купить	g) пещеру, подводный храм, деревню
8) скрафтить	h) в пустыне
9) заспавниться	i) с жителями, с вилдджерами
10) плыть	j) картошку

5. Задание на **образование простого словосочетания «прилагательное + существительное»** путем соотнесения по смыслу:

1) алмазный	k) погода
2) острый	l) дыхание
3) железный	m) башня
4) милая	n) блок
5) хорошая	o) дерево
6) подводное	p) меч
7) высокая	q) голем
8) красивое	r) кошка

Описанные векторы применения ТГ «Игрушки» в изучении РКИ с использованием тематической области «Виртуальные игрушки» определены

исходя из возраста обучающихся. У детей младшего школьного возраста и старше (включая подростковый возраст) при использовании данной ТО происходит наибольшая эмоциональная вовлеченность. Значительное количество англицизмов позволяет легче соотносить слова данной тематической области с родным языком, благодаря чему образуется дополнительная когнитивная сцепка с РКИ. Для детей дошкольного и младшего школьного возраста (до 7–8 лет) тематическая область «Искусственные игрушки» также может успешно применяться в изучении РКИ.

Методический эксперимент по преподаванию курса РКИ для детей на базе лексики компьютерной игры

В рамках языковой школы *Lingua Sphere* (Рига, Латвия) в период с сентября по декабрь 2022 г. было проведено обучение для детей в возрасте 9–11 лет. Родной язык учеников — латышский. Изучение РКИ для начального уровня проходило в четырех группах по восемь человек в каждой.

Целью методического эксперимента являлась оценка эффективности и коммуникативной обоснованности применения лексики ТО «Виртуальные игрушки» для преподавания РКИ.

На основе проведенного анализа популярных онлайн компьютерных игр на территории Российской Федерации в первую очередь и на территории стран Восточной Европы во вторую был сделан выбор в пользу игры «Майнкрафт» (по количеству проданных копий «Майнкрафт» в 2021 г. стала второй по популярности игрой в мире за всю историю компьютерных игр (около 250 млн), уступив только «Тетрис» (520 млн)). Данная игра стала источником лексической базы, относимой к ТО «Виртуальные игрушки». Эмпирические исследования игрового процесса командных онлайн игр также показали, что коммуникация игроков (находящихся физически в разных странах) проходит либо на английском, либо на русском языках. Данная языковая практика характерна не только для «Майнкрафт». Этот важный факт делает лексику ТО «Виртуальные игрушки» важным ресурсом в обучении РКИ и приводит к размышлению

о том, что в настоящее время в виртуальной среде акты коммуникации на русском языке для иностранцев становятся столь же частой практикой, как и в реальной.

Для чистоты оценки результатов эксперимента были созданы следующие условия. Изучение детьми РКИ для начального уровня проходило в четырех группах по восемь человек в каждой. Две группы учились по традиционной методике РКИ и две группы — по программе «Учим русский язык, играя в “Майнкрафт”». Количество учебных часов (30 занятий по 50 мин), круг тем и ритм проведения проверочных работ были одинаковыми; учитель во всех группах один. Таким образом, были созданы максимально одинаковые условия учебного процесса во всех четырех группах.

По завершении курса, после итоговых проверочных работ, подведены итоги по ряду критериев владения РКИ. Помимо оценки традиционных навыков владения РКИ (чтение, письмо, говорение, слушание) были введены дополнительные

критерии, которые условно можно назвать soft skills в лингвистике, или «мягкие языковые навыки» (МЯН) владения иностранным языком.

Под МЯН автор исследования понимает навыки, которые характеризуют свободу и уверенность использования иностранного языка в процессе вербального общения, — скорость реакции/ответа, уверенность в процессе коммуникации, количество используемых распространителей. Для оценки МЯН были выбраны трехбалльные шкалы:

- скорость реакции/ответа, где 1 балл — медленно; 2 — со средней скоростью; 3 — быстро;
- уверенность в процессе коммуникации, где 1 балл — неуверенный ответ; 2 — довольно твердый ответ; 3 — твердый, уверенный ответ;
- использование распространителей, где 1 балл — в коммуникации использовано 3 и менее 3 распространителей; 2 — от 4 до 6

Результаты прохождения курсов (средний результат)

Навыки / критерии / лексические темы	Традиционная программа РКИ, А1		«Учим русский язык, играя в “Майнкрафт”», А1	
	Группа 1	Группа 2	Группа 3	Группа 4
Освоение алфавита, навык чтения, %	95	90	93	89
Грамматика (верное использование грамматических конструкций), %	68	73	66	63
Слушание/понимание, %	64	71	84	89
Говорение, %	73	65	79	82
<i>Освоение лексических тем, %</i>				
Животные	100	95	100	100
Цвета	100	100	100	100
Дом, комнаты, мебель	87	88	96	97
Погода	98	100	100	100
Средний общий результат	85		90	
<i>Мягкие языковые навыки, 1–3 балла</i>				
Скорость реакции/ответа	1,7	1,6	2,7	2,5
Уверенность в процессе коммуникации	2	1,8	2,7	2,8
Использование распространителей	2	2	2,4	2,6
Средний общий балл	1,85 (62 %)		2,62 (87 %)	

распространителей; 3 — от 7 распространителей.

Результаты прохождения курсов представлены в таблице.

В группах 3 и 4 следует отметить использование более связных и длинных предложений, что можно объяснить эмоциональным желанием рассказать о построенном в «Майнкрафте» доме, о «своих» домашних животных, той игровой погоде, которая была, пока ученик строил дом или играл. Пережитый опыт игры в симуляторе неизменно добавлял личностную окраску рассказам детей и вызывал желание рассказать больше, задействуя изученную лексику максимально. Лексические темы курса для учеников данных групп логично соединялись в тематическую область «Мой мир в “Майнкрафт”», лексемы запоминались быстрее, грамматические конструкции использовались учениками охотнее, чем в группах 1 и 2.

Результаты знания лексических тем во всех группах высокие — 87–100 %. Навык аудирования (слушания/понимания) выше в группах 3 и 4 по сравнению с группами 1 и 2 на 19 % (средний показатель для первой и второй групп — 68 %; в третьей и четвертой — 87 %). Навык говорения также более развит в группах, которые обучались на базе игры «Майнкрафт». Средний показатель в группах 3 и 4 — 81 %, что на 12 % выше, чем в группах 1 и 2 (69 %). Однако, что касается точности использования грамматических конструкций и выполнения письменных заданий на грамматику, показатели групп 3 и 4 (средний показатель — 65 %) ниже на 6 %, чем у групп 1 и 2 (средний показатель — 71 %).

По результатам итоговой проверочной работы мягкие языковые навыки — скорость ответа, уверенность в процессе коммуникации, использование распространителей — лучше развиты в группах, занимавшихся по программе «Учим русский язык, играя в “Майнкрафт”». Средний показатель в группах 3 и 4 выше на 0,82, чем в группах 1 и 2. По выбранным критериям в группах 1 и 2 максимальное значение не превышает двух, что говорит о средней скорости реакции/ответа, довольно твердом ответе в процессе коммуникации. В течение всего ответа учащиеся групп 1 и 2

использовали в своих ответах 2–6 распространителей. В группах 3 и 4 скорость реакции/ответа можно охарактеризовать как «выше средней» и «быстрая»; твердость в ответах можно трактовать как ответ, подкрепленный личным опытом; при ответе учащиеся использовали 4 и более распространителей.

Выводы

В настоящей статье продемонстрирована эффективность применения лексической базы ТГ «Игрушки» для обучения детей РКИ. Будучи важным эмоциональным стимулом, игрушки выступают сильным мотивационным фактором в процессе изучения русского языка. Предложенные лингвистические методические приемы на основе ТО «Искусственные игрушки» могут быть использованы в рамках курсов для детей дошкольного и младшего школьного возраста, а приемы на основе ТО «Виртуальные игрушки» — для детей школьного возраста. Приведенные задания позволяют освоить лексику, грамматику и синтаксис некоторых грамматических конструкций русского языка. Задания на освоение творительного падежа помогают формированию устойчивых языковых конструкций в памяти обучаемого.

Автор статьи описывает результаты методического эксперимента преподавания курса РКИ с использованием лексической базы игры «Майнкрафт» и сравнивает их с результатами курса РКИ по традиционной программе. Установлено, что изучение детьми русского языка как иностранного на основе ТО «Виртуальные игрушки» приводит к более высоким результатам в коммуникации. Учащиеся групп 1 и 2 (занимались по традиционной программе) более внимательно относятся к письму и к правилам, не отвлекаясь на эмоциональную составляющую, концентрируясь на языковом материале курса. Однако в этих группах отсутствовал такой сильный эмоциональный импульс, как погружение в любимую игру. В связи с этим желание устно выразить свои мысли и понять (освоение навыка аудирования) собеседников не было подкреплено дополнительной мотивацией коммуникативной ситуации.

Автор вводит дополнительные критерии оценки освоения языка, мягкие языковые навыки (soft skills в лингвистике) — скорость ответа, уверенность в процессе коммуникации, использование распространителей. Результаты по этим критериям в группах, проходивших обучение на базе ТО «Виртуальные игрушки», на 26 % выше, чем в группах, работавших по традиционной методике. Таким образом, эмоциональная вовлеченность в образовательный процесс, сопряженная с личным опытом обучаемых благодаря применению ТО «Виртуальные игрушки», приводит к значительному росту эффективности изучения РКИ.

ИСТОЧНИКИ

Словарь геймера — *Словарь геймера*. URL: https://club.dns-shop.ru/blog/t-64-videoigryi/41640-slovar-geimera-perevodims-igrovogo-na-russkii/?ysclid=m51mddf0zl873400838&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (дата обращения: 07.01.2025).

Словарь компьютерных терминов — *Словарь компьютерных терминов*, 1268 слов. URL: <https://www.computer.slovaronline.com> (дата обращения: 07.01.2025).

Словарь компьютерных терминов и интернет-сленга — *Словарь компьютерных терминов и интернет-сленга*. URL: <https://www.proaction.ru/internet-marketing/terms-glossary> (дата обращения: 07.01.2025).

Список игровых терминов — *Список игровых терминов*. URL: <https://Top-Fun.ru> (дата обращения: 07.01.2025).

ЛИТЕРАТУРА

Горшунова 2019 — Горшунова А. С. К вопросу об активных формах обучения русскому языку как иностранному. *Эпоха науки*. 2019, (18): 127–129.

Коломейцева, Шмалько-Затинацкая 2021 — Коломейцева Е. Б., Шмалько-Затинацкая С. А. Игра-квест как метод активного обучения в РКИ. *Проблемы современного педагогического образования*. 2021, (72): 124–127.

Кривоборская 2016 — Кривоборская Д. М. Проблемы мотивации при изучении детьми дошкольного и школьного возраста русского языка как иностранного. *Педагогическое образование в России*. 2016, (12): 83–87.

Матохина и др. 2017 — Матохина А. В., Харламова Н. В., Шабалина О. А., Куликов Е. А. Использование игровых образовательных технологий в системе обучения русского как иностранного языка в современном вузе. *Открытое образование*. 2017, 21 (3): 39–47.

Никитенко и др. 2017 — Никитенко З. Н., Янченко В. Д., Никитенко Е. А., Дейкина А. Д. Творческая самореализация учащихся в процессе изучения русского языка как

иностранного. *Вестник Новосибирского государственного педагогического университета*. 2017, 7 (2): 7–19.

Николаева 2017 — Николаева Е. И. *Психофизиология. Психологическая физиология с основами физиологической психологии*. М.: ПЕР СЭ, 2017. 624 с.

Розовская и др. 2014 — Розовская Р. И., Печенкова Е. В., Мершина Е. А., Мачинская Р. И. фМРТ-исследование удержания в рабочей памяти изображений различной эмоциональной валентности. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*. 2014, 11 (1): 27–48.

Buchanan, Adolphs 2002 — Buchanan T. W., Adolphs R. The role of the human amygdala in emotional modulation of long-term declarative memory. In: *Emotional cognition: From brain to behavior*. Moore S., Oaksford M. (eds). Amsterdam: John Benjamins Publishing, 2002. P. 9–34.

Charkhabi et al. 2019 — Charkhabi M., Arsalidou M., Khalezov E., Kotova T., Baker J. S., Duthel F. School engagement of children in early grades. *Psychometric, and gender comparisons. PLoS ONE*. 2019, 14 (11): e0225542. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0225542>

Kensinger, Garoff-Eaton, Schacter 2006 — Kensinger E. A., Garoff-Eaton R. J., Schacter D. L. Memory for specific visual details can be enhanced by negative arousing content. *Journal of Memory and Language*. 2006, (54): 99–112.

Kensinger, Schacter 2008 — Kensinger E. A., Schacter D. L. Memory and emotion. In: *Handbook of emotions*. Lewis M., Haviland-Jones J. M., Barrett L. F. (eds). New York: Guilford Press, 2008. P. 601–617.

Tulving, Thomson 1973 — Tulving E., Thomson D. Encoding specificity and retrieval processes in episodic memory. *Psychological Review*. 1973, 80 (5): 352–373.

REFERENCES

Gorshunova 2019 — Gorshunova A. S. On the issue of active forms of teaching Russian as a foreign language. *Epokha nauki*. 2019, (18): 127–129. (In Russian)

Kolomeytsva, Shmal'ko-Zatinatskaya 2021 — Kolomeytsva E. B., Shmal'ko-Zatinatskaya S. A. Quest game as a method of active learning in RKI. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniia*. 2021, (72): 124–127. (In Russian)

Krivoborskaya 2016 — Krivoborskaya D. M. Motivation problems of learning Russian as a foreign language by students of pre-school and school age. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii*. 2016, (12): 83–87. (In Russian)

Matokhina et al. 2017 — Matokhina A. V., Kharlamova N. V., Shabalina O. A., Kulikov E. A. Use of game educational technologies in the system of teaching Russian as a foreign language in a modern university. *Otkrytoe obrazovanie*. 2017, 21 (3): 39–47. (In Russian)

Nikitenko et al. 2017 — Nikitenko Z. N., Yanchenko V. D., Nikitenko E. A., Deykina A. D. Pupils' creative self-realization in the process of learning Russian as a foreign language. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2017, 7 (2): 7–19. (In Russian)

Николаева 2017 — Nikolaeva E. I. *Psychophysiology. Psychological Physiology with Fundamentals of Physiological Psychology*. Moscow: PER SE Publ., 2017. 624 p. (In Russian)

Розовская и др. 2014 — Rozovskaya R., Pechenkova E., Merzhina E., Machinskaya R. fMRI study of retention of images with different emotional valence in the working memory. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki*. 2014, 11 (1): 27–48. (In Russian)

Buchanan, Adolphs 2002 — Buchanan T. W., Adolphs R. The role of the human amygdala in emotional modulation of long-term declarative memory. In: S. Moore, & M. Oaksford (eds). *Emotional cognition: From brain to behavior*. Amsterdam: John Benjamins Publishing, 2002. P. 9–34.

Charkhabi et al. 2019 — Charkhabi M., Arsalidou M., Khalezov E., Kotova T., Baker J.S. Dutheil F. School engagement of

children in early grades. *Psychometric, and gender comparisons. PLoS ONE*. 2019, 14 (11): e0225542. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0225542>

Kensinger, Garoff-Eaton, Schacter 2006 — Kensinger E. A., Garoff-Eaton R. J., Schacter D. L. Memory for specific visual details can be enhanced by negative arousing content. *Journal of Memory and Language*. 2006, (54): 99–112.

Kensinger, Schacter 2008 — Kensinger E. A., Schacter D. L. Memory and emotion. In: *Handbook of emotions*. Lewis M., Haviland-Jones J. M., Barrett L. F. (eds). New York: Guilford Press, 2008. P. 601–617.

Tulving, Thomson 1973 — Tulving E., Thomson D. Encoding specificity and retrieval processes in episodic memory. *Psychological Review*. 1973, 80 (5): 352–373.

НОВЫЙ ФОРМАТ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ КОНТРОЛЬНО-ИЗМЕРИТЕЛЬНЫХ МАТЕРИАЛОВ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ ДЛЯ ПЕРВОГО СЕРТИФИКАЦИОННОГО УРОВНЯ (НА ПРИМЕРЕ МЕДИКО- БИОЛОГИЧЕСКОГО ПРОФИЛЯ ОБУЧЕНИЯ)

ANNA S. IVANOVA, IRINA A. DINEVICH, GALINA N. MYERS

A NEW FORMAT FOR THE PRESENTATION OF CONTROL AND MEASURING MATERIALS IN RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE FOR THE FIRST CERTIFICATION LEVEL (USING THE EXAMPLE OF A BIOMEDICAL TRAINING PROFILE)

Статья посвящена описанию содержания контрольно-измерительных материалов, реализуемых на экзамене по русскому языку как иностранному (Первый сертификационный уровень) у иностранных учащихся медико-биологического профиля. Контроль в формате тестирования активно используется в современной практике преподавания русского языка как иностранного. Преимущества тестов по сравнению с другими формами контроля очевидны: объективность и качество оценивания результатов, стандартизация процедуры тестирования и др. Существующие типовые тесты проверяют уровень коммуникативной компетенции учащихся на материале общего владения и являются универсальными для разных групп пользователей. Специфика подготовки студентов-иностранцев на подготовительных факультетах и отделениях вузов РФ требует проверки коммуникативных навыков и умений в учебно-профессиональной сфере общения. Для учета комплексных задач итогового контроля, учитывающего все аспекты подготовки иностранных учащихся, были созданы и апробированы комбинированные (по содержанию) тестовые материалы, ориентированные на различные профили обучения. При их создании авторы ориентировались на критерии владения русским языком как иностранным, представленные в требованиях (объем и жанр тестов, количество незнакомых слов и др.). В статье представлена структура каждого из субтестов, обосновывается отбор того или иного задания, приводятся примеры заданий, отражающих лексическую и грамматическую специфику учебно-профессиональной сферы общения

Анна Сергеевна Иванова

<https://orcid.org/0000-0002-5100-0305>

▶ ivanova_as@pfur.ru

кандидат педагогических наук, доцент

Российский университет дружбы народов
имени Патриса Лумумбы,
Российская Федерация, 117198,
Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

Anna S. Ivanova

PhD in Philology, Associate Professor

RUDN University,
6, ul. Miklukho-Maklaya, Moscow,
117198, Russian Federation

Ирина Александровна Диневи́ч

<https://orcid.org/0000-0003-1071-3437>

▶ dinevich_ia@pfur.ru

кандидат филологических наук, доцент

Российский университет дружбы народов
имени Патриса Лумумбы,
Российская Федерация, 117198,
Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

Irina A. Dinevich

PhD in Philology, Associate Professor

RUDN University,
6, ul. Miklukho-Maklaya, Moscow,
117198, Russian Federation

Галина Николаевна Майерс

<https://orcid.org/0000-0003-3855-9312>

▶ mayers_gn@pfur.ru

старший педагог дополнительного образования

Российский университет дружбы народов
имени Патриса Лумумбы,
Российская Федерация, 117198,
Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

Galina N. Myers

Senior Lecturer

RUDN University,
6, ul. Miklukho-Maklaya, Moscow,
117198, Russian Federation

по всем видам речевой деятельности. Статистические данные по сдаче экзаменов показывают, что студенты-иностранцы весьма успешно справляются с экзаменом по РКИ в комбинированной форме, что позволяет сделать вывод о возможности использования комплексного теста на уровне В1.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, иностранные учащиеся, Первый сертификационный уровень, медико-биологический профиль, комплексный тест, контрольно-измерительные материалы.

The article is devoted to the description of the content of control and measuring materials implemented in the exam in Russian as a foreign language (the First certification level) for foreign students of a medical and biological profile. The control in the testing format is actively used in modern practice of teaching Russian as a foreign language. The advantages of tests in comparison with other forms of control are obvious: the objectivity and quality of evaluation of results, standardization of the testing procedure, and others. The existing standard tests check the level of students' communicative competence on the basis of general knowledge and are universal for different user groups. The specifics of training foreign students at preparatory faculties and departments of universities of the Russian Federation require testing of communication skills and abilities in the educational and professional sphere of communication. To take into account the complex tasks of final assessment and all aspects of training foreign students, combined (in terms of content) test materials were created and tested, oriented towards various training profiles. When creating them, the authors focused on the criteria for proficiency in Russian as a foreign language, that are presented in the requirements (volume and genre of tests, number of unfamiliar words, etc.). The article presents the structure of each of the subtests, justifies the selection of a task, and provides examples of tasks reflecting the lexical and grammatical specifics of the educational and professional sphere of communication in all types of speech activity. Statistical data on exams show that foreign students are very successful in completing the Russian as a Foreign Language exam in a combined form, which allows us to conclude that it is possible to use a comprehensive test at level B1.

Keywords: Russian as a foreign language, foreign students, First certification level, medical and biological profile, comprehensive test, control and measuring materials.

Введение

Вопросы контроля традиционно занимают одно из важнейших мест в системе обучения. Контроль организует весь процесс обучения, определяя конечные цели каждого этапа, а его содержание, типы заданий и объекты контроля коррелируют с содержанием и целями определенного этапа обучения. Выполняя информативную функцию, контроль (как методическая категория) позволяет

обучаемому оценить свои достижения в изучении русского языка как иностранного (РКИ), сравнить свои предыдущие результаты с новыми. Функция обратной связи, которую также выполняет контроль, позволяет преподавателю судить о степени сформированности речевых навыков и умений в аудировании, чтении, письме и говорении, об усвоении речевого материала и грамотно управлять учебным процессом. Благодаря функции обратной связи преподаватель может эффективно планировать и осуществлять свою деятельность, учитывать индивидуальные особенности обучаемых, варьировать использование тех или иных приемов, методов и средств обучения. В этом случае контроль определяет оптимальный путь к достижению поставленной цели, способствует организации гибкого управления учебным процессом, совершенствует работу преподавателя.

Для успешной реализации функций контроля необходимо определить, какие его формы наиболее подходят на том или ином этапах обучения. Сейчас наиболее популярной формой контроля являются тесты. Этот формат проверки уровня владения РКИ имеет ряд преимуществ, в частности объективность и качество оценивания результатов, быстрота проверки, возможность варьирования объектов контроля, экономичность реализации и т. д. С развитием информационных технологий тестовые задания стали использоваться еще активнее, особенно в РКИ.

История вопроса

Российская система тестирования (ТРКИ) активно развивается последние 30 лет. Теоретические положения методики тестирования нашли отражение во многих исследованиях, в частности в работах В. С. Аванесова [Аванесов 1998], Т. М. Балыхиной [Балыхина 2006], В. А. Коккоты [Коккота 1989], М. Б. Чельшковой [Чельшкова 2002], Л. П. Клобуковой, М. М. Нахабиной, В. А. Степаненко [Клобукова, Нахабина, Степаненко 1998] и др. (Т. И. Попова, Н. П. Андрюшина, И. И. Баранова, Н. М. Румянцева). Тест понимается как система заданий, выполнение которых позволяет определить уровень сформированности

коммуникативной компетенции по заранее установленным критериям [Рапопорт, Сельг, Соттер 1987: 58].

В научных исследованиях разработаны различные требования к составлению тестов:

- правильность содержания;
- логическая форма высказывания;
- правильность формы;
- краткость;
- наличие определенного места для ответов;
- правильность расположения элементов задания;
- одинаковость правил оценки ответов;
- одинаковость инструкции для всех испытуемых;
- адекватность инструкции форме и содержанию задания [Аванесов, 1998];
- группировка заданий по принципу нарастающей сложности.

На основе этих требований созданы и создаются различные тесты (в том числе типовые) для разных уровней владения РКИ.

При разработке тестовых материалов авторы обязательно ориентируются на требования, созданные для каждого из установленных в российской системе тестирования уровней. Для уровня В1 такими документами являются «Требования по владению РКИ. Первый сертификационный уровень. Общее владение. Профессиональный модуль» [Андрюшина и др. 2020], лингводидактические программы для студентов и преподавателей и лексические минимумы [Есина и др. 2010; Андрюшина и др. 2002; Андрюшина и др. 2019]. В этих документах представлены языковое содержание Первого сертификационного уровня, требования к уровню сформированности видов речевой деятельности.

Обсуждение

Типовые тесты Первого сертификационного уровня ставят своей задачей проверку коммуникативной компетенции на материале общего владения. Положительным моментом такого формата является его универсальность для всех групп тестируемых, независимо от того, где и как они

изучали русский язык. Но этот формат не совсем подходит для лиц, которые будут продолжать образование в вузах РФ. На взгляд авторов статьи, контрольно-измерительные материалы (далее — КИМ) должны отражать специфику деятельности иностранного учащегося на основных факультетах вузов РФ, то есть включать в себя языковой материал языка будущей специальности [Баранова, Гладких, Стародуб 2019]. Ряд подготовительных факультетов ввели в практику контроля экзамен по языку специальности в формате тестирования как отдельную составляющую общего экзамена, то есть студенты сдают два экзамена по русскому языку, что усложняет процедуру проведения итогового контроля.

В 2023 и 2024 гг. на подготовительном факультете Института русского языка РУДН проходила апробация нового формата итогового экзамена по русскому языку (теста) с включением в него материалов как по общему владению русским языком, так и по языку специальности. Особенностью структуры субтестов является то, что в них присутствует универсальная часть, составленная на лексико-грамматическом материале общего владения и одинаковая для иностранных учащихся всех специальностей, и вариативная часть, которая отражает специфику языка будущей специальности соответственно технического, естественно-научного, медико-биологического, гуманитарного, филологического и экономического профилей. Вариативная часть была включена во все субтесты, кроме субтеста «Письмо».

Новый формат КИМ принимает во внимание особенности функционирования языка в социокультурной, социально-бытовой и учебно-профессиональной сферах общения и позволяет включить в контрольные материалы корпус текстов различных жанров публицистического и научно-популярного стилей речи с учетом уровня владения языком (В1).

Структура и содержание КИМ

Контрольно-измерительные материалы согласно традиционной структуре типового теста состоят из пяти частей: лексико-грамматической

части, чтения, аудирования, письма и говорения. В статье рассмотрен вариант КИМ **медико-биологического профиля обучения**.

Субтест «Лексика — грамматика» включает 100 заданий множественного выбора: 80 заданий относятся к общему владению и 20 — к языку специальности. В первой части (общее владение) проверяется правильность употребления:

- лексических единиц (*старый, старший; учить, учиться, изучать*);
- грамматических форм существительных, прилагательных, личных и притяжательных местоимений в единственном и множественном числе во всех падежах;
- видо-временных форм глагола, инфинитивных конструкций, глаголов движения с приставками и без приставок, причастных оборотов;
- структур простого и сложного предложения.

Отбор объектов контроля первой части субтеста «Лексика — грамматика» достаточно традиционен и соответствует лексико-грамматическому содержанию Требований Первого сертификационного уровня [Андрюшина и др. 2020].

Для второй части субтеста были отобраны лексические и грамматические единицы, которые отражают особенности языка науки медико-биологического профиля и обслуживают следующие метатемы: определение объекта, связь и зависимость предметов (объектов), качественная и количественная характеристика объектов; классификация объектов, явлений и предметов; описание строения, состава предмета; движения, перемещения, взаимодействия объектов; изменения состояния явления, предмета, нахождения, расположения, положения предмета. Отбор языкового материала для этой части субтеста проводился на основе анализа учебников и учебных пособий, которые использовались в программе преподавания языка специальности [Шустикова и др. 2010; Шустикова и др. 2021].

Объектом контроля этой части субтеста стал правильный выбор лексической единицы или падежной формы существительного, сюда же были включены задания, проверяющие правильность

трансформации причастий в придаточные предложения со словом «который». На выполнение субтеста отводилось 60 мин (табл. 1).

Таблица 1. Пример лексико-грамматической составляющей медико-биологического профиля

Предложение	Вставить / изменить предложение
Вода... из водорода и кислорода.	А) состоит Б) содержит В) содержится
На долю кислорода... 65–75 % химического состава клетки.	А) приходится Б) находится В) занимает
Растительная клетка содержит...	А) хлорофилл Б) хлорофилла В) хлорофиллу
Однослойный эпителий, покрывающий серозные оболочки, состоит из одного слоя клеток.	А) который покрывал Б) который покрывает В) который покрывался

Субтест «Чтение» также является комбинированным и включает в себя тексты медико-биологического профиля обучения. Объектом контроля является уровень сформированности у иностранных учащихся навыков и умений полно, точно понять основную и дополнительную информацию предъявляемых тестов, а также степень владения языковым материалом, необходимым для адекватного восприятия информации, при чтении текстов с общим охватом содержания и изучающем чтении.

Субтест «Чтение» состоит из пяти заданий, общий объем текстов составляет 1000–1030 слов, в них содержится до 5 % незнакомых слов, на выполнение субтеста отводится 60 мин. Учащиеся имеют право пользоваться словарем, что позволяет снять трудности понимания информации.

В заданиях 1–3 представлены тексты информационного характера объемом до 120 слов и задания на множественный выбор. Объектом проверки являются навыки и умения чтения текстов с общим охватом содержания.

Пример текста:

В настоящее время миллионы людей по всему миру пользуются банковскими картами. Банки выдают клиентам специальные карты, на которые возвращаются проценты за покупки. Система возврата денег за покупки обратно на карту называется «кешбэк». Также эти карты дают возможность получать в магазинах большие скидки. Самой популярной такой картой в России является карта «Халва». С ее помощью можно оплачивать покупки и получать на них скидки и в Интернете.

Главная тема текста — это...

- 1) получение процентов по карте «Халва»;
- 2) плюсы и минусы карты «Халва»;
- 3) использование карты «Халва» в магазинах.

В задании 4 представлен текст описательного типа гуманитарной направленности. Объем текста — до 400 слов. Тестируемому предлагается выполнить шесть заданий на выбор информации, которая соответствует тексту. Объектами контроля в этом задании являются умения и навыки изучающего чтения, что обусловило выбор типа заданий (истинная/ложная информация).

Фрагмент текста задания 4:

В этом году одной из самых известных московских газет «Вечерняя Москва» исполнится сто лет. На протяжении всего этого времени «Вечерняя Москва» из номера в номер рассказывает о важных международных событиях и событиях городской жизни, об известных людях города и страны, публикует интересные фотографии и веселые истории — анекдоты, проводит разные конкурсы.

Первые номера газеты были очень маленькими — только одна страница. Сто лет назад газета «Вечерняя Москва» представляла собой информационный листок, из которого можно было узнать о строительстве новых домов, ценах в московских магазинах и на рынках, культурных событиях столицы, городских скандалах. Газета продавалась хорошо, но журналисты не считали ее серьезным изданием, в котором интересно работать...

Выберите информацию, которая соответствует содержанию текста:

1. Газета «Вечерняя Москва» существует почти 100 лет.
2. В первых номерах газеты публиковали материалы о международной жизни.
3. В «Вечёрке» публиковали художественные произведения — стихи и рассказы.

Последним заданием в субтесте является текст объемом до 500 слов предметной направленности. Следует отметить, что содержательная часть всех вариантов субтестов «Чтение» является новой для тестируемых, то есть тематика пятого задания не совпадает с темами текстов, которые были изучены по программе подготовительного факультета. По характеру и композиции текст последнего задания является объяснительным и приближен к тексту учебников по специальности. При составлении текстов для пятого задания было проанализировано языковое наполнение и информационное содержание (темы текстов) учебников и учебных пособий для того, чтобы языковое наполнение текста пятого задания, структуры и лексические единицы соответствовали словарному запасу «среднего» студента подготовительного факультета. В текстах есть процент незнакомых слов (3–5 %), которые не влияют на понимание общей информации.

Задания к тексту проверяют навыки и умения изучающего чтения и чтения с общим охватом содержания. Языковая специфика учебно-научного текста затрудняет использование заданий множественного выбора, поэтому тестируемому предлагается выбрать информацию, которая соответствует содержанию текста, по аналогии с предыдущим заданием. Задания к тексту идут линейно согласно предъявляемой информации.

Фрагмент текста «Вода» из задания 5:

...Свойства воды уникальны. Вода не только самая распространенная, но и самая важная в природе жидкость. Жизнь зародилась в воде, и только там, где есть вода, есть жизнь. Вода является единственным веществом, которое невозможно заменить или получить искусственно.

Вода — это сложное химическое вещество, которое представляет собой бесцветную прозрачную жидкость без вкуса и запаха. В обычных условиях вода — жидкое вещество. Но она может существовать во всех агрегатных состояниях: твердом, жидком, газообразном. Агрегатное состояние воды зависит от температуры окружающей среды...

Вода участвует во всех физиологических процессах организма и поддерживает постоянство внутренней среды. Вода обеспечивает все виды обмена, способствует выведению из организма продуктов

обмена и токсических веществ, которые поступают в организм...

Выберите информацию, которая соответствует содержанию текста:

1. Вода не имеет цвета, вкуса и запаха.
2. Пресная вода покрывает $\frac{3}{4}$ поверхности нашей планеты.
3. Благодаря воде из организма человека выводятся продукты обмена.
4. На агрегатное состояние воды влияет температура окружающей среды.

Следующим в системе матричных тестов является субтест «Аудирование», который включает в себя общую универсальную составляющую и вариативную часть. Задачей КИМ «Аудирование» является проверка навыков и умений восприятия, распознавания (дешифровки) и понимания аудиоинформации, полученной в виде диалогического и монологического высказывания разного объема, жанровой и стилистической направленности. Критериями для отбора материала и форм его предъявления является репрезентативность текстов в социокультурной, социальной и профессиональной сферах общения, поэтому в общую часть для прослушивания был включен диалог и информационные (новостные) тексты.

Вариативная часть субтеста представлена лекцией по теме специальности. На выполнение данного субтеста отводится 35 мин, информация предъявляется один раз в среднем темпе. Учащиеся имеют возможность ознакомиться с заданиями до начала звучания текстов, на это отводится 10 с.

Предлагаемый в субтесте «Аудирование» диалог связан с социальной сферой общения и отражает особенности русской разговорной речи (усеченные конструкции, инверсии, разговорные интонационные конструкции, преобладание простых предложений и др.). Диалог имеет большой объем (около 20 высказываний), после прослушивания тестируемому необходимо выполнить четыре задания множественного выбора.

Фрагмент диалога и заданий:

Марина: — Иван, ты забыл? Мы же решили поехать в магазин. Нам надо купить Вере подарок, у нее в воскресенье будет день рождения. Она говорила об этом еще в понедельник.

Иван: — Я совсем забыл, что она пригласила нас в воскресенье. А где она будет праздновать свой день рождения?

Марина: — Вера не любит отмечать день рождения дома, она всегда находит интересные места. В этом году это будет квест в музее.

Выберите информацию, которая соответствует содержанию текста:

- Вера хочет пригласить друзей...*
- а) к себе домой;
 - б) в кинотеатр;
 - в) в музей

Социально-культурная сфера общения представлена текстами новостного характера, по своей структуре они похожи на тексты новостей, которые звучат по телевизору. Объем каждого текста 75–85 слов. Объектом контроля является проверка навыков и умений понимания информации в целом (о чем был текст). Структура текстов соответствует устной форме предъявления: короткие простые предложения, минимальное присутствие причастных и деепричастных оборотов, использование пассивных конструкций и безличных предложений. Таких текстов в субтесте четыре. После прослушивания новостного текста учащемуся предлагают выполнить одно задание множественного выбора:

Теперь у молодых людей России есть возможность бесплатно посещать музеи, театры, концертные залы. С 2021 года в стране начала действовать специальная «Пушкинская карта». Государство переводит на карту определенную сумму денег, на которую можно только купить билет в театр или на выставку, а вот пойти в кино, в ресторан или в магазин не получится. Получить эту карту может любой гражданин России в возрасте от 14 до 22 лет. «Пушкинская карта» действует не только в Москве и Санкт-Петербурге, но и в других городах России.

Выберите правильный вариант ответа:

- По «Пушкинской карте»*
- а) купить билет на концерт; можно...
 - б) заплатить за покупки;
 - в) купить билет в другой город.

Вариативная часть субтеста «Аудирование» представлена лекцией объемом 450–480 слов, то есть монологом-объяснением. Выбор такой

формы проверки связан с тем, что на основных факультетах лекция является главной формой предъявления информации. Конечно, за 10 месяцев обучения на подготовительном факультете иностранный слушатель не может научиться слушать и понимать полностью всю информацию лекции как носитель языка, однако готовить его к восприятию информации в такой форме необходимо. Лекция в субтесте построена с учетом специфики данного жанра: во вступлении вводится тема лекции, далее следует основная часть, в которой тема раскрывается, вводятся и объясняются новые термины, приводятся примеры (по необходимости), используются вопросы для привлечения внимания, слова-сигналы (*давайте рассмотрим, так*), в заключении формулируются выводы и еще раз повторяются важные моменты лекции [Васильева, 1976]. Лекция предъявляется в среднем, местами немного замедленном темпе (при введении определенных терминов), а ее содержание является новым для иностранного студента. Тестируемому предлагается выбрать из списка положения, которые соответствуют информации лекции.

Фрагмент лекции медико-биологического профиля:

Сегодня мы рассмотрим тему «Кровь и ее функции в организме».

Как вы знаете, в организме человека, как и в организмах других позвоночных животных, есть три вида жидкости. Это кровь, лимфа и тканевая жидкость. Кровь, лимфа и тканевая жидкость составляют внутреннюю среду организма. Все эти жидкости тесно связаны между собой.

Что же представляет собой кровь? Кровь — жидкая соединительная ткань, циркулирующая в кровеносной системе человека и животных...

Какие клетки относятся к клеткам крови? Важными компонентами крови являются форменные элементы: эритроциты, лейкоциты и тромбоциты, которые составляют 40–45 % от общего состава крови...

Давайте рассмотрим, что такое тромбоциты. Тромбоциты (красные кровяные пластинки), как и другие клетки крови, тоже образуются в красном костном мозге. Главная функция тромбоцитов состоит в том, что они защищают организм, потому что играют огромную роль в процессе свертывания крови...

Итак, кровь человека состоит из плазмы, эритроцитов, лейкоцитов и тромбоцитов. Благодаря наличию этих компонентов кровь выполняет обменную, дыхательную, защитную и другие функции...

Выберите правильный вариант ответа:

1. Кровь входит в состав внутренней среды организма.

2. Эритроциты, лейкоциты, тромбоциты образуются в красном костном мозге.

3. Свертываемость крови зависит от тромбоцитов.

«Говорение» — последний комбинированный субтест в рассматриваемых контрольно-измерительных материалах. Он включает в себя пять позиций, направленных на проверку владения умениями и навыками монологической и диалогической речи, которые проверяют способности выстраивания программы высказывания в соответствии с коммуникативными намерениями собеседника; выбора оптимальной формы и языковых средств для реализации своего коммуникативного намерения; построения собственного высказывания репродуктивно-продуктивного характера в монологической форме на основе заданного текста или темы; владения этикетными интенциями; правильность использования грамматических форм.

Общая часть субтеста «Говорение» во многом соответствует заданиям типового теста [Андрюшина и др. 2018]. Так, в первом задании предлагается ответить на вопросы преподавателя без подготовки, информация предъявляется один раз. Данный формат контроля является достаточно стандартным, апробированным во многих вариантах различных тестов. Задание направлено на проверку уровня сформированности навыков респонсивного диалога, то есть возможности реагировать на высказывания и реплики. В задании пять вопросов разного типа, есть специальные вопросы или комбинация общего и специального, например: «Ваши друзья занимаются спортом? Каким?» При оценивании учитываются, естественно, ответ на специальный вопрос и полнота реплики. В отличие от заданий Типового теста [Андрюшина и др. 2018], где вопросы тематически не связаны друг с другом, что требует от тестируемого повышенной концентрации внимания, так

как приходится переключаться с одной микроситуации на другую, в описываемом варианте вопросы ситуативно либо тематически связаны, что приближает к ситуации реального общения.

Во втором задании предлагается ознакомиться с ситуацией и начать диалог с преподавателем (тестором). Данное задание проверяет уровень сформированности навыков инициативного диалога. Учащемуся предлагают три ситуации, характерные для социально-бытовой сферы общения. Объектами контроля здесь являются навыки владения диалогической речью, использование этикетных интенций, умения начинать и завершать диалог, умения найти и решить коммуникативные задачи. Рейтер отвечает на реплики студента, поддерживая диалог, моделируя реальное общение, что создает комфортные условия при проведении экзамена, в то время как в Типовом тесте для данного типа задания регламентировано, что рейтер не поддерживает диалог, то есть фактически тестируемый строит монологическое высказывания небольшого объема.

Пример ситуации второго задания (табл. 2):

Таблица 2. Пример задания в субтесте «Говорение»

Ситуация	Задание
<i>Ваш русский друг окончил университет и получил диплом.</i>	введение в ситуацию общения
<i>Поздравьте его и скажите, чего вы ему желаете.</i>	коммуникативные задачи

В третьем задании тестируемому предлагается выбрать тему и составить рассказ. Выбор тем для экзамена был произведен в соответствии с требованиями Первого сертификационного уровня. Темы, выносимые на экзамен:

- Биография: детство, учеба и работа, интересы. Семья.
- Система образования (школы, колледжи, институты и университеты в России и в родной стране).
- Роль иностранных языков в жизни, изучение русского языка.

- Свободное время, отдых, интересы, увлечения (искусство, спорт, путешествия и т. п.).
- Мой родной город. Родная страна: география, экономика, культура.
- Известные деятели науки и культуры родной страны.

В данном задании проверяются умения и навыки владения монологической речью. Объем монолога должен быть не менее 20 простых предложений. Он меньше, чем в требованиях Типового теста, но такой подход связан с тем, что в пятом задании также необходимо рассказать о своей специальности (не меньше 10 предложений), поэтому в формате экзамена объем минимального монолога учащегося был сокращен. Основными критериями для оценивания являются темп речи, развернутость высказывания, богатство использования языковых средств и правильность речи.

В вариативную часть субтеста «Говорение» включен текст-объяснение по медико-биологической направленности. Объем текста составляет 450–480 слов. Объектами контроля являются навыки и умения чтения, говорения и аудирования: понимания информации, заложенной в тексте; ее извлечения и использования при построения репродуктивно-продуктивного монологического высказывания, понимания и правильной реакции на услышанный вопрос. Поскольку время для чтения текста ограничено 25 мин и текст относится к учебно-научной сфере, пересказ был заменен ответами на вопросы по содержанию. Вопросы заранее не давались, они предъявлялись в устной форме во время экзамена. Всего предлагалось семь вопросов, шесть из которых были связаны непосредственно с отдельными фрагментами текста, а последний вопрос являлся обобщающим по всему содержанию текста. Информация, представленная в текстах, являлась новой для учащегося, но языковое наполнение (лексика, структуры) соответствовало программе обучения студентов-медиков подготовительного факультета РУДН.

Фрагмент текста о витаминах и заданий к нему:

Еще 150 лет назад люди не знали о существовании витаминов, о том, какую большую роль они играют в жизнедеятельности человеческого организма. Ученые считали, что в состав пищи должны

входят белки, жиры, углеводы, минеральные соли и вода. Если пища человека содержит все эти питательные вещества, то организм нормально функционирует...

Свое название «витамины» они получили только в 1912 году, когда польский ученый Казимир Функ обнаружил в этих веществах азот и назвал их «витамины». Слово «витамин» происходит от латинских слов *vita* — «жизнь» и *amine* — «азот». И хотя не все витамины содержат азот, название «витамин» сохранилось и в настоящее время...

Изучая действие витаминов на организм, ученые пришли к выводу, что витамины необходимы для сохранения и размножения клеток различных тканей, для нормальной работы многих органов. Благодаря витаминам клетки тканей размножаются и сохраняются, а органы выполняют свои функции...

Ответьте на вопросы:

Как появился термин «витамины»?

Какие функции выполняют витамины?

Как Вы думаете, какую роль играют витамины в жизнедеятельности живого организма и почему? (итоговый вопрос ко всему тексту).

При оценивании ответов учитывался их объем, правильность употребления форм и синтаксических конструкций, самостоятельность в использовании языковых средств.

Последнее задание связано с учебно-профессиональной сферой общения. Учащемуся необходимо рассказать о своей будущей специальности. В качестве опоры при построении монологического высказывания репродуктивно-продуктивного характера предлагались вопросы: *Какую специальность вы выбрали? Почему вы ее выбрали? Какие предметы вы изучали в этом году? Что нового/интересного вы узнали, когда изучали эти предметы? Где и кем вы хотели бы работать после окончания университета?* Объем высказывания — не менее десяти фраз, при оценивании ответа помимо стандартных параметров учитывалось также количество использованных лексических единиц научного стиля речи.

Материалы субтеста «Письмо» полностью ориентированы на проверку уровня сформированности коммуникативной компетенции этого вида речевой деятельности на материале общего владения. Субтест состоит из одного задания — написать письмо рекомендательного характера

на основе описательно-информативных текстов, посвященных описанию городов, музеев, туристических мест и т. д. Объем текстов для чтения — 200–250 слов. Предлагается три текста, один из которых — «выпадающий». Если задание формулируется следующим образом: *«Ваш друг приедет в Россию на каникулы. Ему нравится путешествовать. Он обязательно хочет побывать в Сибири и посетить крупные сибирские города. Прочитайте статьи об интересных местах Сибири. Напишите другу письмо и посоветуйте, в какие города ему лучше поехать. Объясните Ваш выбор. В своем письме опишите городские достопримечательности, о которых говорится в статьях»*, то для чтения предлагаются тексты «Красноярск», «Телецкое озеро», «Новосибирск». Минимальный объем письменного ответа — 15 предложений. При оценивании результатов учитываются не только количество коммуникативно значимых и коммуникативно незначимых ошибок, но и полнота представленной информации источника (пропуск фрагмента), возможные ее искажения, нарушения в структурной композиции письма (обращение, причина написания, завершение письма).

Субтесты «Лексика — грамматика», «Аудирование» и «Чтение» традиционно выполняются в компьютерных классах Института русского языка РУДН. Время на выполнение данных субтестов — 4 ч, на субтест «Письмо» отводится 50 мин, поэтому эти субтесты можно выполнять в один день (с перерывом), что позволяет экономно организовывать контроль уровня сформированности навыков и умений иностранных учащихся.

Таблица 3. Результаты сдачи в 2023 г. итогового экзамена по русскому языку студентами-медиками

Оценка	Количество сдававших, чел.
Всего	299
Отлично	89 (29,7 %)
Хорошо	150
Удовлетворительно	43
Неудовлетворительно	17 (5,7 %)

Экзамен по субтесту «Говорение» проводится в отдельный день в рамках расписания экзаменов подготовительного факультета Института русского языка РУДН.

Анализ результатов сдачи экзамена показал, что студенты-иностранцы медико-биологического профиля обучения успешно справились с трудностями контрольно-измерительных материалов, что свидетельствует о правильности выбранных объектов и форм контроля, а также содержательной части тестовых заданий (табл. 3).

Выводы

Итоговый контроль является главным критерием уровня сформированности коммуникативной компетенции иностранных учащихся, поэтому к нему предъявляются особые требования. Предлагаемый формат итогового экзамена по русскому языку успешно прошел апробацию на подготовительном факультете Института русского языка РУДН.

Экзамен по русскому языку как иностранному в комбинированной форме является комплексным и имеет многокомпонентную структуру по проверке всех видов речевой и языковой компетенции.

В контрольно-измерительные материалы включены задания, отражающие лексическую и грамматическую специфику учебно-профессиональной сферы общения, что обеспечивает гибкость, вариативность и объективность проверки степени готовности учащегося к обучению на основном факультете в соответствии с выбранным профилем и специализацией. Контрольно-измерительные материалы, предлагаемые для итогового контроля по РКИ на подготовительном факультете, должны отражать специфику деятельности учащегося на основных факультетах вузов РФ, проверять его готовность к обучению на первом курсе вуза.

Комбинированный формат контрольно-измерительных материалов способствует повышению объективности контроля при сдаче выпускного экзамена, создает эффективный организационный механизм для проведения экзамена с учетом особенностей обучения и подготовки к экзамену иностранных граждан на подготовительных

факультетах (отделениях) в Российской Федерации, а также позволяет осуществить преемственность обучения между подготовительными и основными факультетами.

ЛИТЕРАТУРА

- Аванесов 1998 — Аванесов В. С. *Композиция тестовых заданий*. М.: Адепт, 1998. 217 с.
- Андрюшина и др. 2002 — Андрюшина Н. П. и др. *Программа по русскому языку как иностранному. I сертификационный уровень. Общее владение*. М.; СПб.: Златоуст, 2002. 176 с.
- Андрюшина и др. 2018 — Андрюшина Н. П., Битехтина Г. А., Владимирова Т. Е., Клобукова Л. П., Степаненко В. А. *Типовые тесты по русскому языку как иностранному. Первый сертификационный уровень. Общее владение. Второй вариант*. М.; СПб.: Златоуст, 2018. 80 с.
- Андрюшина и др. 2019 — Андрюшина Н. П., Битехтина Г. А., Клобукова Л. П., Норейко Л. Н. *Лексический минимум по русскому языку как иностранному. I сертификационный уровень*. М.; СПб.: Златоуст, 2019. 200 с.
- Андрюшина и др. 2020 — Андрюшина Н. П., Битехтина Г. А., Владимирова Т. Е., Иванова А. С., Клобукова Л. П. *Требования по владению РКИ. Первый сертификационный уровень. Общее владение. Профессиональный модуль*. СПб.: Златоуст, 2020. 64 с.
- Балыхина 2006 — Балыхина Т. М. *Основы теории тестов и практика тестирования (в аспекте русского языка как иностранного)*. М.: Русский язык. Курсы, 2006. 240 с.
- Баранова, Гладких, Стародуб 2019 — Баранова И. И., Гладких И. А., Стародуб В. В. *Типовые тесты по русскому языку как иностранному. Профессиональный модуль «Естественнонаучный и технический профили». I сертификационный уровень*. СПб.: Златоуст, 2019. 73 с.
- Васильева 1976 — Васильева А. Н. *Курс лекций по стилистике русского языка. Научный стиль*. М.: Русский язык, 1976. 198 с.
- Есина и др. 2010 — Есина З. И. и др. *Лингводидактическая программа по русскому языку как иностранному. Элементарный, базовый, первый сертификационный уровень*. М.: РУДН, 2010. 167 с.
- Клобукова, Нахабина, Степаненко 1998 — Клобукова Л. П., Нахабина М. М., Степаненко В. А. *Лингвометодические основы Государственного образовательного стандарта по русскому языку как иностранному и Типового стандартизированного теста первого уровня. Преподаватель*. 1998, (4): 2–6.
- Коккота 1989 — Коккота В. А. *Лингводидактическое тестирование*. М.: Высшая школа, 1989. 123 с.
- Рапопорт, Сельг, Соттер 1987 — Рапопорт И. А., Сельг Р., Соттер И. *Тесты в обучении иностранному языку в средней школе*. Таллин: Валгус, 1987. 352 с.
- Чельшкова 2002 — Чельшкова М. Б. *Теория и практика конструирования педагогических тестов*. М.: Логос, 2002. 432 с.

Шустикова и др. 2010 — Шустикова Т. В. и др. *Русский язык — будущему специалисту: медико-биологический профиль: вводный лингвопредметный курс: базовый этап обучения*. 2-е изд. М.: Российский ун-т дружбы народов, 2010. 150 с.

Шустикова и др. 2021 — Шустикова Т. В. и др. *Обучение речевому общению в учебно-научной сфере: медико-биологический профиль. Первый сертификационный уровень*. В 2 ч. М.: Российский ун-т дружбы народов, 2021. Ч. 1. 201 с. Ч. 2. 273 с.

REFERENCES

Аванесов 1998 — Avanesov V.S. *Composition of test tasks*. Moscow: Adept Publ., 1998. 217 p. (In Russian)

Андрюшина и др. 2002 — Andryushina N. P. et al. *Russian as a foreign language program. I certification level. Common ownership*. Moscow; St. Petersburg: Zlatoust Publ., 2002. 176 p. (In Russian)

Андрюшина и др. 2018 — Andryushina N. P., Bitekhtina G. A., Vladimirova T. E., Klobukova L. P., Stepanenko V. A. *Standard tests on Russian as a foreign language. The first certification level. Common ownership. The second option*. Moscow; St. Petersburg: Zlatoust Publ., 2018. 80 p. (In Russian)

Андрюшина и др. 2019 — Andryushina N. P., Bitekhtina G. A., Klobukova L. P., Noreiko L. N. *The lexical minimum in Russian as a foreign language. I certification level*. Moscow; St. Petersburg: Zlatoust Publ., 2019. 200 p. (In Russian)

Андрюшина и др. 2020 — Andryushina N. P., Bitekhtina G. A., Vladimirova T. E., Ivanova A. S., Klobukova L. P. *Requirements for ownership of RCTs. The first certification level. Common ownership. Professional module*. Moscow; St. Petersburg: Zlatoust Publ., 2020. 64 p. (In Russian)

Балыхина 2006 — Balykhina T. M. *Fundamentals of test theory and testing practice (in the aspect of Russian as a foreign language)*. Moscow: Russkii iazyk. Kursy Publ., 2006. 240 p. (In Russian)

Баранова, Гладких, Стародуб 2019 — Baranova I. I., Gladkikh I. A., Starodub V. V. *Standard tests in Russian as a foreign language. The professional module includes natural science and technical profiles. 1 certification level*. Moscow; St. Petersburg: Zlatoust Publ., 2019. 73 p. (In Russian)

Васильева 1976 — Vasilyeva A. N. *A course of lectures on the stylistics of the Russian language. Scientific style*. Moscow: Russkii iazyk Publ., 1976. 198 p. (In Russian)

Есина и др. 2010 — Yesina Z. I. et al. *Linguodidactic program on Russian as a foreign language. Elementary, basic, first certification level*. Moscow: RUDN Publ., 2010. 167 p. (In Russian)

Клобукова, Нахабина, Степаненко 1998 — Klobukova L. P., Nakhabinina M. M., Stepanenko V. A. *Linguistic methodological foundations of the State educational standard for Russian as a foreign language and a standard standardized test of the first level. Prepodavatel'*. 1998, (4): 2–6. (In Russian)

Коккота 1989 — Kokkota V. A. *Linguodidactic testing*. Moscow: Vysshaya shkola Publ., 1989. 123 p. (In Russian)

Рапопорт, Сельг, Соттер 1987 — Rapoport I. A., Selg R., Sotter I. *Tests in teaching a foreign language in secondary school*. Tallinn: Valgus Publ., 1987. 352 p. (In Russian)

Чельшкова 2002 — Chelyshkova M. B. *Theory and practice of designing pedagogical tests*. Moscow: Logos Publ., 2002. 432 p. (In Russian)

Шустикова и др. 2010 — Shustikova T. V. et al. *Russian language for future specialists: medical and biological profile: introductory linguistic subject course: basic stage of training*. 2nd ed. Moscow: RUDN Publ., 2010. 150 p. (In Russian)

Шустикова и др. 2021 — Shustikova T. V. et al. *Teaching speech communication in the educational and scientific field: medical and biological profile, the first certification level*. In 2 parts. Moscow: RUDN Publ., 2021. Part 1. 201 p. Part 2. 273 p. (In Russian)

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В СВЕТЕ ТЫСЯЧЕЛЕТНИХ ТРАДИЦИЙ СЛОВЕСНОСТИ НА РОДИНЕ РОССИИ: НОВГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ ЯРОСЛАВА МУДРОГО

DANIIL E. KRAPCHUNOV, TATYANA L. KAMINSKAYA, TATYANA V. SHMELEVA
MILLENNIAL TRADITIONS OF RUSSIAN LANGUAGE STUDIES IN THE HOMELAND OF RUSSIA:
YAROSLAV THE WISE NOVGOROD STATE UNIVERSITY

Научные и образовательные традиции в области языкознания в Великом Новгороде насчитывают практически тысячу лет. Сегодня хранителями и продолжателями их являются сотрудники Гуманитарного института Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого (НовГУ), которые ощущают себя наследниками богатейших традиций новгородской словесности, хорошо известных русской науке — истории, филологии, педагогике, культурологии. О непрерывности образования и науки в древнем Антониевом монастыре Великого Новгорода на протяжении многих веков можно дискутировать с юридической, исторической и культурологической точек зрения, но очевиден огромный потенциал имеющегося исторического задела и современного состояния научных школ фразеологии, литературоведения и медиалингвистики. В Антонново подготовлены и выпущены тысячи филологов, ставших костяком педагогического, научного, медийного корпусов региона в частности и России в целом, формирующих корпоративную идентичность многих поколений русистов и хранящих гордость за великую историю. Исследования в области филологии — новгородского текста в русской культуре, новгородского литературного краеведения, фразеологии, медиалингвистики — по-прежнему проводятся на высоком уровне и поддерживаются грантами научных фондов, входят в историю русистики крупными тематическими научными форумами, фундаментальными монографиями и иными многочисленными научными публикациями. Новгородские филологи, как сотрудники Гуманитарного института НовГУ, так

Даниил Евгеньевич Крапчунов

<https://orcid.org/0000-0001-7804-9945>

► krapchunovd@mail.ru

кандидат философских наук

Новгородский государственный университет
имени Ярослава Мудрого,
Российская Федерация, 173003,
Великий Новгород, ул. Большая
Санкт-Петербургская, 41

Daniil E. Krapchunov

PhD in Philosophy

Yaroslav the Wise Novgorod State University,
41, ul. Bol'shaya Sankt-Peterburgskaya,
Veliky Novgorod, 173003, Russian Federation

Татьяна Леонидовна Каминская

<https://orcid.org/0000-0002-8371-787X>

► tlkam1@mail.ru

доктор филологических наук, доцент

Новгородский государственный университет
имени Ярослава Мудрого,
Российская Федерация, 173003,
Великий Новгород, ул. Большая
Санкт-Петербургская, 41

Tatyana L. Kaminskaya

Doctor in Philology, Associate Professor

Yaroslav the Wise Novgorod State University,
41, ul. Bol'shaya Sankt-Peterburgskaya, Veliky Novgorod,
173003, Russian Federation

Татьяна Викторовна Шмелева

<https://orcid.org/0000-0002-3360-0518>

► szmiel@mail.ru

доктор филологических наук, профессор

Новгородский государственный университет
имени Ярослава Мудрого,
Российская Федерация, 173003,
Великий Новгород, ул. Большая
Санкт-Петербургская, 41

Tatyana V. Shmeleva

Doctor in Philology, Professor

Yaroslav the Wise Novgorod State University,
41, ul. Bol'shaya Sankt-Peterburgskaya, Veliky Novgorod,
173003, Russian Federation

и его выпускники, активно влияют на окружающую языковую среду, как практики формируют медиаполе региона в роли спикеров и экспертов, стремясь сохранять русское слово и интерес к нему широких кругов ученых и студентов. Результаты гуманитарных исследований российских и зарубежных ученых русистов отражают научные журналы «Ученые записки НовГУ» и «Verba. Северо-Западный лингвистический журнал», издаваемые Новгородским университетом.

Ключевые слова: филология, грамматика, словесность, просвещение, фразеология, медиалингвистика, новгородский текст, Новгород, новгородика.

The authors argue that scholarly and educational traditions in the field of linguistics in Veliky Novgorod date back almost a thousand years. Today, their custodians and successors are the employees of the Humanitarian Institute of the Yaroslav the Wise Novgorod State University, who feel themselves heirs to the richest traditions of Novgorod literature, well known to Russian scholarship: history, philology, pedagogy, cultural studies. The continuity of education and scholarship in the ancient Anthony Monastery of Veliky Novgorod for many centuries can be discussed from a legal, historical and cultural points of view, but the enormous potential of the existing historical foundation and the current state of scholarly schools of phraseology, literary criticism and media linguistics is obvious. Thousands of philologists have been trained and graduated in Antonovo, who have become the backbone of the pedagogical, scholarly, media corps of the region and Russia, forming the corporate identity of many generations of Russianists and preserving pride in its great history. Research in the field of philology: Novgorod text in Russian culture, Novgorod literary regional studies, phraseology, media linguistics, are still carried out at a high level and are supported by grants from scientific foundations, are included in the history of Russian studies by large thematic scholarly forums, fundamental monographs and other numerous scholarly publications. Novgorod philologists, both employees of the Humanitarian Institute of Novgorod State University and its graduates, actively influence the surrounding language environment, as practitioners form the media field of the region in the role of speakers and experts, striving to preserve the Russian word and interest in it among wide circles of scholars and students. The results of humanitarian research by Russian and foreign scholars in Russian studies are reflected in the scientific journals “Uchenye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta” and “Verba”, published by Novgorod University.

Keywords: philology, grammar, literature, education, phraseology, media linguistics, Novgorod text, Novgorod, Novgorodica.

Введение: высокий уровень образования в Великом Новгороде

Одним из шести «крещений» Руси называют деятельность просветителей Кирилла и Мефодия, создавших славянскую азбуку. Последствия их миссии, жизни и главный подвиг

по просвещению славян выходят за хронологические и географические рамки существования русского государства. Именно фигуры этих святых открывают ряд просветителей на памятнике Тысячелетию России в Великом Новгороде. Не только христианское богослужение невозможно представить без книг и письменности, но и само возникновение Русской земли как государства и его единство.

Из рассказа Иоакимовской летописи мы знаем, что к моменту крещения новгородцев в городе уже существовал храм, окруженный дворами христиан. В археологических слоях между 972 и 989 гг. на мостовой Великой улицы Неревского конца был найден медный нательный крест — древнейшее свидетельство присутствия христиан в Новгороде. Для новокрещенной в 992 г. паствы в конце Епископской улицы детинца был построен первый соборный храм о 13 дубовых главах, возвышавшихся над Волховом. Для богослужения христианам необходим не только храм, но и книги, по которым совершается чтение и пение. В Новгороде, как и в других древнерусских городах, обучением грамоте занимались священнослужители, книжники, деяния которых отражены в летописях, хронографах, житиях, в эпосе и народных преданиях. Первый новгородский епископ Иоаким Корсуняни повелел при Софийском соборе некоему Ефрему обучать **учению книжному**. Это же название «Учение книжное» было у школы, основанной в 1030 г. в Новгороде Ярославом Мудрым. Освоение основ чтения и письма, грамматики, возможно, перевода с греческого языка базировалось на изучении содержания книг Библии, в том числе заучивании их наизусть. Одним из таких учебников, по которым в Новгороде с XI и вплоть до XVIII в. изучались грамматика, риторика, философия, была Псалтирь [Крапчунов, Терешкина, Гилл 2023].

О принципах овладения словесностью в начале XI в. рассказывает «Новгородский кодекс», найденный в 2000 г. на Троицком раскопе в Великом Новгороде, — древнейшая на сегодня славянская книга. До попадания в культурный слой около 1000 г. ее длительно и интенсивно использовали. Академик А. А. Зализняк обнаружил слои царяпин — текстов на деревянной основе церы под

воском и на полях, а также многократно нанесенный полный и сокращенный алфавит, названия букв алфавита, многочисленные соединения одного корня с разными приставками и одинаковых приставок с разными корнями, совсем как в современной школе при изучении чтения и письма [Зализняк 2001].

Для большого христианского города, центра земель, практически столицы требовалась системная подготовка огромного числа книжников, переводчиков, переписчиков, священников. Князь Ярослав Владимирович, по свидетельству летописи, в 1030 г. пришел в Новгород, собрал «от попов и старост 300 детей и отдал на учение книжное». Школа, в отличие от той, что основал Владимир Святославич в Киеве, имела колоссальный успех. Ярослав Владимирович не собирал в школу детей знати, сделав ее своеобразным социальным лифтом для горожан. Результат превзошел все ожидания: выпускники не только переводили, переписывали книги, но и сочиняли их сами. Они сделали письменность частью жизни города, принципиально повысившей ее качество. Начиная со слоев 50 годов XI в. в Новгороде находят берестяные грамоты. Письменность становится не только необходимой и неотъемлемой частью религиозной жизни и богослужения, но и способом коммуникации, общения, выражения чувств, деловой и бытовой переписки, а берестяные грамоты — самым известным явлением археологии Великого Новгорода, говорящим о широком распространении грамотности среди новгородцев, включая женщин и детей, умевших читать и писать. Триста детей выучились в школе грамоте и стали интеллектуальной элитой Новгорода. Они переписывались друг с другом, учили грамоте своих знакомых, а повзрослев, своих детей. Кроме грамот, надписи тех далеких времен дошли до нас на предметах ремесла, коже, из которой шили обувь, предметах обихода, туесах, бирках для скрепления товаров и мешков, стенах храмов.

Навык переписывания, а тем более перевода книг приводил к размышлению о месте и роли Новгорода, новгородцев, Русской земли в контексте мировой истории. Древнейшие тексты Новгородской первой летописи написаны между 1039

и 1042 гг. В последние годы, после раскопок академика В. В. Седова в старейшем русском монастыре России, Юрьевом, стало очевидным, что одним из источников для летописей стали обширные граффити первых новгородских храмов.

При втором епископе Новгорода в городе началось книгописание и сложение новгородских рукописных собраний. В стенах Антониева монастыря в середине XI в. работал с текстами Кирик, в 1047 г. священник, подписавшийся именем «поп Упирь-Лихый», переписал «Книгу толковых пророчеств» до Владимира Ярославича, и сам епископ Лука Жидята в 30–50 годы XI в. составил «Поучение». Во второй половине XI в. в Новгороде была написана краткая «Русская правда». В 1056–1057 гг. по заказу новгородского посадника Остромира дьякон Григорий переписал апракос — на сегодня самую древнюю датированную кириллическую книгу, написанную на пергамене.

Вековые традиции перевода и переписывания книг сделали именно Великий Новгород центром создания первого библейского свода для славянских народов — Геннадиевской Библии 1499 г. Круг соратников архиепископа Геннадия Новгородского заложил основы кодификации письменного и литературного наследия, определившие создание Великих Миней Четых архиепископом Макарием, будущим московским митрополитом. В XVI–XVII вв. именно Новгород стал центром обучения иностранцев русскому языку для дипломатических и коммерческих целей.

Архиерейская школа и европейские традиции науки и образования

С появлением в Новгороде одного из братьев Лихудов и открытием греко-славянской школы можно говорить о развитии европейских традиций образования на Новгородчине. Закончив Падуанский университет, Лихуды привозят в Новгород не только свои конспекты, библиотеку, но и методику преподавания. Очевидно, это педагогическое и методическое наследие повлияло на развитие Новгородской духовной семинарии, открывшейся при Анне Иоанновне. Не только книжное собрание Лихудов, но и библиотека

Феофана Прокоповича, а также других выдающихся деятелей отечественной истории того периода стали фундаментом и содержанием развития гуманитарного образования и науки в Антоново и Новгороде [Салоникив 2018]. Здесь преподавал митрополит Евгений (Болховитинов) — ученый, историк, друг поэта Г. Р. Державина; трудился архимандрит Макарий (Миролюбов) — автор двухтомного труда «Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях». Из стен Духовной семинарии вышел Тихон Задонский, канонизированный в 1861 г. Здесь учились Е. В. Барсов, известный этнограф, историк литературы, фольклорист; М. И. Владиславлев, философ, ректор Санкт-Петербургского университета; П. В. Никитин, филолог, публицист, декан историко-филологического факультета и ректор Санкт-Петербургского университета.

От семинарии до педагогического института

Новгородский институт народного образования, открывшийся 1 октября 1919 г., территориально находился в стенах бывшей духовной семинарии в Антоново. В 1922 г. его переименовали в Практический институт народного образования, который вобрал две учительские семинарии, существовавшие еще до революции, а также Седлецкий учительский институт Люблинской губернии, эвакуированный в Новгород в 1917 г. из Польши. В 1923 г. Практический институт народного образования стал Новгородским педагогическим техникумом. Далее филологическое образование развивалось в рамках факультета русского языка и литературы Новгородского государственного педагогического института (НГПИ, преобразован из педтехникума в 1932 г.). В 1934 г. институт стал учительским, в котором одним из двух оставшихся был именно этот факультет. После Великой Отечественной войны институт возродился в Боровичах в 1945 г. с историко-филологическим факультетом. В 1947 г. отделение русского языка и литературы выпустило 16 студентов, всего их обучалось на тот момент 46. В 1953 г. институт перевели в Новгород и преобразовали в педагогический.

На филологическом факультете не было ни одного доктора наук, хотя большинство преподавателей представляли научные школы московских и ленинградских вузов. Кафедрой русского языка и литературы с 1953 г. заведовал кандидат филологических наук, литературовед А. З. Жаворонков. Уже тогда студенты вместе с преподавателями работали над материалами для «Атласа русских говоров» и «Новгородского областного словаря» при взаимодействии с институтами АН СССР. В 1956 г. объединили исторический и филологический факультеты, а в 1961 г. открыли факультет иностранных языков. К концу шестидесятых годов в институте обучались 1206 студентов очно и 1760 заочно. Остепененность кадрового состава была около 40 %: из 145 человек пятеро имели степени докторов наук и 44 — кандидатов. Это привело к развитию науки, появлению журнала «Ученые записки», до наших дней являющегося одной из ведущих площадок для публикации результатов научной деятельности в области филологии [Крапчунов, Терешкина, Гилл 2023].

Новгородская диалектология в Новгородском университете

В 1993 г. из объединения Новгородского государственного педагогического института и Новгородского государственного политехнического института родился Новгородский государственный университет (НовГУ). В 1996 г. в его структуре выделили Гуманитарный институт. Изначально и до наших дней институт расположен в Антониевом монастыре, зданиях Новгородской семинарии, Новгородского педагогического института. В кампус института в качестве университетского входят семинарский храм 1533 г. и одно из первых в России зданий, построенных специально как библиотечное.

История знаменитой новгородской диалектологии в Гуманитарном институте берет начало в 1957 г., когда в НГПИ провели первую диалектологическую экспедицию — по заданию Академии наук начали сбор материалов для «Атласа русских говоров». С 1958 г. этой кропотливой многолетней работой руководила В. П. Строгова (1924–1996).

Составление Новгородского областного словаря завершилась лишь к началу 1990-х годов. Его выход предваряла книга В. П. Строговой «Как говорят в Новгородском крае» [Строгова 1991], в которой на более чем 100 страницах представлены словарные статьи диалектных слов преимущественно географической семантики. С 1992 по 2000 г. изданы 13 выпусков словаря — брошюр объемом около 200 страниц [НОС 1992].

Вторая редакция словаря готовилась уже Л. Я. Петровой (1949–2007) и А. В. Клевцовой (1931–2023). Ее издали в 2010 г. в Санкт-Петербурге в Институте лингвистических исследований РАН в серии «Памятники русского диалектного слова». 1435-страничный том включил более 25 000 слов и более 2500 фразеологизмов [НОС 2010].

К 25-летию выхода в свет первого выпуска Новгородского областного словаря была приурочена научная конференция «Диалектный словарь как лингвистический ресурс» (2017), в ходе которой были представлены результаты исследований, сделанных в той или иной связи со словарем-юбилеем.

Итог конференции — участие студентов-филологов НовГУ в работе над многомиллионными картотеками ИЛИ РАН и безусловное включение Новгородского областного словаря в изучение славянской культуры, запечатленной в слове. Сегодня работа со словарем в НовГУ продолжается.

Новгородская ономастика

Профессор кафедры филологии В. Л. Васильев проводит разноаспектный анализ гидронимии русского Северо-Запада. В книге «Славянские топонимические древности Новгородской земли» представлены результаты исследования географических названий, оставленных населением центральных районов средневековой Новгородской земли в период с первых веков славянского освоения окрестностей Ильменя до утраты Великим Новгородом политической независимости [Васильев 2012]. Монография «Гидронимия бассейна реки Мсты: свод названий и анализ микросистем» содержит гидронимический каталог — собрание

водных и соотнесенных с ними названий иных типов, локализованных в пределах бассейна реки Мсты, с алфавитными указателями и обратным словником названий, а также обширную вводную часть и очерки по типологии микросистемных отношений [Васильев 2017]. Такое издание интересно не только специалистам по ономастике, диалектологии, географии и истории, но и учителям и краеведам.

Другое направление новгородской ономастики — итоги изучения городского ономастикона, состава новгородских онимов, их типологии, связи с историей и культурой города, — представлены в статьях, учебном пособии [Шмелева 2016: 60–134] и монографии [Шмелева 2020].

В 2019 г. именно в НовГУ прошла VII международная конференция «Ономастика Поволжья», на которой обсуждались результаты исследования проблем антропонимики, городского ономастического пространства, литературной и фольклорной ономастики, а также региональной топонимии в историко-этимологических аспектах.

Новгородский текст в русской литературе

На филологическом факультете в НГПИ и затем в НовГУ работали прославившие новгородскую филологическую школу преподаватели: литературоведы М. А. Макина, Г. Е. Тамарченко, А. А. Терентьева; языковеды Т. П. Крестинская, Н. В. Ведерников, А. Н. Зеленев, В. П. Строгова, А. В. Клевцова, А. Г. Черкасова, Н. А. Павлова. Потом пришло новое талантливое поколение: В. П. Жуков, Н. И. Лавров, А. В. Жуков, В. В. Мусатов. Научные традиции ушедших коллег продолжают сегодня В. Г. Дидковская [Дидковская 2011], С. И. Автономова, исследования которых посвящены проблемам биографии, поэтики и текстологии русских писателей XVIII–XX вв. Исследование названных проблем предполагало решение задач, связанных с «белыми пятнами» в области творческой биографии писателей; взаимодействием их творчества с особенностями развития общественной мысли; комментированием текстов, изучение которых нуждается в новых прочтениях и подходах.

В 1900-е и 2000-е годы проводилась совместная научная работа литературоведов Новгородского университета и вузов Москвы (МГУ, РГГУ, МГПИ), Санкт-Петербурга (СПбГУ, РГПИ им. А. И. Герцена), Твери, Пскова, Казани и др. Результат этой работы — крупные международные научные конференции: три конференции совместно с ИРЛИ РАН — «Пушкин и русская культура» (1996); «Пушкин и Достоевский» (1998); «Пушкин и мировая культура» (2004). А также «А. Блок и мировая культура» (2000); «Некалендарный XX век» (2000); научно-практический семинар «Русский Ницше: русская литература XX века и “кризис ценностей” европейской культуры» (2003); Международная научная конференция и XVI съезд англистов «Литература Великобритании и романский мир» (2006); «Велимир Хлебников и русский авангард» (2013); «Лермонтов и история» (2013).

Профессор В. В. Дудкин, занимавший должности декана филологического факультета НовГУ, завкафедрой зарубежной литературы, известен как автор работ по поэтике и философским основам творчества Шекспира, Блока, Достоевского. Он считается одним из ведущих исследователей русско-европейских литературных связей. В книге «Достоевский — Ницше (Проблема человека)» [Дудкин 1994] впервые монографически рассмотрено творчество двух властителей умов XX в., Достоевского и Ницше, в сопоставлении их взглядов на проблему человека. В новой монографии В. В. Дудкин подтверждает репутацию Достоевского как мирового писателя, анализируя разного рода повторы как связи с предшественниками и последователями [Дудкин 2018].

Сферой интересов профессора С. Г. Исаева (1942–2017) была теория литературы. В монографии о поэтике условных форм в русской литературе начала XX в. [Исаев 2001] раскрывается вариативность художественной образности русской прозы, восходящая к различным идеям культуры. Продолжил С. Г. Исаев развитие своей теории в книге о литературно-художественных масках [Исаев 2012], где литературные маски представлены в виде развернутой системы образов и описана масковая образность, ее элементы и приемы организации.

Доцентом И. С. Абрамовской подготовлены к изданию вошедшие в научный оборот книги «Русская идиллия» в эстетике и прозе конца XVIII — первой половины XIX века [Абрамовская 2005], «Сентиментальные путешествия в Тавриду: крымский миф в русской культуре первой половины XIX в.» [Абрамовская, Охременко 2016], а также составлены введение и комментарий к «путевым негативам» А. В. Круглова [Круглов 2016].

В. В. Мусатов — автор многочисленных учебников и учебных пособий [Мусатов 1980; Мусатов 2001; Мусатов, Игошева, Петрова 2002], по которым и сегодня работают в учебных заведениях страны. Монографии В. В. Мусатова о пушкинской традиции в русской поэзии первой половины XX в. [Мусатов 1991; Мусатов 1998], о поэзии О. Мандельштама [Мусатов 2000] и А. Ахматовой [Мусатов 2016] и в настоящее время востребованы специалистами-филологами, студентами и всеми, кто интересуется проблемами русской литературы. Начиная с 2007 г. каждые два года в конце сентября в Новгородском университете усилиями коллег, учеников и единомышленников проходят «Мусатовские чтения» — международная конференция, посвященная памяти В. В. Мусатова. Организаторами и участниками всех «Чтений» выступили вдова В. В. Мусатова, профессор О. С. Бердяева [Бердяева 2019], и Н. Ф. Иванова, заведующая кафедрой литературы, а с 2019 г. — руководитель Научно-образовательного центра литературоведения. Неизменно в них принимают участие ученики [Игошева 2022].

В. В. Мусатов инициировал приглашение в 1994 г. в Новгородский государственный университет В. А. Кошелева (1950–2020). В. А. Кошелевым было написано множество книг: о творческом пути К. Н. Батюшкова [Кошелев 1987], «Четыре портрета из пушкинской плеяды» [Кошелев 1996]; «Первая книга Пушкина» [Кошелев 1997]; «Онегина воздушная громада...» [Кошелев 1999], «Пушкин: история и предание» [Кошелев 2000] и др.

Наиболее важный труд, в котором отражено множество фактов, представляющих Великий Новгород как локус русской культуры, место рождения и жизни деятелей русской словесности,

символ демократии и свободы, — фундаментальное издание, которое его инициатор и редактор В. А. Кошелев называл «компендиум» [Новгородский край... 2009].

Новгородская фразеологическая школа

Видный фразеолог А. М. Бабкин в аспирантуре Ленинградского отделения Института языкознания АН СССР предложил В. П. Жукову, своему ученику, а впоследствии основателю широко известной Новгородской фразеологической школы, тему «Сказуемое, выраженное устойчивыми словосочетаниями в современном русском языке». Как отмечает В. И. Макаров, «...Впоследствии В. П. Жуков перенес свои научные интересы на благодатную в плане развития научного и филологического знания новгородскую землю» [Макаров 2021: 97].

Неизменная востребованность фразеологической концепции В. П. Жукова — это признание научное, а неиссякаемый интерес читателей к «Словарю русских пословиц и поговорок» [Жуков 2007b], «Словарю фразеологических синонимов русского языка», написанному совместно с М. И. Сидоренко и В. Т. Шкляровым [Жуков, Сидоренко, Шкляров 2005], — это уже народное признание.

Уникальный «Школьный фразеологический словарь русского языка» [Жуков 1980] сразу завоевал признание преподавателей и широкой читающей аудитории. Усилиями его сына и соавтора — профессора А. В. Жукова (1947–2023) — «Школьный фразеологический словарь» неоднократно переиздавался с дополнениями, списками, улучшающими навигацию, предисловием, послесловием [Жуков, Жуков 2013].

А. В. Жуков развивал идеи фразеологической переходности как способности фразеологизма и его компонентов сохранять или восстанавливать содержательные или формальные свойства исходного словосочетания. Продолжил А. В. Жуков и фразеографическую работу. В частности, создан «Лексико-фразеологический словарь» [Жуков 2007a], в котором реализован подход лексикографического описания от фразеологизма к слову, когда исходной единицей словарной разработки является фразеологический оборот. Словарь

представил многомерность и динамичность переходной единицы, которая находится в подвешенном состоянии, потому что идиоматичности противодействует семантическая остаточность. В словаре описана та часть идиоматического фонда русского языка, в которой обнаружены отчетливые семантические и деривационные отношения с соответствующими словами свободного употребления. В соавторстве с М. Е. Жуковой составлен «Современный фразеологический словарь», включающий 1600 наиболее употребляемых в современных газетных текстах и других СМИ устойчивых оборотов русского литературного языка [Жуков, Жукова 2009].

Фразеологические словари и пособия с современным материалом, изданные научной школой, отражают сформировавшийся публицистический и интернет-дискурс начала XXI в. К представителям более молодого поколения школы относятся кандидаты филологических наук, работающие на кафедре филологии (А. В. Батулина, Т. И. Кошелева, В. И. Макаров), на других кафедрах университета (Ю. А. Максяшина, Т. А. Лапаева), а также в других учреждениях (К. А. Жуков, Т. Г. Зуева, О. Ю. Машина, Ю. Е. Коркина).

В фокусе научной проблематики школы сегодня — своеобразие знаковых и семантических свойств фразеологизмов и смежных с ними языковых единиц, их разноаспектная типология и межуровневые отношения, переходные явления во фразеологии и паремиологии, фразеография, сравнительно-типологические и концептуально-культурологические характеристики фразеологизмов русского и других языков.

Прикладная русистика и исследование современных медиакоммуникаций: новгородская журналистика и язык медиа

Нельзя не упомянуть исследования грамматиста Ю. П. Князева, многие труды которого построены на материале медиа [Князев 2010].

Новгородская журналистика, начиная с губернской, изучается профессором А. Л. Семеновым и ее учениками. Новгородское медиаполе

в лингвистическом аспекте занимает значимую часть лингвистических исследований сотрудников кафедры журналистики Т. В. Шмелевой, Т. Л. Каминской. Так, в коллективной монографии [Новгородское медиаполе... 2015] представлена дискурсивная модель регионального медиаполя, при этом с использованием классических и современных методов медиалингвистики описаны новостной, городской, культурный, исторический, религиозный, экологический дискурсы, а также их взаимовлияние. В рамках медиалингвистических исследований описаны отдельные ведущие дискурсы [Каминская 2021]. Методом портретирования охарактеризованы новгородские медиа и отдельные журналисты.

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамовская 2005 — Абрамовская И. С. «Русская идиллия» в эстетике и прозе конца XVIII — первой половины XIX века. Великий Новгород: НовГУ имени Ярослава Мудрого, 2005. 88 с.
- Абрамовская, Охременко 2016 — Абрамовская И. С., Охременко А. А. *Сентиментальные путешествия в Тавриду: крымский миф в русской культуре первой половины XIX в.* Нижний Новгород: Растр, 2016. 507 с.
- Бердяева 2019 — Бердяева О. С. Традиция продолжается. Мусатовские чтения — 2019. *Ученые записки Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого.* 2021, 1 (34): 1–4.
- Васильев 2012 — Васильев В. Л. *Славянские топонимические древности Новгородской земли.* М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2012. 815 с.
- Васильев 2017 — Васильев В. Л. *Гидронимия бассейна реки Мсты: свод названий и анализ микросистем.* 2-е изд. М.: Языки славянских культур, 2017. 344 с.
- Дидковская 2011 — Дидковская В. Г. Влас Платонович Жуков (к 90-летию со дня рождения). *Русский язык в школе.* 2011, 4: 85–90.
- Дудкин 1994 — Дудкин В. В. *Достоевский — Ницше (Проблема человека).* Петрозаводск: КГПИ, 1994. 153 с.
- Дудкин 2018 — Дудкин В. В. *Достоевский в контекстах античной и европейских зарубежных литератур.* Великий Новгород: НовГУ имени Ярослава Мудрого, 2018. 373 с.
- Жуков 1980 — Жуков В. П. *Школьный фразеологический словарь русского языка: пособие для учащихся.* М.: Просвещение, 1980. 447 с.
- Жуков 2007а — Жуков А. В. *Лексико-фразеологический словарь русского языка.* М.: АСТ, 2007. 605 с.
- Жуков 2007б — Жуков В. П. *Словарь русских пословиц и поговорок.* 13-е изд. Предисловие А. В. Жукова. М.: Русский язык Медиа, 2007. 650 с.
- Жуков, Жукова 2009 — Жуков А. В., Жукова М. Е. *Современный фразеологический словарь русского языка.* М.: Астрель; АСТ, 2009. 445 с.
- Жуков, Жуков 2013 — Жуков В. П., Жуков А. В. *Школьный фразеологический словарь русского языка.* 7-е изд. М.: Просвещение, 2013. 574 с.
- Жуков, Сидоренко, Шкляров 2005 — Жуков В. П., Сидоренко М. И., Шкляров В. Т. *Толковый словарь фразеологических синонимов русского языка.* 2-е изд., стереотип. Послесловие А. В. Жукова. М.: АСТ; Астрель; Ермак, 2005. 445 с.
- Зализняк 2001 — Зализняк А. А. Новгородский кодекс первой четверти XI в. — древнейшая книга Руси. *Вопросы языкознания.* 2001, 5: 3–25.
- Игошева 2022 — Игошева Т. В. Поэтика энигматического текста в стихотворении Пастернака «Июль». *Филологический класс.* 2022, 27 (4): 125–132.
- Исаев 2001 — Исаев С. Г. «Сознанию неизвестная мощь...»: поэтика условных форм в русской литературе начала XX в. Великий Новгород: НовГУ имени Ярослава Мудрого, 2001. 213 с.
- Исаев 2012 — Исаев С. Г. *Литературно-художественные маски: теория и поэтика.* СПб.: Дмитрий Буланин, 2012. 352 с.
- Каминская 2021 — Каминская Т. Л. Феминизм как модный медиадискурс: речевой аспект. *Мир русского слова.* 2021, 2: 25–35.
- Князев 2010 — Князев Ю. П. *Словарь живых крылатых выражений русского языка.* М.: Астрель; АСТ, 2010. 793 с.
- Кошелев 1987 — Кошелев В. А. *Константин Батюшков. Странствия и страсти.* М.: Современник, 1987. 349 с.
- Кошелев 1996 — Кошелев В. А. *Четыре портрета из пушкинской плеяды.* Псков: ПОИПКРО, 1996. 118 с.
- Кошелев 1997 — Кошелев В. А. *Первая книга Пушкина.* Томск: Водолей, 1997. 224 с.
- Кошелев 1999 — Кошелев В. А. «Онегина воздушная громада...». СПб.: Акад. проект, 1999. 284 с.
- Кошелев 2000 — Кошелев В. А. *Пушкин: история и предания: очерки.* СПб.: Акад. проект, 2000. 360 с.
- Крапчунов, Терешкина, Гилл 2023 — Крапчунов Д. Е., Терешкина Д. Б., Гилл Е. В. Гуманитарное образование в Новгородской области: исторические предпосылки и современное состояние. В сб.: *Современный университет как фактор опережающего развития региона: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. (Великий Новгород, 23 июня 2023 года).* Великий Новгород: НовГУ имени Ярослава Мудрого, 2023. С. 38–50. https://doi.org/10.34680/978-5-89896-876-2.2023.novsu_profsovrание_03
- Круглов 2016 — Круглов А. *На исторической реке: (путевые негативы).* Сост., вступ. ст., ком. И. С. Абрамовской. Великий Новгород: НовГУ имени Ярослава Мудрого, 2016. 274 с.
- Макаров 2021 — Макаров В. И. Новгородская фразеологическая школа. *Verba.* 2021, 2 (2): 95–108.
- Мусатов 1980 — Мусатов В. В. *Художественные традиции в современной поэзии: учеб. пособие.* Иваново: ИвГУ, 1980. 88 с.
- Мусатов 1991 — Мусатов В. В. *Пушкинская традиция в русской поэзии первой половины XX в.: (А. Блок, С. Есенин, В. Маяковский).* М.: Прометей, 1991. 188 с.

Мусатов 1998 — Мусатов В. В. *Пушкинская традиция в русской поэзии первой половины XX века*. М.: РГГУ, 1998. 483 с.

Мусатов 2000 — Мусатов В. В. *Лирика Осипа Мандельштама*. Киев: Ника-Центр; Эльга-Н, 2000. 558 с.

Мусатов 2001 — Мусатов В. В. *История русской литературы первой половины XX века (советский период): учеб. пособие*. М.: Academia; Высш. шк., 2001. 310 с.

Мусатов 2016 — Мусатов В. В. «В то время я гостила на земле...»: лирика Анны Ахматовой. М.: Азбуковник, 2016. 639 с.

Мусатов, Игошева, Петрова 2002 — Мусатов В. В., Игошева Т. В., Петрова Г. В. *История русской поэзии: «Серебряный век»: лекционное прил. к мультимедийному курсу*. Великий Новгород, 2002. 148 с.

Новгородский край... 2009 — *Новгородский край в русской литературе*. Гавриков А. Л. и др. (ред.). Великий Новгород: НовГУ имени Ярослава Мудрого, 2009. 927 с.

Новгородское медиаполе... 2015 — *Новгородское медиаполе: опыты лингвистических исследований*. Шмелева Т. В. (ред.). НовГУ имени Ярослава Мудрого. Великий Новгород, 2015. 223 с.

НОС 1992 — *Новгородский областной словарь. Вып. 1–13*. А. В. Клевцова, В. П. Строгова, Л. Я. Петрова (авт.-сост.). Новгород: НГПИ (НовГУ), 1992–1999.

НОС 2010 — *Новгородский областной словарь*. А. Н. Левичкин и С. А. Мызников (подгот.). СПб.: Наука, 2010. 1435 с.

Салоников 2018 — Салоников Н. В. *Новгородская школа братьев Лихудов при архиепископе Феофане (Прокоповиче)*. В сб.: Салоников Н. В. *Европейские традиции в истории высшей школы в России: от доуниверситетской модели к университетам*. Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2018. С. 63–70.

Строгова 1991 — Строгова В. П. *Как говорят в Новгородском крае*. Новгород, 1991. 134 с.

Шмелева 2016 — Шмелева Т. В. *Новгородская словесность: учеб. пособие*. Великий Новгород: НовГУ имени Ярослава Мудрого, 2016. 183 с.

Шмелева 2020 — Шмелева Т. В. *Великий Новгород. Ономастический портрет*. Великий Новгород: Печатный двор, 2020. 288 с.

REFERENCES

Абрамовская 2005 — Abramovskaya I. S. “Russian idyll” in *aesthetics and prose of the late 18th — first half of the 19th centuries*. Veliky Novgorod: Novgorodskii gosudarstvennyi universitet imeni Iaroslava Mudrogo Publ., 2005. 88 p. (In Russian)

Абрамовская, Охременко 2016 — Abramovskaya I. S., Okhremenko A. A. *Sentimental travels to Taurida: Crimean myth in Russian culture of the first half of the 19th century*. Nizhny Novgorod: Rastr Publ., 2016. 507 p. (In Russian)

Бердяева 2019 — Berdyeva O. S. The tradition continues. Musatov readings — 2019. *Uchenye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Iaroslava Mudrogo*. 2021, 1 (34): 1–4. (In Russian)

Васильев 2012 — Vasilyev V. L. *Slavic toponymic antiquities of the Novgorod land*. Moscow: Rukopisnye pamiatniki Drevnei Rusi Publ., 2012. 815 p. (In Russian)

Васильев 2017 — Vasiliev V. L. *Hydronymy of the Msta River Basin: Collection of names and analysis of microsystems*. 2nd ed. Moscow: Iazyki slavianskikh kul'tur Publ., 2017. 344 p. (In Russian)

Дидковская 2011 — Didkovskaya V. G. Vlas Platonovich Zhukov (to the 90th anniversary of his birth). *Russkii iazyk v shkole*. 2011, 4: 85–90. (In Russian)

Дудкин 1994 — Dudkin V. V. *Dostoevsky — Nietzsche (The Problem of Man)*. Petrozavodsk: Karelskii gosudarstvennyi pedagogicheskii institut Publ., 1994. 153 p. (In Russian)

Дудкин 2018 — *Dostoevsky in the contexts of ancient and European foreign literatures*. Veliky Novgorod: Novgorodskii gosudarstvennyi universitet imeni Iaroslava Mudrogo Publ., 2018. 373 p. (In Russian)

Жуков 1980 — Zhukov V. P. *School phraseological dictionary of the Russian language: A manual for students*. Moscow: Prosveshchenie Publ., 1980. 447 p. (In Russian)

Жуков 2007a — Zhukov A. V. *Lexical and phraseological dictionary of the Russian language*. Moscow: AST Publ.; Astrel' Publ., 2007. 605 p. (In Russian)

Жуков 2007b — Zhukov V. P. *Dictionary of Russian proverbs and sayings*. 13th ed. Moscow: Russkii iazyk Media Publ., 2007. 650 p. (In Russian)

Жуков, Жукова 2009 — Zhukov A. V., Zhukova M. E. *Modern phraseological dictionary of the Russian language*. Moscow: AST Publ.; Astrel' Publ., 2009. 445 p. (In Russian)

Жуков, Жуков 2013 — Zhukov V. P., Zhukov A. V. *School phraseological dictionary of the Russian language*. 7th ed. Moscow: Prosveshchenie Publ., 2013. 574 p. (In Russian)

Жуков, Сидоренко, Шклярков 2005 — Zhukov V. P., Sidorenko M. I., Shklyarov V. T. *Explanatory dictionary of phraseological synonyms of the Russian language*. 2nd ed. Moscow: AST Publ.; Astrel' Publ.; Ermak Publ., 2005. 445 p. (In Russian)

Зализняк 2001 — Zaliznyak A. A. Novgorod Code of the first quarter of the 11th century — the oldest book of Rus'. *Voprosy iazykoznanii*. 2001, 5: 3–25. (In Russian)

Игошева 2022 — Igosheva T. V. Poetics of the enigmatic text in Pasternak's poem “July”. *Filologicheskii klass*. 2022, 27 (4): 125–132. (In Russian)

Исаев 2001 — Isaev S. G. “Unknown power to consciousness...”: *Poetics of conventional forms in Russian literature of the early 20th century*. Veliky Novgorod: Novgorodskii gosudarstvennyi universitet imeni Iaroslava Mudrogo Publ., 2001. 213 p. (In Russian)

Исаев 2012 — Isaev S. G. *Literary and artistic masks: Theory and poetics*. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin Publ., 2012. 352 p. (In Russian)

Каминская 2021 — Kaminskaya T. L. Feminism as a fashionable media discourse: Speech aspect. *Mir russkogo slova*. 2021, 2: 25–35. (In Russian)

Князев 2010 — Knyazev Yu. P. *Dictionary of living catchphrases of the Russian language*. Moscow: AST Publ.; Astrel' Publ., 2010. 793 p. (In Russian)

- Косхелев 1987 — Koshelev V. A. *Konstantin Batyushkov. Travels and passions*. Moscow: Sovremennik Publ., 1987. 349 p. (In Russian)
- Косхелев 1996 — Koshelev V. A. *Four portraits from Pushkin's galaxy*. Pskov: Pskovskii oblastnoi institut povysheniia kvalifikatsii rabotnikov obrazovaniia Publ., 1996. 118 p. (In Russian)
- Косхелев 1997 — Koshelev V. A. *Pushkin's first book*. Tomsk: Vodolei Publ., 1997. 224 p. (In Russian)
- Косхелев 1999 — Koshelev V. A. "Onegin's aerial community...". St. Petersburg: Akademicheskii proekt Publ., 1999. 284 p. (In Russian)
- Косхелев 2000 — Koshelev V. A. *Pushkin: History and legends: Essays*. St. Petersburg: Akademicheskii proekt Publ., 2000. 360 p. (In Russian)
- Крапчунов, Терешкина, Гилл 2023 — Krapchunov D. E., Tereshkina D. B., Gill E. V. Humanities education in the Novgorod region: Historical background and current state. In: *Sovremennyy universitet kak faktor operezhaiushchego razvitiia regiona: sbornik materialov Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Velikii Novgorod, 23 iyunia 2023 goda)*. Veliky Novgorod: Novgorodskii gosudarstvennyi universitet imeni Iaroslava Mudrogo Publ., 2023. P. 38–50. https://doi.org/10.34680/978-5-89896-876-2.2023.novsu_profsobranie_03 (In Russian)
- Круглов 2016 — Kruglov A. *On the historical river: (Travel negatives)*. Veliky Novgorod: Novgorodskii gosudarstvennyi universitet imeni Iaroslava Mudrogo Publ., 2016. 274 p. (In Russian)
- Макаров 2021 — Makarov V. I. Novgorod phraseological school. *Verba*. 2021, 2 (2): 95–108. (In Russian)
- Мусатов 1980 — Musatov V. V. *Artistic traditions in modern poetry*. Ivanovo: Ivanovskii gosudarstvennyi universitet Publ., 1980. 88 p. (In Russian)
- Мусатов 1991 — Musatov V. V. *Pushkin tradition in Russian poetry of the first half of the 20th century: (A. Blok, S. Yesenin, V. Mayakovsky)*. Moscow: Prometei Publ., 1991. 188 p. (In Russian)
- Мусатов 1998 — Musatov V. V. *Pushkin tradition in Russian poetry of the first half of the 20th century*. Moscow: Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet Publ., 1998. 483 p. (In Russian)
- Мусатов 2000 — Musatov V. V. *Lyrics by Osip Mandelstam*. Kiev: Nika-Centr Publ.; El'ga-N Publ., 2000. 558 p. (In Russian)
- Мусатов 2001 — Musatov V. V. *History of Russian literature of the first half of the 20th century (Soviet period)*. Moscow: Academia Publ.; Vysshiaia shkola Publ., 2001. 310 p. (In Russian)
- Мусатов 2016 — Musatov V. V. "At that time I was visiting the earth...": *Lyrics by Anna Akhmatova*. Moscow: Azbukovnik Publ., 2016. 639 p. (In Russian)
- Мусатов, Игошева, Петрова 2002 — Musatov V. V., Igo-sheva T. V., Petrova G. V. *History of Russian poetry: "Silver Age": Lecture application to the multimedia course*. Veliky Novgorod: Novgorodskii gosudarstvennyi universitet imeni Iaroslava Mudrogo Publ., 2002. 148 p. (In Russian)
- Новгородский край... 2009 — *Novgorod region in Russian literature*. Gavrikov A. L. et al. (eds). Veliky Novgorod: Novgorodskii gosudarstvennyi universitet imeni Iaroslava Mudrogo Publ., 2009. 927 p. (In Russian)
- Новгородское медиаполе... 2015 — *Novgorod media field: Experiences in linguistic research*. Shmeleva T. V. (ed.). Veliky Novgorod: Novgorodskii gosudarstvennyi universitet imeni Iaroslava Mudrogo Publ., 2015. 223 p. (In Russian)
- НОС 1992 — *Novgorod regional dictionary. Iss. 1–13*. A. V. Klevcova, V. P. Strogova, L. Ya. Petrova (comp.). Veliky Novgorod: Novgorodskii gosudarstvennyi universitet imeni Iaroslava Mudrogo Publ., 1992–1999. (In Russian)
- НОС 2010 — *Novgorod regional dictionary*. Levichkin A. N., Myznikov S. A. (eds). St. Petersburg: Nauka Publ., 2010. 1435 p. (In Russian)
- Салоники 2018 — Thessaloniki N. V. Novgorod school of the Likhud brothers under Archbishop Feofan (Prokopovich). In: *Evropeiskie traditsii v istorii vysshei shkoly v Rossii: ot douniversitetskoj modeli k universitetam*. Veliky Novgorod: Novgorodskii gosudarstvennyi universitet imeni Iaroslava Mudrogo Publ., 2018. P. 63–70. (In Russian)
- Строгова 1991 — Strogova V. P. *As they say in the Novgorod region*. Novgorod, 1991. 134 p. (In Russian)
- Шмелева 2016 — Shmeleva T. V. *Novgorod literature*. Veliky Novgorod: Novgorodskii gosudarstvennyi universitet imeni Iaroslava Mudrogo Publ., 2016. 183 p. (In Russian)
- Шмелева 2020 — Shmeleva T. V. *Veliky Novgorod. Onomastic portrait*. Veliky Novgorod: Pechatnyi dvor Publ., 2020. 288 p. (In Russian)